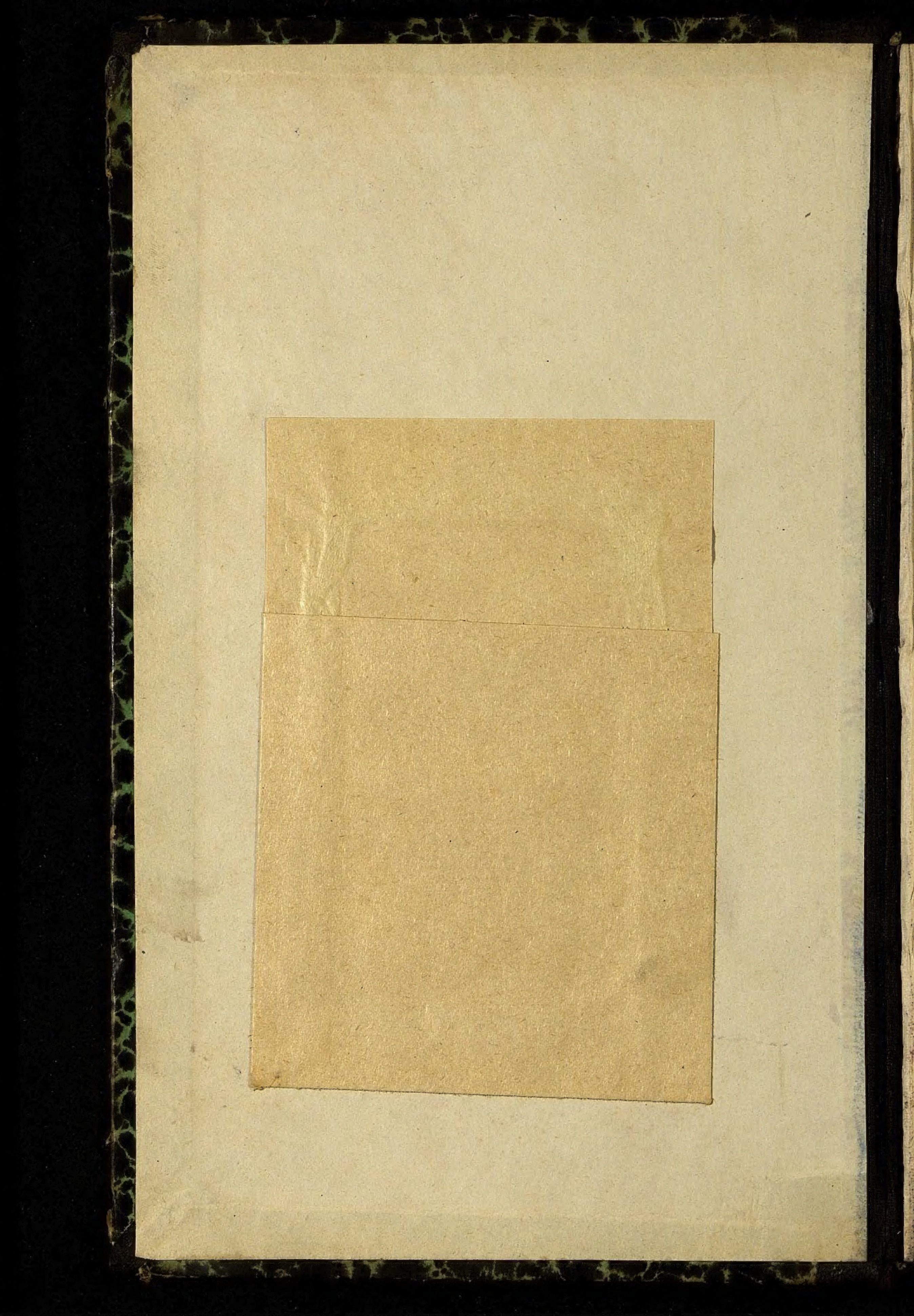
Фур. Старина

№ 8

1911 г.

С АРИН

г.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XLII-й. АВГУСТЪ. 1911 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

Приложенія: Портретъ Сергѣя Ѳедоровича Платонова. Карта Западно-Русскаго края.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1911 года.

Пріемъ по дѣламъ редакціи по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 ч. пополудни.
Редакція помѣщается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. 18. Телефонъ 37—66.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Тип. т-ва п. ф. «Электро-Тип. Н. Я. Стойковой», Знаменская, 27.
1911.

VIII-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го августа 1911 года.

Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 19 января по 2 февраля 1911 г.

Бѣлинскій, В. Г. Статьи о Кольцовѣ съ приложеніемъ библіографическаго указателя литературы о Кольцовѣ и списки темъ по его сочиненіямъ. Литературная Библіотека № 4. Вильна 1911. Изд. Сѣверозападнаго Книгоизд. Тип. А. Г. Сыркина (Большая, соб. д.). 8° (14×22). 66+1 нен. стр. Ц. 25 к. Вѣсъ 6 л. 2.000 экз.

Варнеке, Б. В. По поводу древне-греческой вазы изъ собранія Императорскаго Эрмитажа. Одесса. 1910. Тип. Е. Хрисогелоса (ул. Кондратенко, 8). 8° (20×27). 10 стр. Вѣсъ 2 л. 50 экз.

Васильевъ. Ѳ. Т. Рѣдкая мѣдная монета 10 копѣекъ Императора Александра Перваго 1809 года (Отд. от. изъ XXVI т. „Извѣстій об-ва археологіи, исторіи и этнографіи“ за 1911 г.). Казань. 1911. Тип. Университета. 8° (17×24). 2 стр. Вѣсъ 1 л. 50 экз.

Вейнбергъ. Б. П. Изъ воспоминаній о Дмитріи Ивановичѣ Менделѣевѣ, какъ лекторѣ. Томскъ. 1910. Тип. Губ. Управл. 8° (15×23). 42 стр. Ц. 30 к. Вѣсъ 5 л. 2.000 экз.

Гладкій, И. К. Николай Васильевичъ Гоголь. (Его душевно-творческій путь). Кіевъ. 1911. Тип. Р. К. Лубковскаго (Б. Владимірская, 46). 8° (16×23). 20 стр. Вѣсъ 5 л. 160 экз.

Гудзь, И. К. Матеріалы для исторіи Тверского Губернскаго Земства 1866—1908 г.г. Томъ VIII. Народное образованіе. Охраненіе народной нравственности. Подъ ред. А. Н. Полтева. Тверь. 1910. Изд. и тип. Тверск. губернск. земства. 8° (18×26). XXI+1.105 стр. Съ портр. Вѣсъ 3 ф. 1 л. 750 экз.

Дюнькинъ, Н. И. и Новиковъ, А. И. С. Т. Аксаковъ. Біографія и разборъ его главныхъ произведеній. Подъ ред. Владиміра Рябова. (Учащимся пособіе для сочиненій). Спб., 1911. Изд. книжн. магаз. Ив. Загряжскаго (Спб. Вас. О., Большой пр., 13). Тип. В. Безобразова и К° (Вас. О., Большой просп., 61). 8° (16×22). 69 стр. Ц. 30 коп. Вѣсъ 7 л. 2.000 экз.

Ефимова, Е. Царь-Освободитель Александръ II, его жизнь и славная дѣятельность. М. 1911. Изд. 3-е и тип. И. Д. Сытина (Пятницк., с. д.). 8° (17×24). 78 стр. Съ 48 рис. Ц. 25 к. Вѣсъ 9 л. 10.000 экз.

Жизнь и царствованіе Императора Александра II. Общественная библіотека № 16. Спб. 1911. Изд. Всерос. Національнаго Клуба (Спб., Литейный, 10). Тип. А. С. Суворина (Эртелевъ, пер., 13). 8° (15×21). 72 стр. Съ рис. Ц. 20 к. Вѣсъ 7 л. 10.200 экз.

Заколпскій, Н. Н. Гр. Н. С. Мордвиновъ. Его взгляды на современныя ему экономическія задачи русской жизни. Вязники. 1910. Тип. С. К. Матренинскаго. 8° (15×23). 65 стр. Складъ: Кн. маг. Сизяковыхъ. Вязники. Ц. 75 к. Вѣсъ 9 л. 200 экз.

Затворницкій, Н. М. Фельдмаршалъ Великій Князь Николай Николаевичъ Старшій. Спб. 1911. Тип. М. О. Вольфа (В. О., 16 линія, 5—7), 8° (16×23). 20 стр. Съ рис. Ц. 20 к. Вѣсъ 4 л. 40.000 экз.

Ксюнинъ, Ал. Уходъ Толстого. Спб. 1911. Изд. и тип. А. С. Суворина (Эртелевъ пер., 13). 8° (14×20). 97 стр. Съ 18 рис. Ц. 75 к. Вѣсъ 12 л. 3.000 экз.

М—нъ, В., прот. Школьныя и семейныя воспоминанія. (Очеркъ духовной школы и быта духовенства въ половинѣ прошлаго столѣтія). Спб. 1910. Тип. Глазунова (Казанская ул., № 8). 8° (16×23). 1 неп.+143 стр. Вѣсъ 17 л. 400 экз.

Макаровъ, В. Е. Очеркъ исторіи старообрядчества отъ Никона до нашихъ дней. М. 1911. Тип. И. М. Машистова. 8° (18×26). 75 стр. Ц. 40 к. Вѣсъ 9 л. 2.000 экз.

Новосельскій, Александръ. Памяти Вѣры Коммиссаржевской. (Сборникъ). М. 1910. Тип. „Трудъ“ (Газетный, 6). 8° (15×21). 306 стр. Ц. 1 р. 25 к. Вѣсъ 26 л. 925 экз.

Отчетная выставка за 1910 г. собранныхъ Этнографическимъ Отдѣломъ Русскаго Музея Императора Александра III Этнографическихъ коллекцій. Спб. 1911. Тип. „Энергія“, (Загородный пр. 17). 8° (15×21). 8 стр. Вѣсъ 1 л. 600 экз.

Павловъ, В. И. А. К. Толстой. Разборъ произведеній, характеристика дѣйствующихъ лицъ, содержаніе и подробный планъ. Содержаніе. 1) Общая характеристика литературной дѣятельности А. К. Толстого. 2) Характеристика эпохи по трилогіи Ал. Толстого. Подробное изложеніе. I. Смерть Іоанна Грознаго. II. Царь Ѳедоръ Іоанновичъ. III. Царь Борисъ. Одесса. 1910. Изд. и тип. Книгоизд. М. С. Козмана (Гимназическ., 3). 16° (14×19). 46 стр. Ц. 25 к. Вѣсъ 4 л. 3.000 экз.

Петровскій, С., прот. Н. И. Пироговъ въ Севастополѣ. (Къ столѣтію со дня рожденія). Одесса 1911. Тип. Е. Хрисогелоса (ул. Кондратенко, 8). 8° (20×27). 32 стр. Вѣсъ 5 л. 100 экз.

Пятидесятилѣтіе Освобожденія Крестьянъ. 1861—1911, 19 Февраля. Спб. 1911. Изд. Е. В. Богдановича. Тип. Р. Голике и А. Вильборгъ (Звенигородская, 11). 8° (15×23). 48 стр. Съ 7 рис. Вѣсъ 5 л. 50.000 экз.

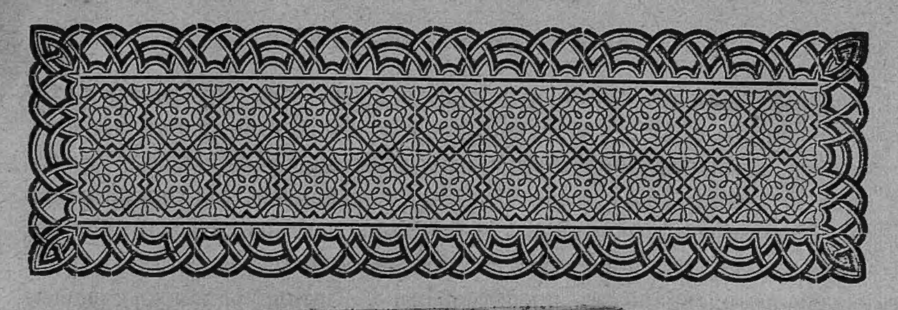
Рождествинъ, А. Императоръ Александръ II. Къ 50-лѣтію освобожденія крестьянъ и 30-лѣтію мученической кончины Царя-Освободителя. 19-го февраля 1861—1911 и 1-го марта 1881—1911 года. Казань. 1911. Тип. университета. 8° (18×25). 63+III стр. Съ рис.+2 портр. Складъ: кн. маг. бр. Башмаковыхъ и Маркелова и Шаронова. Ц. 25 к. Вѣсъ 7 л. 1.200 экз.

Русскіе сектанты, ихъ ученіе, культъ и способы пропаганды. Братскій трудъ членовъ IV Всероссійскаго Миссіонерскаго Съѣзда (съ портретами сектантовъ и картинами сектантскихъ радѣній). Редактировалъ М. А. Кальневъ. Одесса. 1911. Изд. М. А. Кальнева. Тип. Е. И. Фесенко (Ришельевск. ул., соб. д.), 8° (19×27). IV+336 стр. Ц. 2 р. Вѣсъ 1 ф. 10 л. 3.000 экз.

Сборникъ статей по архивовѣдѣнію, издаваемый подъ редакціей И. И. Зубарева. Т. I. ч. 2. Спб. 1911. Изд. „Наука и Жизнь“ (Ст. Дудергофъ, церковн. домъ). Тип. Смирнова (Екатерининск. кан., 45) 8° (18×27). 136 стр. Съ 8 рис. Ц. 1 р. Вѣсъ 20 л. 950 экз.

Сергѣй Федоровичъ
Платоновъ

Къ портрету Сергѣя Ѳедоровича Платонова.

Нашъ извѣстный историкъ, Сергѣй Ѳедоровичъ Платоновъ, родился въ 1860 году въ городѣ Черниговѣ. Въ 1878 году поступилъ въ число студентовъ историко-филологическаго факультета С.-Петербургскаго университета. Въ 1882 году, получивъ степень кандидата, былъ оставленъ при университетѣ для приготовледія къ профессорскому званію по каѳедрѣ русской исторіи. Осенью 1883 года началъ чтеніе лекцій по русской исторіи на высшихъ женскихъ курсахъ проф. Бестужева-Рюмина въ С.-Петербургѣ и состоитъ профессоромъ этихъ курсовъ до настоящаго времени. Въ 1884 г. поступилъ на должность преподавателя исторіи и русскаго языка въ Петровскомъ училищѣ С.-Петербургскаго купеческаго общества и оставался въ этой должности до конца 1889 года. Въ 1886 году былъ приглашенъ для чтенія лекцій по русской исторіи XVIII и XIX вѣковъ въ университетскихъ классахъ Императорскаго Александровскаго лицея и состоялъ преподавателемъ лицея до сентября 1891 г. Съ февраля 1888 г., въ званіи приватъ-доцента, началъ чтеніе лекцій въ Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ, а 11 сентября того же года защитилъ диссертацію на степень магистра русской исторіи: „Древнерусскія сказанія и повѣсти о смутномъ времени XVII вѣка, какъ историческій источникъ“.—Въ 1890—1895 г.г. былъ помощникомъ редактора „Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія“; 20 октября 1890 г. по Высочайшему соизволенію былъ назначенъ исправ-

ляющимъ должность экстраординарнаго профессора по каѳедрѣ русской исторіи и 19 декабря того же года былъ опредѣленъ членомъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, гдѣ состоялъ до осени 1903 года. Въ 1899 г. защитилъ въ университетѣ св. Владиміра диссертацію на степень доктора русской исторіи („Очерки по исторіи смуты въ Московскомъ государствѣ") и былъ назначенъ ординарнымъ профессоромъ С.-Петербургскаго университета. Съ 1895 по 1902 г. состоялъ преподавателемъ Августѣйшихъ дѣтей Великаго Князя Михаила Александровича и Великой Княжны Ольги Александровны. Съ 1903 года состоитъ въ должности директора женскаго педагогическаго института вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи.

С. Ѳ. Платонову принадлежатъ слѣдующіе труды:

1) „Замѣтки по исторіи московскихъ земскихъ соборовъ" (журн. мин. нар. просв. 1883 г., мартъ, стр. 1—20 и отдѣльно).

2) Критическій разборъ труда А. П. Барсукова „Родъ Шереметевыхъ", т. I—III (ж. м. н. п. 1883 г., октябрь, стр. 355—371).

3) „Новая повѣсть о смутномъ времени XVII вѣка" (ж. м. н. п. 1886 г., январь, стр. 50—67).

4) „Царь Алексѣй Михайловичъ. Опытъ характеристики". (Историч. Вѣстникъ 1886 г., май, стр. 265—275).

5) „Легенда о чудѣ св. Димитрія царевича Углицкаго". (Библіографъ 1888, № 1).

6) Книга о чудесахъ преподобнаго Сергія. Твореніе Симона Азарьина. Текстъ съ предисловіемъ и примѣчаніями, изданный въ „Памятникахъ древней письменности и искусства", № LXX. Спб. 1888 г. 8°. стр. XIV—131.

7) „Древне-русскія повѣсти и сказанія о смутномъ времени XVII вѣка, какъ историческій источникъ" (ж. м. н. п. 1887 г., октябрь, ноябрь и декабрь, и 1888 г. февраль, мартъ и апрѣль—и отдѣльно, съ дополненіями. Спб. 1888. 8°. Стр. VI—372).

8) „Московскія волненія 1648 г. (ж. м. н. п. 1888 г., іюнь, стр. 279—289).

9) Критическій разборъ труда Н. Д. Чечулина: „Города Московскаго государства въ XVI вѣкѣ" (ж. м. н. п. 1890 г., май, стр. 140—154).

10) „О началѣ Москвы" (Библіографъ 1890 г. № 5—6).

11) „Памятники древней русской письменности, относящіяся къ смутному времени". Тексты 19 сказаній, повѣстей и житій, съ предисловіемъ, въ XIII томѣ „Русской исторической библіотеки, издаваемой археографической комиссіею". Спб. 1891. 8°. Стр. XXXIV—982.

12) Критическій разборъ труда Д. И. Иловайскаго „Исто-

рія Россіи". Томъ третій (ж. м. н. п. 1891 г., мартъ, стр. 180—190).

13) Какъ возникли Чети? Къ вопросу о происхожденіи московскихъ приказовъ четвертей" (ж. м. н. п. 1892 г., май, стр. 158—171).

14) Критическій разборъ труда С. М. Середонина. „Сочиненіе Дж. Флетчера „Of the Russe Common Wealth", какъ историческій источникъ въ „Отчетѣ о тридцать третьемъ присужденіи наградъ графа Уварова". Спб. 1892 г.

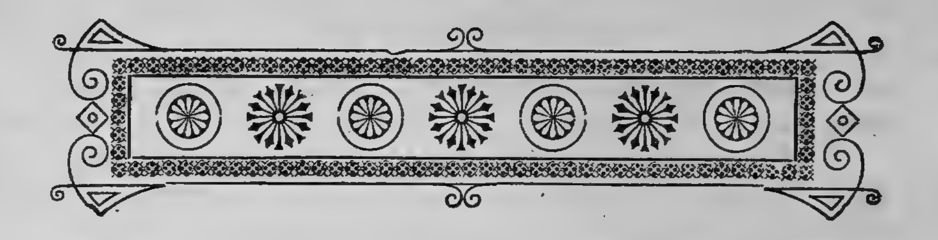
15) „Новый источникъ для исторіи московскихъ волненій 1648 года". (Чтенія въ Императорскомъ Московскомъ обществѣ исторіи и древностей 1893 г., книга 1-я).

16) Предисловіе (совмѣстно съ проф. Н. В. Покровскимъ) къ изданію Императорскаго общества любителей древней письменности: „Лицевой лѣтописецъ XVII вѣка". Спб. 1893.

Сверхъ того помѣщалъ рецензіи о книгахъ въ Журн. мин. нар. просв., Историческомъ Вѣстникѣ (1886 года), Библіографѣ и Юридической лѣтописи.

—лъ.

Изъ Подольской старины.

II [1]).

Поступленіе въ Приворотское духовное училище. — Первыя впечатлѣнія.— Учителя.—Ихъ отношеніе къ дѣлу и ученикамъ.—Наказанія.—Аудиторы.— Внѣшній и внутренній бытъ учениковъ училища. — Развлеченія. — Рекреація.—Экзамены.—Путешествія на каникулы домой.—Переводъ училища изъ с. Приворотья въ Баръ.—Мое окончаніе училища и поступленіе въ Подольскую духовную семинарію.

Минуло мнѣ 10 лѣтъ. Родственники начали поговаривать объ опредѣленіи меня въ духовное училище или, какъ тогда его называли, въ бурсу. Осенью 1837 г. дядя, покончивъ со всѣми полевыми работами, запрегъ четверку лошадей и повезъ меня въ гор. Каменецъ. Въ то время былъ такой порядокъ, что опредѣленіе въ духовное училище зависѣло отъ ректора семинаріи. Явился со мною дядя къ ректору, архимандриту Наѳанаилу; но въ виду запозданія тотъ отказалъ дядѣ въ его усиленной просьбѣ о принятіи меня въ бурсу. Пришлось отправиться домой. Такой же результатъ былъ и въ слѣдующемъ году. И только въ 1839 г. счастье улыбнулось, и я былъ принятъ въ Приворотское духовное училище [2]). На этотъ разъ меня

---

[1]) См. „Русская Старина", іюнь 1911 г.

[2]) Когда въ гор. Каменцѣ-Под. была учреждена епископская каѳедра (1795), то архіерейскій домъ получилъ отъ казны въ свое владѣніе село Приворотье. Первый епископъ Іоанникій часто наѣзжалъ сюда, потому что

повела пѣшкомъ въ городъ сама мать. Пришли мы къ ректору семинаріи, которымъ въ то время былъ уже архимандритъ Софонія. Не привѣтливо онъ встрѣтилъ насъ. На слезную просьбу матери онъ рѣзко замѣтилъ:

— Что такъ поздно, старуха, привела сына?

Было это уже послѣ Покрова. Мать оправдывалась. И только послѣ усиленной мольбы, поклоновъ и цѣлованія рукъ ректоръ взялъ клочекъ бумажки, написалъ на немъ что-то и передалъ матери для врученія секретарю семинарскаго правленія. Пошли въ канцелярію. Секретаря здѣсь не оказалось, а къ намъ вышелъ семинаристъ въ простомъ нанковомъ сюртучкѣ съ заплатами на рукавахъ. Очевидно, онъ исправлялъ обязанности письмоводителя правленія. Это былъ Доманскій, впослѣдствіи епископъ иркутскій. Онъ взялъ представленную матерью ректорскую записку, пробѣжалъ ее и затѣмъ на подобномъ же листочкѣ бумаги написалъ нѣчто вродѣ отношенія. Въ этомъ отношеніи говорилось, что если въ училищѣ есть мѣста, то принять Ковальскаго до усмотрѣнія. Велика была радость моей бѣдной матери!.. По тому же образу пѣшаго хожденія направились мы въ с. Приворотье, отстоящее отъ Каменца въ 30 верстахъ. Явились къ смотрителю училища Глищинскому. Этотъ съ перваго же слова тоже замѣтилъ матери, что учебныя занятія давно уже начались, и что я опоздалъ Мать со слезами на глазахъ умоляла его:

— Примите, ваше высокоблагородіе, сынъ вже великовозрастный, винъ добре знае читаты и писаты. Прошу васъ, ваше высокоблагородіе, примите его, да бийте его, шельмеца, чтобы изъ него что вышло.

— Ну, матушка, замѣтилъ тотъ, за это не безпокойся. Такимъ образомъ я былъ принятъ въ первый классъ училища, а какъ сирота считался казеннокоштнымъ, денегъ за содержаніе не платилъ и долженъ былъ жить въ корпусѣ, а не на квартирѣ. Въ мое время училище состояло такъ же, какъ и нынѣ, изъ четырехъ классовъ, но въ каждомъ классѣ непремѣнно нужно было пробыть два года, такъ что весь курсъ духовнаго училища былъ восьмилѣтній.

Училищный персоналъ состоялъ изъ смотрителя, инспектора и четырехъ учителей; въ I и II классѣ—по одному, въ III классѣ—

мѣстность эта ему очень нравилась. Здѣсь онъ соорудилъ храмъ во имя Св Николая Чудотворца, а потомъ задумалъ устроить училище преимущественно для сиротъ и дѣтей бѣднаго духовенства. Мысль свою преосвященный скоро осуществилъ. Имѣя въ своемъ распоряженіи много строительнаго матеріала и даровыя рабочія руки, онъ выстроилъ зданія, и во второмъ десятилѣтіи прошлаго столѣтія такимъ образомъ было открыто Приворотское духовное училище, существующее и донынѣ.

два учителя, въ IV же классѣ преподавали смотритель и инспекторъ. Учителемъ перваго класса при моемъ поступленіи былъ нѣкто Кулаковскій, окончившій курсъ духовной семинаріи, изъ коммиссаровъ [1]). Благодаря этой должности, налагавшей на него экономическія дѣла, онъ не ходилъ на уроки и только по милости былъ переводимъ изъ класса въ классъ. Неудивительно потому, что, уже будучи учителемъ, онъ плохо читалъ по-славянски, преподавалъ неумѣло и сообщить знаній своимъ ученикамъ не могъ.

По тогдашнему обычаю я, какъ новичекъ, сталъ у порога класса. Подошедшій учитель Кулаковскій, увидя меня, лаконически замѣтилъ: „садись“. Сначала я былъ посаженъ послѣднимъ на правой партѣ. Нужно замѣтить, что разсаживали тогда большею частью по успѣхамъ, оказываемымъ по предметамъ извѣстнаго класса, такъ что въ одинъ день можно было перемѣнить нѣсколько мѣстъ. Съ большимъ вниманіемъ я началъ осматривать обширную классную комнату и прислушиваться ко всему, что здѣсь говорилось. Въ классѣ находилось человѣкъ 160. По возрасту да и по познаніямъ своимъ учащіеся въ немъ представляли разнокалиберную толпу. Здѣсь можно было видѣть и дѣтей лѣтъ 7, но рядомъ съ ними сидѣли дѣтины лѣтъ въ 20 и болѣе, брившіе бороду и усы. Такое разнообразіе въ возрастѣ учениковъ объяснялось тѣмъ, что въ описываемое время часто посылали въ училище дьячковъ, научившихся или самоучкою или у старыхъ грамотеевъ только читать, посылали съ тою цѣлію, чтобы сколько-нибудь приготовить ихъ въ причетники, т. е. научить священной исторіи, катихизису и обиходу. Такихъ великовозрастныхъ учениковъ въ мое время было на классъ человѣкъ 10.

Учащіеся сидѣли за длинными партами по 8—10 человѣкъ на каждой, а иные даже стояли на ногахъ за неимѣніемъ свободныхъ мѣстъ. Парты были расположены въ два ряда. Средина между ними была не занята; у стѣны противъ дверей поднималось возвышеніе для учителя, впереди же партъ оставалось незаставленное мебелью пространство, гдѣ обыкновенно производили экзекуцію.

Въ первомъ классѣ изучали краткую священную исторію ветхаго и новаго завѣта и краткій катихизисъ, читали славянскую псалтырь, а по-русски—псалтырь въ русскомъ переводѣ, по счисленію прохо-

---

[1]) Должность коммиссара въ семинаріи обыкновенно исправляли воспитанники, такъ или иначе обнаружившіе свои способности въ области экономіи. Въ свободное время они прислуживали ректору въ качествѣ лакея, напр., стояли на запяткахъ его кареты, когда онъ выѣзжалъ по своимъ дѣламъ, подавали одежду и т. п.

дили ариѳметическія дѣйствія, обучались и церковному обиходу. Помню, на другой день послѣ моего поступленія былъ „Обиходъ". Меня еще дома научили нотамъ по пальцамъ (пальцы служили нотною скалою). Приходитъ учитель и приказываетъ мнѣ пропѣть нотную азбуку по порядку. Я говорю, что азбуки не знаю, но могу пропѣть по обиходу дальше: „Благослови, душе моя, Господа"... „Пошелъ", крикнулъ рѣзко учитель. Это означало, что я долженъ идти на обычное мѣсто для наказаній. Дали мнѣ тогда три горячихъ. На другой день выучилъ я азбуку на всѣ лады. Спрашиваетъ... Знаю. Послѣ того Кулаковскій провѣрилъ мои знанія по чтенію и исторіи. Хотя я поступилъ уже спустя продолжительное время послѣ начала занятій, тѣмъ не менѣе успѣлъ въ короткое время догнать своихъ товарищей, благодаря своей хорошей памяти. Нужно замѣтить, что памятью я отличался во все время ученія. Для меня, бывало, достаточно было прочесть что-нибудь одинъ разъ, чтобы я точно повторилъ прочитанное, въ то время когда другіе употребляли на это цѣлые часы, какъ напр. Даніилъ Стрѣльбицкій, впослѣдствіи архіепископъ волынскій. Онъ былъ очень неспособный ученикъ. Жалко бывало смотрѣть на него, когда онъ мучился за зубреніемъ урока. Ходитъ, бѣдняга, по комнатѣ или заткнетъ уши руками, закроетъ глаза и твердитъ: что есть географія, что есть географія? Географія есть наука, географія есть наука и такъ разъ 10—15, потомъ снова нѣсколько словъ и т. д. Бойкіе отвѣты мои такъ понравились Кулаковскому, что онъ посадилъ меня первымъ въ своемъ классѣ.

Учитель Кулаковскій былъ у насъ всего треть года, а потомъ перешелъ во 2-й классъ. Преподавалъ онъ, какъ я замѣтилъ, плохо. По-славянски читали по слогамъ на распѣвъ. Одинъ изъ учениковъ отбивалъ тактъ, а остальные во весь голосъ читали подъ тактъ по слогамъ въ одинъ тонъ заданное мѣсто. При этомъ крикъ и шумъ стоялъ страшный. По другимъ предметамъ требовался отвѣтъ наизусть по книжкѣ. Если кто ошибался, пропускалъ нѣсколько словъ, это уже считалось незнаніемъ урока, и виновный подвергался наказанію, болѣе или менѣе строгому, смотря по расположенію и настроенію учителя: ставили на колѣни, наказывали линейкой „въ лапу", розгою.

Вмѣсто Кулаковскаго учителемъ къ намъ былъ назначенъ нѣкто Ѳеодосій Левицкій. Онъ велъ уроки иначе. На урокахъ священной исторіи, онъ, напримѣръ, прочитывалъ главу изъ Библіи, объяснялъ ее, а ученики должны были повторять сказанное. Поэтому-то я Пятикнижіе Моисеево зналъ очень хорошо. Иногда онъ обращался къ ученикамъ съ такимъ вопросомъ: „что значитъ — отъ Васана

обрящу во глубинахъ морскихъ?“ и мы должны были на основанiи Библiи объяснить данное выраженiе Псалтыря. На урокахъ славянскаго языка дѣлать было нечего; поэтому онъ давалъ заучивать псалмы наизусть. Проговоришь заданное и сиди. Такимъ образомъ большинство изъ насъ знали наизусть 11 каѳизмъ. Но плохо приходилось незнавшимъ урока. Надъ ними Левицкiй прямо таки издѣвался. Напр., онъ ставилъ малоуспѣвающаго ученика на колѣни, а другому ученику приказывалъ рвать тому волосы или самъ беретъ стоящаго за уши и начинаетъ качать его голову. Бѣднягѣ иной разъ дѣлается дурно, появляется рвота, а нашъ учитель и глазомъ не моргнетъ, ни одинъ мускулъ его лица не дрогнетъ. Иногда онъ заставлялъ провинившагося ученика стоять на одной ногѣ съ протянутой вверхъ рукой, при чемъ одинъ палецъ долженъ сгибаться и разгибаться. Онъ наблюдаетъ. Кто перемѣнитъ ноги или покачнется, опуститъ руку—порка. А нужно замѣтить, что въ училищѣ били и сѣкли безсовѣстно, иногда засѣкали до потери сознанiя. Глубокое впечатлѣнiе произвела на меня происшедшая вскорѣ послѣ моего поступленiя въ училище сѣкуцiя нѣкоего Сили (Сильвестра) Терлецкаго. Дѣло было такъ. Ученики перваго класса сидѣли въ „занятныхъ“ комнатахъ. Рядомъ съ Силей помѣщался ученикъ Кореневскiй. Послѣднiй шутки ради щелкнулъ Сили въ носъ. А нужно замѣтить, что Силя страдалъ хроническимъ насморкомъ. Получивъ непрiятность отъ товарища, а, можетъ быть, и отъ боли, Силя не выдержалъ, сорвался съ мѣста и бросился за Кореневскимъ. Началась бѣготня вокругъ стола. Тогда Кореневскiй моментально выбѣжалъ изъ комнаты во дворъ, разъяренный Силя за нимъ. На заднемъ дворѣ была загородка для свиней, вокругъ которой они и начали бѣгать. Вдругъ Силя сообразилъ и моментально повернулъ въ обратную сторону. Кореневскiй, не ожидая такого маневра, конечно, столкнулся съ противникомъ, который и ударилъ его съ силою ногой въ нижнюю часть живота. Кореневскiй падаетъ безъ чувствъ. Бывшiе тутъ ученики подняли крикъ: „Силя убилъ Кореневскаго“. Скоро явился училищный фельдшеръ и распорядился унести побитаго въ больницу. Дали знать о случившемся смотрителю. По его распоряженiю взяли Силю, какъ убiйцу связали, привели въ одну изъ комнатъ и тамъ подвязали его на веревкѣ къ потолочной балкѣ. Такiе были порядки.

Въ такомъ положенiи онъ находился ночь съ воскресенья до 12 часовъ дня понедѣльника, когда назначено было общее собранiе начальствующихъ, учителей и учениковъ. На этомъ собранiи Терлецкому былъ прочитанъ приговоръ и объявлено наказанiе въ 200 розогъ.

Били ужасно въ двѣ пары саженными лозами. Разложили бѣднаго Силю поперекъ корридора, два изъ учениковъ сѣли на его ноги и голову, а опытные „спекуляторы“ [1]) изъ воспитанниковъ дѣлали свое страшное дѣло. Во время экзекуціи ученики разогнаны были по классамъ. Наказываемый подъ розгами не кричалъ, а положительно рычалъ. И теперь нельзя вспомнить безъ содроганія объ этой безобразной сценѣ. Послѣ наказанія Силю отправили въ больницу, гдѣ онъ и пробылъ до полнаго заживленія ранъ. Между тѣмъ оказалось, что Кореневскій не такъ пострадалъ, какъ думали сначала, а притворился, Силя же такимъ образомъ получилъ, если не вполнѣ несправедливое, то во всякомъ случаѣ не заслуженное наказаніе.—Припоминается еще такой случай съ упомянутымъ учителемъ Ѳ. Левицкимъ. Какъ-то разъ послѣ уроковъ учителя Билинскій и Левицкій вмѣстѣ обѣдали. По обыкновенію имъ прислуживали ученики, особо для того назначенные и исполнявшіе вмѣсто служителей, которымъ нужно было платить деньги, всѣ черныя работы для учителей. Вѣроятно, учителя за обѣдомъ выпили. Какъ бы то ни было, но въ концѣ обѣда Билинскій и говоритъ Левицкому: „на позднихъ классахъ у меня будетъ Уставъ и славянское чтеніе. Я пришлю къ тебѣ своихъ учениковъ, которые не отвѣтятъ урока, какъ хочешь, такъ съ ними и расправляйся“. Настали поздніе классы. Сидимъ... Вдругъ открывается дверь, входитъ одинъ ученикъ, за нимъ другой, третій... десятый... Вошло человѣкъ 20—30, словомъ, заполнили весь промежутокъ между партами.

— „Вы чего пришли?“ вопрошаетъ нашъ суровый педагогъ.

— „Для срама“, скромно и виновато отвѣчаютъ тѣ.

— „Пришли для срама?.. Соблазнять мальчишекъ моихъ?..“ закричалъ Левицкій. Соболевскій (спекуляторъ) есть?

— „Есть“, гудитъ голосъ изъ-за задней парты. Выходитъ Соболевскій, неся цѣлый снопъ розокъ.

— „Цихоцкій и Деревенскій есть?“ вскрикиваетъ снова учитель.

— „Есть“, и другъ за другомъ выходятъ „возьмители“, на которыхъ лежала обязанность держать наказуемыхъ за голову и ноги.

---

[1]) Спекуляторы, на обязанности которыхъ было сѣчь провинившихся учениковъ, избирались изъ великовозрастныхъ воспитанниковъ. Учебнымъ дѣломъ они не занимались, но розгою владѣли артистически. Одинъ изъ нихъ, Крамарскій, 6 лѣтъ сидѣлъ во второмъ классѣ, изъ котораго былъ потомъ уволенъ.

Началась порка. Одинъ изъ предназначенныхъ къ наказанію какъ-то вырвался и убѣжалъ изъ класса. Левицкій приказалъ запереть классъ на ключъ. Порка продолжалась. По сосѣдству былъ IV классъ, гдѣ ученики занимались письменнымъ упражненіемъ въ отсутствіе наставника. Услыша неистовые крики истязуемыхъ, они подбѣжали къ дверямъ нашего класса, стучали ногами и кричали безъ боязни, что тамъ такое дѣлается?

Но напрасно; педагогъ не давалъ знака окончить наказаніе.

Наконецъ, дали знать о совершающемся смотрителю. Но и тотъ, считая это дѣломъ естественнымъ, замѣтилъ лишь посланному „ступай" и углубился въ чтеніе книги. И только послѣ того, какъ вступился въ дѣло учитель Кулаковскій, родственникъ выбѣжавшаго и такимъ образомъ избѣгшаго наказанія, ученика, смотритель пришелъ въ классъ Левицкаго и своею властію прекратилъ сѣкуцію. Многихъ тогда такъ выпороли, что ихъ отослали въ больницу. О происшедшемъ было донесено въ правленіе семинаріи. Надвигалась гроза. Помню, дѣло было предъ зимними экзаменами. Сидимъ въ комнатѣ и зубримъ уроки. Сальная свѣча еле мерцаетъ. За стѣнами вѣтеръ воетъ, свиститъ, бьетъ въ стекла снѣгъ. Вдругъ послышался гдѣ-то вблизи звонъ колокольчика. Кто-то изъ болѣе шустрыхъ учениковъ выбѣжалъ изъ комнаты и черезъ минуту возвратился, объявивъ во всеуслышаніе: „кто-сь то пріихавъ со дзвинкомъ".

Скоро выяснилось, что пріѣхавшій былъ ректоръ Подольской семинаріи Софонія, явившійся для дознанія по доносу о дѣйствіяхъ Левицкаго. Выбѣжалъ изъ квартиры перетрусившій смотритель, и и не думавшій о такомъ гостѣ...

— „Фонарь!.. Гдѣ больница?" были первыя слова ректора.

Моментально появился зажженный фонарь, и смотритель пошелъ впереди, показывая дорогу своему начальству.

Пришли въ больницу. Ректоръ лично освидѣтельствовалъ всѣхъ бывшихъ здѣсь учениковъ, подробно разспросилъ ихъ о случившемся, при чемъ по мѣрѣ того, какъ предъ его глазами, какъ бы въ дѣйствительности, развертывалась безобразная картина истязанія во всей своей неприглядности, онъ, много видѣвшій на своемъ вѣку подобныхъ сценъ, не могъ удержаться и пускалъ по адресу учителей не особенно лестные эпитеты: безобразники, скоты, изверги и т. п.

На другой день ректоръ назначилъ экзаменъ въ IV классѣ, гдѣ былъ учителемъ Билинскій, утромъ, а вечеромъ въ классѣ Левицкаго.

Ректоръ является на экзаменъ и въ присутствіи учениковъ на-

чинаетъ допрашивать Билинскаго по поводу происшедшаго. Тотъ оправдывалъ себя, говоря: „я посылалъ своихъ учениковъ для посрамленія, чтобы онъ (Левицкій) поставилъ ихъ на колѣни, а не для наказанія розгами“. Послѣ допроса начался экзаменъ. Для того, чтобы загладить свою вину, Билинскій постарался показать себя предъ начальствомъ опытнымъ учителемъ и, говорятъ, въ продолженіе часа на всѣ лады разъяснялъ первый стихъ I главы Евангелія отъ Іоанна... Ἐν ἀρχῇ ἦν ὁ λόγος и д... Во всякомъ случаѣ Билинскій не получилъ даже и выговора отъ ректора.

Вечеромъ ректоръ приходитъ въ классъ Левицкаго и вызываетъ меня, Ганзулевича и Герляховскаго, чтобы всѣ вмѣстѣ мы пропѣли „Благослови душе моя Господа“. Я никакъ не могъ попасть имъ въ тонъ. „Ты не способенъ, говоритъ ректоръ, иди на мѣсто“. Остальные спѣли. Послѣ этого ректоръ обращается къ Левицкому: „ты безобразникъ, негодяй и т. д. осмѣлился бить учениковъ“... Flecte!.. Левицкій послушно всталъ на колѣни. Жалка его была тогда фигура во фрачкѣ съ металлическими пуговицами въ покаянной позѣ и предъ учениками, на лицѣ которыхъ выражалось чувство удовольствія и злорадства при видѣ униженія своего учителя-палача. Левицкій простоялъ въ такой позѣ съ часъ времени. Говорили потомъ, что онъ былъ, кромѣ того, оштрафованъ за свой проступокъ въ размѣрѣ двухмѣсячнаго жалованья.—Подѣйствовало ли все это на Ѳ. Левицкаго? Не успѣлъ еще уѣхать ректоръ, онъ прибилъ нѣсколькихъ учениковъ, не удовлетворившихъ требовательнаго учителя своимъ отвѣтомъ.

Били иногда безъ всякой опредѣленной вины. Не спасали отъ этого ни успѣхи въ предметахъ, ни благоправное поведеніе.

Первымъ и особенно благоправнымъ ученикамъ обыкновенно поручалось слѣдить за классной тишиной до прихода учителя. Замѣченные въ неблагоповеденіи записывались на бумажку, отчего и самые ученики, дѣлавшіе записи, назывались „записчиками“.

Бывало такъ: смотритель Глищинскій, человѣкъ вспыльчивый, заслышавъ шумъ, вбѣгаетъ въ классъ и кричитъ: „записчикъ, выходи“. Тотъ выходитъ и получаетъ 3—5 розокъ. Не мало ихъ такимъ образомъ доставалось и мнѣ, какъ записчику. Былъ и такой случай.

Шли лѣтніе экзамены. Производили ихъ въ III классѣ, присутствовали смотритель и учитель Зелинскій. Вдругъ смотритель вызываетъ старшаго этого класса К—рго, передаетъ ему написанную на клочкѣ тему для письменной работы и приказываетъ идти въ IV классъ и назначить ученикамъ его упражненіе. К—ій уходитъ. Учениковъ же IV класса не оказалось въ комнатѣ. Онъ побѣжалъ

во дворъ, въ садъ, чтобы собрать ихъ и исполнить порученіе смотрителя. Поиски его не увѣнчались успѣхомъ. Найденные же имъ нѣсколько человѣкъ сообщили, что ученики посланы женою учит. Зелинскаго въ лѣсъ за грибами къ обѣду. Кр—ій, ничтоже сумняся, является и объявляетъ смотрителю во всеуслышаніе то, что узналъ и почему не выполнилъ даннаго ему порученія. Зелинскій сидѣлъ, какъ на иголкахъ. Смотритель же, или видя въ поступкѣ старшаго дерзость по отношенію къ учителю, или же изъ желанія вывести послѣдняго изъ неловкаго положенія, крикнулъ: „къ дверямъ!“ И бѣдный Кр—ій, не виновный ни въ чемъ, долженъ былъ идти къ дверямъ и получилъ нѣсколько горячихъ.

Конечно, въ первое время послѣ поступленія въ училище, тяжело было на все это и смотрѣть и испытывать, но потомъ мы такъ привыкали ко всему, что даже и не содрогались ни при дикихъ выкрикиваніяхъ учителей и начальниковъ, требовавшихъ „лозу“, ни при неистовыхъ вопляхъ несчастныхъ учениковъ.

Когда я перешелъ во 2-й классъ, въ то время учителемъ здѣсь былъ Басарскій. Ученики его не любили. Былъ онъ человѣкъ нелюдимый. Правда, онъ мало билъ, но за то ругался артистически. Любимымъ его выраженіемъ было: „эй ты, собачья голова!“ Вскорѣ же онъ вышелъ изъ училища, а на его мѣсто поступилъ Елисей Максіановичъ. Это уже былъ новый типъ учителя, совершенно непохожій на описанныхъ. Онъ никого не билъ и не сѣкъ, относился къ ученикамъ ласково и участливо. Не удивительно поэтому, что онъ пользовался симпатіями учениковъ. Это обстоятельство способствовало даже вообще успѣху учебнаго дѣла. Максіановичъ толково преподавалъ свои предметы. Учились всѣ хорошо. Плохіе отвѣты учениковъ огорчали этого учителя, а потому, чтобы не доставить ему непріятности, не досыпали ночей, лишь бы выучить заданное.

— „Не знаешь урока?“ говаривалъ онъ неисправному ученику, „я плачу“—и онъ закрывалъ руками лицо, показывая видъ, что онъ какъ будто горько, горько плачетъ о нерадѣніи ученика. „Почему ты не знаешь урока?“ спрашиваетъ онъ потомъ укоризненно.

Въ противоположность другимъ учителямъ, относящимся къ намъ съ презрѣніемъ и во всякомъ случаѣ свысока, Максіановичъ вступалъ съ нами въ бесѣды, допускалъ шутки. Помнится такой фактъ. Экзамены лѣтніе у насъ обыкновенно кончались въ началѣ іюля, но распускали на каникулы не ранѣе 15 числа этого мѣсяца, когда изъ семинаріи приходило на то разрѣшеніе. Въ этотъ день происходило торжественное собраніе, на которомъ присутствовали всѣ учителя и ученики. Здѣсь читались списки учениковъ: кто оставался на по-

вторительный курсъ, кто переводился въ слѣдующій классъ, кому была награда назначена. Потомъ смотритель говорилъ рѣчь, въ которой хвалилъ прилежныхъ и успѣвающихъ учениковъ и порицалъ нерадивыхъ, оставшихся и увольняемыхъ изъ училища. Послѣ этого ученики расходились по классамъ, куда заходили учителя, чтобы попрощаться. Пришелъ въ нашъ классъ Максіановичъ и шутя спрашивалъ насъ: „ну, кого я не билъ"? подходилъ къ тому или другому и говорилъ: „ну, давай лапу... ну, будешь учиться". Подошелъ и ко мнѣ и размахнулъ рукою, какъ бы намѣреваясь сильно ударить меня по ладоши. Какъ только онъ отпустилъ ее, я отдернулъ свою и рука учителя ударилась о доску парты. „Ну, вотъ ты, дуракъ", замѣтилъ онъ спокойно. Другой бы учитель на его мѣстѣ избилъ бы меня.

Максіановичъ помогалъ нѣкоторымъ ученикамъ даже матеріально при всей скудости своихъ средствъ. И мнѣ разъ передъ отъѣздомъ на масляницу далъ на подводу 1 рубль, а такъ какъ у меня не оказалось еще и теплой верхней одежды, предложилъ мнѣ въ дорогу старый подрясникъ на ватѣ, служившій ему халатомъ. По возвращеніи своемъ въ училище съ каникулъ я отдавалъ ему его, но онъ подарилъ мнѣ его навсегда, говоря: „ну, пускай будетъ у тебя". Къ сожалѣнію, этотъ учитель не долго прослужилъ въ училищѣ.

Въ III классѣ я снова встрѣтился съ прежнимъ своимъ учителемъ Ѳ. Левицкимъ, преподававшимъ латинскій языкъ и соединенные съ нимъ предметы; другимъ учителемъ былъ Петринскій. Этотъ былъ хорошій преподаватель. Скоро онъ, впрочемъ, ушелъ, а на его мѣсто поступилъ упомянутый уже Автономъ Зелинскій, человѣкъ недалекій, окончившій семинарію благодаря только напускному благочестію, а по достиженіи своей цѣли снявшій маску. Вышелъ потомъ и Левицкій, вмѣсто котораго учительствовалъ Діомидъ Строцкій, человѣкъ, не отличавшійся ни большими знаніями, ни учительскою опытностію. Потомъ и онъ ушелъ.

Вообще за 2 года, которые я провелъ въ III классѣ, очень часто перемѣнялись учителя.

Въ IV классѣ преподавалъ смотритель латинскій языкъ и инспекторъ греческій и соединенные съ нимъ предметы. Инспектора мы почти не слушали, потому что онъ постоянно болѣлъ, послѣ же его смерти долго не назначали другого. Предметы инспектора преподавали другіе учителя. Что касается смотрителя Нектарія, то это былъ человѣкъ умный, преподавалъ очень хорошо, уроки всегда разъяснялъ, но за то и строго взыскивалъ.

Таковы были наши учителя. Не многому они могли научить

насъ, тѣмъ болѣе что, не имѣя возможности, а иногда и охоты выспрашивать учениковъ, они полагались на аудиторовъ-слушателей, избранныхъ изъ лучшихъ учениковъ въ классѣ для контроля за учениками. Эти аудиторы до прихода учителя въ классъ обязаны были провѣрять, знаютъ ли, или нѣтъ ввѣренные его наблюденію ученики урокъ. Обыкновенно у каждаго аудитора были по 4 ученика. Знаніе или незнаніе урока по каждому отдѣльному предмету аудиторы отмѣчали въ особыхъ классныхъ журналахъ, называемыхъ нотатами или ратами, буквами зн. или незн. (въ 1 и 2 кл.) и sc.-nesc. (въ III и IV кл.). Учитель по приходѣ въ классъ бралъ нотаты, разсматривалъ ихъ, а потомъ расправлялся съ тѣми, которые отмѣчены были незнающими.

Аудиторство при той постановкѣ, какая тогда существовала, не имѣло особенно серьезнаго значенія, т. е. не могло вліять на повышеніе успѣховъ учениковъ. Рѣдкій аудиторъ былъ честенъ и добросовѣстенъ. Аудиторы, особенно изъ казеннокоштныхъ, были склонны къ подкупамъ и за кусокъ хлѣба, данный незнающимъ урока ученикомъ, могли поставить и ставили отмѣтку въ нотатѣ: scit. Надѣясь на такую покладливость аудиторовъ, многіе пропускали уроки постоянно, не учили ихъ. Но за то жестоко и били учителя тѣхъ аудиторовъ, которые попадались въ своихъ продѣлкахъ, т. е. когда ученикъ, отмѣченный знающимъ, не могъ отвѣтить урока!..

Во внѣклассное время жили мы въ очень непріглядной обстановкѣ. Для житья отводились особыя комнаты въ другомъ корпусѣ. Комнаты эти назывались „номерами“ и отмѣчались цифрами: 1-й N, 2-й N и т. д. Въ каждомъ такомъ номерѣ жило отъ 15—30 человѣкъ изъ различныхъ классовъ. Во главѣ ихъ стоялъ „старшій“ изъ учениковъ IV класса, который былъ какъ бы непосредственнымъ начальствомъ своихъ сожителей и творилъ надъ ними судъ и расправу по своему усмотрѣнію. — Вообще было принято къ ученикамъ старшаго класса относиться съ уваженіемъ и оказывать имъ безпрекословное повиновеніе. Прислуги въ училищѣ было недостаточно, и ей приходилось только топить печи и изрѣдка мыть полы. Вся же остальная работа лежала на ученикахъ младшихъ классовъ. Они и убирали комнаты и чистили обувь и одежду старшихъ и были у нихъ на побѣгушкахъ во всякое время. Бывало на занятіяхъ слышится крикъ: „эй, коза (такъ старшіе называли младшихъ), принеси воды“. Берешь глечикъ, набираешь воды изъ бочки, стоявшей посреди двора, и несешь старшему. Иногда приходилось на часъ сбѣгать разъ 10. Впрочемъ встрѣчались изъ старшихъ и хорошіе, нетребовательные ученики, какъ напр. Даніилъ Стрѣль-

бицкій. Послѣдній иногда предупреждалъ малыша и, заслышавъ крикъ какого-либо изъ своихъ товарищей, тихонько бралъ кувшинчикъ и приносилъ воду требующему ея. Въ награду за это ему были лишь насмѣшки да ругань. „Вотъ, Данило, дурный“! Такъ его всегда и звали.

Особенно тяжело было безотвѣтнымъ и скромнымъ ученикамъ. За неповиновеніе приказаніямъ старшаго маленькіе обыкновенно бывали жестоко биты. На всѣ эти непорядки наши начальство смотрѣло сквозь пальцы и не удерживало старшихъ учениковъ отъ незаконныхъ дѣйствій. Лишь бы поддерживалась необходимая дисциплина.

Въ номерахъ ученики и занимались и спали. Обстановка комнаты была очень неприглядна. По срединѣ ея стоялъ громадный топорной работы столъ и скамьи, на которыхъ тѣсно размѣщались ученики. По стѣнамъ были расположены деревянныя кровати. Ихъ было недостаточно, а потому нерѣдко на одной спало два ученика.

Въ гигіеническомъ отношеніи номера были прямо невозможны. Полъ, какъ я замѣтилъ, мылся очень рѣдко, вентиляціи не было. Неудивительно, что при такихъ благопріятныхъ условіяхъ заводилась масса всякой нечисти, паразитовъ. На койкахъ тюфяки были набиты какою-то шерстью, которая клочьями торчала изъ прорванной матеріи. Простыни были почти всегда грязны, потому что мылись и мѣнялись очень рѣдко. Сверху тюфяки прикрывались грубыми не подшитыми одѣялами изъ шерсти желтаго цвѣта. Въ щеляхъ коекъ гнѣздилась масса клоповъ, а въ тюфякахъ оказывались и болѣе неприглядные паразиты. Бѣлье учениками мѣнялось рѣдко, въ баню ходили разъ въ мѣсяцъ. Сброшенное бѣлье сваливалось въ кучу и лежало гдѣ-нибудь въ углу до тѣхъ поръ, пока прачкѣ не заблагоразсудится его забрать для стирки, да оно даже и не стиралось, а только прополаскивалось въ грязной копанкѣ. Вслѣдствіе такого мытья даже не зараженное бѣлье заимствовало паразитовъ къ удивленію владѣльцевъ. Вся эта грязь, нечистота являлась причиною того, что между учениками сильно были развиты сыпи разнообразнаго вида и особенно чесотка. Послѣдняя никогда не переводилась. Впрочемъ, эту болѣзнь и не считали чѣмъ-нибудь особеннымъ и почти не лѣчили. Иногда сгонятъ человѣкъ 30 въ одну комнату,—велятъ раздѣться и намажутъ „шевскимъ дегтемъ“.— Въ занятныхъ комнатахъ было мало свѣта, по вечерамъ занимались при сальныхъ свѣчахъ. На столѣ полагалось ихъ по 2, но горѣла большею частію одна, потому что другою пользовались старшіе ученики; скопятъ такимъ образомъ и везутъ на святки домой фунта

по 3. Отъ недостатка свѣта и грязи многіе страдали глазными болѣзнями. Былъ случай, что одинъ ученикъ (Корницкій) совершенно ослѣпъ и потомъ, вышедши изъ училища, всю жизнь побирался Христовымъ именемъ. Докторъ при училищѣ, конечно, не полагался, а фельдшеръ не обладалъ медицинскими знаніями и опытностію и ничего не дѣлалъ. Больница, и она была, въ гигіеническомъ отношеніи почти не отличалась отъ жилыхъ помѣщеній. Та же грязь съ кишащими повсюду паразитами, тотъ же испорченный воздухъ и недостатокъ свѣта. О сидѣлкахъ и понятія не имѣли. За больными учениками обыкновенно ухаживали товарищи по назначенію старшихъ. Идти на ночь къ больнымъ—называлось идти на „сторджу“. И эта обязанность была самою непріятною и тяжелою. Приходилось неопытному ухаживать за больными, подавать имъ пить, перевертывать съ одного боку на другой, брать изъ подъ него загрязненное бѣлье и т. п. Лежалъ, напр., больной цингой, нѣкто Галаневичъ. Болѣзнь была такъ запущена, что выгнилъ весь бокъ и видны были кишки. Смрадъ отъ него шелъ невообразимый. Трудно было и подступить. Въ такомъ положеніи онъ потомъ и былъ взятъ родственниками. А то, бывало, не могли подступить и изъ-за паразитовъ. Ученикъ II кл. Полянскій очень долго чѣмъ-то болѣлъ и былъ признанъ безнадежнымъ. Его даже потомъ вынесли подъ лѣстницу, гдѣ онъ долго лежалъ безъ всякаго присмотру, заброшенный всѣми, тутъ онъ и умеръ. Носился слухъ, что онъ былъ заѣденъ вшами.

Помнится, выходишь съ ужина довольный — скоро отдыхъ отъ тяжелаго дня, вдругъ слышишь окрикъ своего старшаго: „Ковальскій, на сторджу“! Кровь бросится въ лицо... Но идешь безпрекословно въ больницу, забиваешься въ уголъ куда-нибудь, сидишь и дрожишь. Больные вскакиваютъ со сна, бредятъ, стонутъ... Лампадка еле мерцаетъ... Страшно... Ждешь, не дождешься, когда забрезжитъ утренній свѣтъ. Уже не страшенъ и приближающійся день.

Жизнь казеннокоштныхъ учениковъ училища была очень однообразна. Утро. Инструкція, вывѣшенная на дверяхъ, между прочимъ гласитъ: лѣтомъ вставать съ постели въ 6 часовъ, а зимою и ранѣе. Дѣйствительно, еще до 6 ч. жизнь номера начинаетъ постепенно пробуждаться. Въ ожиданіи общей молитвы одинъ повторяетъ урокъ, другой поправляетъ койку, третій подметаетъ полъ, этотъ чиститъ платье старшему, а тамъ двое завязали изъ-за чего-то драку. Но вотъ звонокъ на молитву. Для этого ходили въ столовую, но иногда молились и въ комнатахъ въ присутствіи своихъ старшихъ. Вычитывались всѣ утреннія молитвы. Послѣ молитвы до начала занятій ученики сдавали уроки своимъ аудиторамъ. Зав-

трака не полагалось. И только, когда я былъ въ III кл., стали давать по кусочку хлѣба, да и то недолго. Учебныя занятія начинались съ 8 часовъ и продолжались до 12. Было два урока по 2 ч. Это такъ называемые утренніе классы. Послѣ 12 часовъ давался звонокъ, возвѣщавшій объ обѣдѣ. Ввиду того, что столовая не могла вмѣстить всѣхъ учениковъ, было 2 смѣны. Во время обѣда учениками IV кл. по очереди читалось Евангеліе.—На содержаніе казеннокоштнаго ученика съ обувью и одеждой полагалось рублей 25, а то и менѣе, своекоштные же доставляли въ каждую треть продукты: корецъ (4 мѣры) ржаной муки, 1/2 корца — пшеничной, 1/2 корца—гречневыхъ крупъ и гелетка (мѣра)—ячныхъ, къ этому приплачивали 50 коп. на сало и конопляное масло. Кормили поэтому очень скудно, даже хлѣба не давали въ достаточномъ количествѣ. Обѣдъ обыкновенно состоялъ изъ двухъ блюдъ, борща да каши, помазанной въ скоромные дни саломъ, а въ постные — конопляным маслом. Довольны мы были, когда борщъ варился съ буракомъ (свеклой), а то и того не было: иногда угощали и червивой капустой или испорченнымъ картофелемъ или кашей изъ тухлыхъ крупъ, но на это мы не были въ претензіи. Въ нашемъ быту безъ этихъ маленькихъ непріятностей какъ будто уже и нельзя было обойтись. Къ этому приготовляли насъ уже въ семьѣ. „Вотъ погоди, постой, попадешь въ бурсу, скоро посадятъ тебя на сырую капусту, да на хлѣбъ съ водой", бывало скажетъ дядя или мать, замѣтившіе, что я не охотно ѣмъ то или другое кушанье. А потому у меня еще дома съ бурсой соединялось представленіе какъ о такомъ мѣстѣ, гдѣ морятъ нашего брата голодомъ, жестоко сѣкутъ, запираютъ въ темную комнату и т. д., чтобы сдѣлать изъ насъ доблестныхъ гражданъ и примѣрныхъ служителей Православной церкви.

Изъ-за стола обѣденнаго мы выходили полуголодными. Когда я былъ въ III кл., столъ немного улучшили, такъ сказать, въ количественномъ отношеніи. Въ тотъ годъ въ училищѣ появился тифъ, много учениковъ переболѣло, не мало и умерло. По этому случаю изъ Каменца былъ присланъ докторъ Караваевъ. Онъ обходилъ всѣ помѣщенія и классныя занятныя, былъ и въ столовой и, конечно, вездѣ встрѣтилъ грязь, неисправность; много кричалъ. Онъ предписалъ давать ученикамъ мясо. Было это предъ рождественскими каникулами. Отправляя учениковъ по домамъ, начальство приказало имъ привезти съ собой ножи и вилки. Я послѣ каникулъ тоже привезъ вилку и изломанный ножъ. Начали давать вареное мясо. При этомъ бывало такъ, что пришедшіе въ столовую раньше расхватывали мясо, и многіе оставались, поэтому, безъ мяса. По воскреснымъ

и праздничнымъ днямъ давали мяса нѣсколько болѣе. Тѣмъ не менѣе бурсаки постоянно голодали и изыскивали разнобразныя средства, чтобы найти возможность наполнить свои пустые желудки, не брезгуя даже воровствомъ. Такимъ образомъ и я съ первыхъ же шаговъ жизни въ Приворотьѣ былъ наученъ опытно, какъ нужно сохранять попадавшееся иногда мнѣ съѣстное.

Мать моя, отправляясь въ путь, захватила съ собою два коровая чернаго хлѣба и съ пудъ сухарей. По прибытіи своемъ въ село мы остановились на квартирѣ. Ученики какъ-то пронюхали, что у меня есть съѣстное, и обратились ко мнѣ вѣжливо: „любезнѣйшій, дай намъ по кусочку хлѣба". Я, незнакомый еще съ ученическою жизнію, безпрекословно далъ. Съѣвши данное, они вторично обратились со своей просьбой, я и тогда удовлетворилъ ихъ. Къ вечеру послѣ хожденій къ смотрителю, различныхъ треволненій по поводу отъѣзда матери я почувствовалъ голодъ. Иду къ сундуку, открываю его и съ ужасомъ вижу, что онъ пустъ: и хлѣбъ и сухари безслѣдно исчезли. А то бывало прослышатъ ученики, что такой-то изъ ихъ товарищей получилъ изъ дому посылку съ чѣмъ-нибудь съѣдобнымъ, начинаютъ выслѣживать и искать случая поживиться имъ, устроить себѣ угощеніе, которое называлось на нашемъ языкѣ „караваномъ".

Былъ у насъ ученикъ Петринскій, сынъ чиновника, постоянно получавшій изъ дому продовольствіе и державшій его въ своемъ сундучкѣ подъ ключемъ. Разъ, помню, была на завтра географія. Нужную карту на занятную взяли ученики квартирные и возвратили ее очень поздно. Пришлось заниматься послѣ ужина. Для того, чтобы не обратить на себя вниманіе начальства, мы стянули съ коекъ одѣяла, завѣсили имъ со всѣхъ сторонъ столъ и забрались со свѣчею въ этотъ импровизированный шалашъ, „показывать по картѣ". Петринскій спалъ. Кто-то изъ занимавшихся подалъ мысль: „слухайте, у Петринскаго въ сундукѣ есть и сухари, и сало, и масло, я самъ бачивъ. Ну-ка возьмемъ"! Сказано-сдѣлано. Подошли къ его сундуку, вскрыли какимъ-то образомъ, взяли все находившееся здѣсь и снова замкнули замокъ. Присутствующіе расположились угощаться. Одинъ шутникъ захотѣлъ посмѣяться надъ пострадавшимъ и разбудилъ его, говоря: „Антонъ, караванъ пришелъ, вставай, будешь ӥсты". Тотъ радъ даровщинкѣ, вскакиваетъ съ койки и благодаритъ товарищей, не забывшихъ его: „добре що збудылы". Закусили прилично. На другое утро Петринскій къ сундуку—вздумалъ позавтракать. Можно представить его разочарованіе и досаду, когда онъ не нашелъ въ немъ ничего... Понялъ, бѣдняга, въ чемъ дѣло, да было поздно. Ругался... А жаловаться не смѣлъ: выбили бы.

Лица, имѣвшія на рукахъ деньги, могли обходиться безъ этого или подобнаго неблаговиднаго способа добыванія себѣ пропитанія.

Къ ихъ услугамъ за воротами бурсы были и жидки и жинки, продававшіе всякую снѣдь въ видѣ хлѣба, коржей, варениковъ, блинцевъ и т. п. Но немного было среди насъ такихъ богачей. Мать моя, напр., давала копѣекъ 10 на всю треть—не долго на эти деньги можно было пороскошествовать.

Въ лѣтнее время ученики расширяли свою дѣятельность по добыванію себѣ пищи. Сады были полны фруктами, огороды—съѣдобными овощами. И вотъ на нихъ совершались набѣги, какъ общіе въ нѣсколько человѣкъ, такъ и одиночные. Крестьяне, наученные прошлыми годами, зорко стерегли свое добро. Но бурсаки умѣли перехитрить ихъ. Бывало, что голодный охотникъ и попадетъ въ руки хозяина. Послѣдній, не осмѣливаясь наказать его собственноручно, обыкновенно тащилъ пойманнаго къ училищному начальству. Ученикъ въ этомъ случаѣ какъ-нибудь ухитрялся (бросалъ, напр., песокъ, табакъ въ глаза крестьянину) и убѣгалъ или же силою былъ освобождаемъ своими товарищами, хорошо понимавшими, въ чемъ дѣло. Если же никакія ухищренія не удавались, виновный приводился къ смотрителю, который, кромѣ словеснаго внушенія, конечно, подвергалъ его жестокому наказанію розгами, послѣ чего еще ставилъ на колѣни у столба съ солнечными часами.

Бывали и курьезы на почвѣ голодовки. Дѣло было подъ осень. Нѣсколько учениковъ ходили по церковному погосту и между прочимъ заспорили о томъ, кто больше всѣхъ можетъ съѣсть сливъ. Нѣкто Максимъ Савинскій, мальчикъ постоянно угрюмый, заявилъ: „я могу за 10 грошей съѣсть“. А на грошъ давали тогда 100 сливъ. Выходило, нужно было съѣсть 1.000 штукъ. Товарищи отнеслись къ такому заявленію недовѣрчиво и начали подзадаривать: „Але не зъишь“. „Зъимъ“. „Смотри, будэмъ биты“.

Кое-какъ сложились на 10 грошей, пошли въ ближайшій садъ, купили у жида 1.000 сливъ. Ѣстъ нашъ Савинскій, ѣстъ; обмануть никакъ нельзя—наблюдаетъ нѣсколько десятковъ глазъ. Чувствуетъ, что желудокъ полный, тяжело дышать, смотритъ—сливъ еще хорошая половина. Что же онъ дѣлаетъ? Не отказывается отъ затѣи, а ложится на землю и лежа, но все-таки продолжаетъ ѣсть... и съѣлъ. Думали, что онъ „лопнетъ“, но ничего.—Конечно, худо было ему, но къ какимъ-либо серьезнымъ послѣдствіямъ эта затѣя не повела.

Ежедневно голодая, многіе ученики сбѣгали изъ училища. Разъ и со мною случилась такая исторія. Я былъ уже въ III классѣ.

Въ одно изъ воскресеній, когда послѣ обѣдни ученики бывали предоставлены самимъ себѣ, не заняты и когда вслѣдствіе этого голодъ давалъ себя чувствовать сильнѣе, я не могъ выдержать и побѣжалъ по дорогѣ по направленію въ Каменецъ. Къ счастью меня встрѣтилъ одинъ ученикъ изъ квартиры, родственникъ.

— „Куда ты идешь?“ спрашиваетъ онъ.

— „Ей Богу“, говорю, утечу до дому. Я исты хочу, не могу вытрематы“.

— „Да тебя поймаютъ и сильно будутъ бить“...

Онъ повернулъ меня обратно, привелъ къ себѣ на квартиру, далъ кусокъ хлѣба и тѣмъ спасъ меня отъ наказанія.

Возвращаюсь къ распредѣленію нашего учебнаго дня.—Послѣ обѣда до двухъ часовъ былъ перерывъ въ занятіяхъ. Въ это время ученики обыкновенно предавались играмъ, и только нѣкоторые неспособные приготовляли уроки къ позднимъ классамъ. Игры наши не отличались разнообразіемъ и не были оригинальны. Играли въ мячъ—(„квасокъ, мѣты“); изъ комнатныхъ игръ помню: „сороку“ и „въ перышки“. Обладавшіе способностью рисовать малевали картинки. Было въ ходу рисованіе „подъ формы“. Бралась вощеная бумага, накладывалась на выбранный рисунокъ, который переснимался и раскрашивался. Даже самое начальство иногда поручало такимъ искусникамъ разрисовывать похвальные листы, которые давались особенно успѣвающимъ ученикамъ въ награду. Мнѣ однажды самому дали такой похвальный листъ, который былъ тушью разрисованъ—изображены были столбики, а по нимъ вьющіеся цвѣты.—Читали мало. Библіотеки, изъ которой ученики могли бы получать для чтенія книги, кромѣ учебниковъ, не было. Правда, попадались книжки, но ихъ было очень мало, да и принадлежали онѣ къ лубочнымъ изданіямъ, напр. Еруcланъ Лазаревичъ, Бова Королевичъ, Ринальдо Ринальдини и т. п. Такія книжки привозились самими учениками изъ домовъ родителей.

Въ 2 часа былъ звонокъ на поздніе классы, продолжавшіеся до четырехъ часовъ; послѣ того ученики расходились по своимъ номерамъ и начинались вечернія занятія—подготовка уроковъ къ слѣдующему дню. Тутъ являлась на сцену пресловутая зубрежка. Заданное учили безъ пониманія наизусть изъ слова въ слово. Часто за этою трудной работой ученикъ и засыпалъ надъ книгою, особенно изъ малышей, еще не привычныхъ къ ней. Во время занятныхъ иногда проходилъ по комнатамъ инспекторъ. При видѣ его гулъ сейчасъ же смолкалъ. И горе тому, кого онъ замѣчалъ спящимъ. Спѣшно подходилъ къ нему и громко кричалъ: „Ты спишь? Пшелъ“... Бѣдняга зналъ, куда идти, и получалъ 3—5 горячихъ.

Этимъ, кажется, и ограничивалось воспитательное воздѣйствіе нашего инспектора. Иногда онъ спрашивалъ того или другого изъ насъ, знаетъ ли онъ урокъ, давалъ вопросы. Если ученикъ оказывался неподготовившимъ урокъ, подвергался той же участи безъ разсужденія, могъ ли онъ успѣть его выучить или нѣтъ. Въ это же время инспекторъ наблюдалъ и за убранствомъ комнаты и порядкомъ ея. Если замѣчалъ, что кровати не были убраны, наказывалъ владѣльцевъ ихъ. Разъ усмотрѣлъ, что на моей кровати не было одѣяла. „Чья кровать?“ властно спросилъ онъ. „Моя“. „Почему нѣтъ одѣяла?“ „Не имѣю“. „Пшелъ“... Потомъ мнѣ, какъ казеннокоштному, было дано рваное одѣяло. Рады мы были, когда скрывался за дверями нашъ благостный воспитатель... Занятныя оканчивались въ 9 часовъ, когда слышался звонокъ на ужинъ, который происходилъ также въ двѣ смѣны, какъ и обѣдъ. Ужинъ былъ очень скудный. Давали супъ, засыпанный крупами (кулешъ) и сдобренный масломъ или саломъ, изрѣдка жидкую ячменную кашу съ кусочкомъ хлѣба. Послѣ ужина происходила вечерняя молитва. Вычитывались всѣ положенныя молитвы, пѣлись хоромъ тропари, напр. преп. Сергію, которому посвященъ былъ училищный храмъ, св. Николаю Чудотворцу, праздничные тропари и стихиры. На молитвѣ присутствовали смотритель и инспекторъ. Въ 10 часовъ по инструкціи свѣча должна быть потушена; всѣ ученики должны ложиться спать. Жизнь повидимому потухала. На самомъ же дѣлѣ очень часто она съ этого-то времени принимала оживленный характеръ, особенно среди старшихъ воспитанниковъ. Послѣдніе раздобывали водки, которая была очень дешева, и начиналась попойка подъ покровомъ ночи. Шли разговоры задушевные, разсказывались исторіи; нѣкоторые садились за карты. Такимъ образомъ бурсаки отдыхали и вмѣстѣ оживали отъ гнетущей ихъ обстановки, изъ манекеновъ обращались въ живыхъ людей. Нѣкоторые изъ великовозрастныхъ чрезъ окно убѣгали въ село и тамъ кутили съ знакомыми крестьянами или же клирошанами. Бывали и у приходскаго священника. На такой почвѣ было даже совершено преступленіе. Одинъ изъ великовозрастныхъ учениковъ IV кл. Баранецкій частенько хаживалъ къ священнику. Не обходилось, конечно, и безъ выпивки. Разъ въ пьяномъ видѣ священникъ похвалился, что у него есть 19 рублей серебромъ. У Баранецкаго явилось желаніе завладѣть ими. Въ свой преступный планъ онъ посвятилъ еще двухъ человѣкъ и привлекъ ихъ къ соучастію съ собою. Наканунѣ зеленыхъ праздниковъ (Троицына дня) пробрались они въ домъ священника, который, кстати сказать, былъ одинокій, вошли въ комнату, гдѣ онъ спалъ, и задушили его полотенцемъ. Совершивши

преступленіе, всѣ три сначала скрывались на колокольнѣ, а потомъ убѣжали на сѣнокосъ, называемый Рудкою. Въ Троицынъ день крестьяне, долгое время напрасно ожидая батюшки, прошли въ его квартиру и нашли его уже мертвымъ, при чемъ у него въ глоткѣ оказалось битое стекло. Баранецкій со своими товарищами потомъ были уличены въ преступленіи, пойманы, судимы, наказаны кнутомъ и сосланы въ Сибирь.—Но на-ряду съ темными личностями, подобными описаннымъ, между бурсаками были люди совершенно иного настроенія. Изъ нихъ особенно выдѣлялся упомянутый уже Даніилъ Стрѣльбицкій. Онъ отличался набожностью. Часто ночью можно было видѣть его колѣнопреклоненно молящимся. Впрочемъ, онъ скрывалъ отъ другихъ такія дѣйствія и лишь слышалъ шорохъ шаговъ или замѣчалъ какъ-нибудь, что за нимъ наблюдаютъ, тотчасъ же забирался подъ одѣяло и притворялся спящимъ. Всегда забитый, несчастный, носящійся съ книжкою, онъ во время молитвы преображался. И я, будучи маленькимъ еще, видя освѣщенное мерцающимъ свѣтомъ лампадки его лицо, хотѣлъ вмѣстѣ съ нимъ также горячо молиться.

По субботамъ и въ дни предъ праздниками распредѣленіе времени было нѣсколько иное; занятія продолжались лишь до 3-хъ часовъ. Вечеромъ отправлялось всенощное бдѣніе. Особаго духовника священника въ училищѣ не было; его обязанности исполнялъ приходскій священникъ, а потому хотя и былъ училищный храмъ, но въ немъ совершалось богослуженіе только въ зимнее время, лѣтомъ же ходили въ приходскую церковь. Прихожане богослуженіе посѣщали неохотно, а потому богомольцевъ, кромѣ учениковъ, почти никогда не было. Пѣлъ всегда училищный хоръ подъ управленіемъ особаго регента—ученика изъ бывшихъ архіерейскихъ пѣвчихъ. На службахъ нѣкоторыя пѣснопѣнія, какъ напр. „Свѣте тихій, Единородный Сыне, Иже херувимы, „концерты“ исполнялись по партесному. Службы были очень продолжительны, потому что все положенное по уставу вычитывалось. Въ церковномъ чтеніи участвовали исключительно ученики. Особенно любили читать и слушать Апостолъ. Были такіе, которые щеголяли своимъ басистымъ чтеніемъ и всегда старались удерживать за собою пальму первенства. Удачно прочитанный апостолъ—событіе дня, дававшее пищу для бурсацкихъ разговоровъ. Въ наше время прекрасными чтецами считались Главацкій и Гвоздецкій. Они всегда конкуррировали и однажды даже изъ-за апостола затѣяли на клиросѣ драку. Эти два порядочные дѣтины, свирѣпо сверкая глазами, били другъ друга и въ грудь, и въ животъ, и въ зубы, и все это молча, а только тяжело дыша; бились до тѣхъ поръ, пока Главацкій не оказался

побѣдителемъ. Кстати замѣчу, что онъ, вышедши вскорѣ изъ училища, набралъ шайку бродягъ и занимался разбойничьими нападеніями на помѣщиковъ, предварительно ограбивъ своего отца-священника.

Такъ проводили свою жизнь ученики Приворотскаго духовнаго училища. Нѣсколько оживлялась она только съ наступленіемъ теплыхъ и сухихъ дней весеннихъ. Тогда представлялась возможность послѣ занятій уйти въ поле, въ лѣсъ и отрѣшиться хоть на нѣсколько часовъ отъ той неприглядной обстановки, какая окружала насъ и которая давила въ насъ все хорошее. Пообѣдавши, обыкновенно большинство учениковъ и спѣшило на просторъ, чему не препятствовало и начальство. Къ позднимъ классамъ снова всѣ собирались съ тѣмъ, чтобы въ 4 часа и до ужина отправиться, куда глаза глядятъ за нѣсколько верстъ отъ Приворотья. Это имѣло важное значеніе для учениковъ, потому что укрѣпляло насъ физически, спасало отъ болѣзней и слабосилія, неизбѣжныхъ при такомъ плохомъ питаніи и такихъ невозможныхъ гигіеническихъ условіяхъ, въ какихъ мы жили.

Къ нашимъ весеннимъ удовольствіямъ можно отнести рекреаціи, падавшія обыкновенно на 1, 15, а иногда и 30 мая. Если въ указанныя числа день выдавался хорошій, ученики старшаго класса предъ первымъ урокомъ объявляли въ остальныхъ классахъ, что нужно идти къ смотрителю и просить разрѣшенія устроить рекреацію. На этотъ призывъ выходили ученики всѣхъ классовъ къ квартирѣ своего начальника, размѣщались на крыльцѣ, въ передней и предъ окнами и хоромъ начинали просить его: emenentissime pater, rogamus recreationem“. Смотритель сразу обыкновенно не показывался, а потому пѣвчіе затягивали пѣсню:

Привѣтствуемъ съ прекраснымъ маемъ,
Тебя, начальникъ, нашъ отецъ,
Привѣтствуетъ и всѣ взываемъ:
Внемли желаніямъ сердецъ!
Въ сей день толико вожделѣнный,
Когда въ весельи зрится міръ,
И птички мелкія стадами
Спѣшатъ, спѣшатъ на общій пиръ,
Въ сей день толико вожделѣнный,
Когда цвѣтетъ земля, какъ рай,
Позволь начальникъ нашъ любезный,
Почтить забавой свѣтлый май!..

Часто эта пѣсня повторялась нѣсколько разъ, прежде чѣмъ вызывала смотрителя. Наконецъ онъ выходилъ, но предварительно напускалъ строгій видъ, ломался, отказывалъ и только послѣ усиленныхъ просьбъ склонялся и разрѣшалъ намъ рекреацію. Восторгу малышей не было конца. — Даже провинившихся въ чемъ-либо учениковъ наше строгое начальство не имѣло силы лишать весенняго праздника и, наказавши немного, позволяло присоединиться къ остальнымъ. Помню, я разъ пріѣхалъ съ пасхальныхъ каникулъ какъ разъ на рекреацію, а такъ какъ я не привезъ съ собою никакой оффиціальной бумаги, оправдывающей мое опозданіе, то и былъ вмѣстѣ съ тремя другими учениками посаженъ въ пустомъ корридорѣ. Отъ скуки намъ вздумалось поразвлечься, нашелся мячъ, и мы начали играть въ мѣты. Играли съ увлеченіемъ. Какъ разъ въ это время проходитъ смотритель, приготовившійся ѣхать на рекреацію; услышалъ шумъ и идетъ къ намъ.

— „Вы что тутъ дѣлаете?“ крикнулъ онъ. Невѣдомо откуда взялись розги, дали намъ по три; „ступайте“, заключилъ послѣ этого смотритель, и мы довольные такою развязкою, конечно, поспѣшили воспользоваться дарованною свободою и удовольствіемъ.

По полученіи разрѣшенія на рекреацію тотчасъ же посылались особо выбранные „строители“ въ лѣсъ, чтобы облюбовать мѣсто и выстроить тамъ палатки для помѣщенія начальствующихъ, учителей и постороннихъ гостей. Палатки эти дѣлались изъ древесныхъ вѣтвей; для этого же иногда вырывались съ корнемъ небольшія березки. Прежде по лѣсамъ было не такъ строго. Обыкновенно строились два шалаша. Въ день рекреацій обѣдъ подавался раньше. Наскоро поѣвши, ученики съ пѣснями выходили со двора училища въ назначенное мѣсто въ лѣсу.

За учениками слѣдомъ ѣхали повозки, одна была подъ провизіей, а на другихъ сидѣли жены учителей съ дѣтьми. По дорогѣ ученики пѣли пѣсни патріотическаго характера, какъ напр. „Грянулъ внезапно громъ надъ Москвой“. Къ этому шествію иногда присоединялись подводы, на которыхъ ѣхали сосѣдніе съ Приворотьемъ батюшки съ матушками и дочками. По прибытіи на мѣсто наши гости размѣщались по палаткамъ и угощались, а мы разбѣгались по лѣсу или затѣивали игры, въ которыхъ принимали участіе и учителя

Къ рекреаціямъ любители изъ учениковъ иногда разучивали малороссійскія пьесы и давали ихъ на открытомъ воздухѣ. Участвующіе переряживались соотвѣтственно полу изображаемыхъ лицъ и гримировались; мастеромъ въ этомъ дѣлѣ былъ нѣкто Варицкій. Представленіе выходило очень недурнымъ. Помнится, играли „На-

талку Полтавку"; въ этой пьесѣ особенно выдѣлялся своею игрою Марко Лисѣцкій, отличавшійся и видною, красивою наружностію, и прекраснымъ голосомъ. Присутствовавшіе учителя и гости много ему апплодировали. Кромѣ представленія, предъ палатками пѣли пѣсни и русскія и малороссійскія. Затѣмъ, всѣмъ ученикамъ давали закусить по куску хлѣба, а иногда и булки, который запивали пивомъ. Пиво это было особое, такъ называемое, дубельтовое. Привозился цѣлый боченокъ. Въ извѣстное время предлагали подходить, и распорядитель наливалъ пиво въ стаканы, которыми ученики предварительно запасались. Наше празднество продолжалось до поздней ночи, часовъ до 11—12, когда давался знакъ къ отправкѣ въ училищный корпусъ. Возвращались тоже съ пѣснями. Въ столовой уже ждалъ насъ скромный ужинъ.

На сколько былъ пріятенъ день рекреаціи, настолько же непріятенъ слѣдующій. Уроки не выучены, голова послѣ недостаточнаго сна не свѣжа. Бурсаки пускаются на хитрости. Находится балагуръ, передѣвается жидомъ, замазываетъ физіономію сажей, беретъ курицу въ руки и въ такомъ видѣ идетъ къ смотрителю. Здѣсь онъ представляетъ какую-нибудь смѣшную сценку и въ заключеніе проситъ освободить учениковъ отъ уроковъ. Иногда смотритель дарилъ „уроки".

Съ 1-го іюля начинались лѣтніе экзамены. Особаго времени на подготовку не назначали. Спрашивали, особенно лучшихъ учениковъ не по всѣмъ предметамъ, а по какому-либо одному. Исключеніе составляли плохіе по успѣхамъ ученики. Они подвергались полному испытанію. Кто не отвѣчалъ, сѣкли. Такимъ образомъ одинъ изъ моихъ товарищей въ одинъ день былъ битъ 7 разъ, потому что не удовлетворилъ экзаменаторовъ своими отвѣтами по всѣмъ семи предметамъ. Предъ рождественскими каникулами также производились экзамены.

Для того, чтобы не оставаться въ бурсѣ, почти всѣ ученики, даже и не имѣвшіе близкихъ родственниковъ, уходили и на рождественскія и на пасхальныя каникулы и на масляницу, не говоря уже о лѣтнихъ. Зимою и раннею весною эти путешествія были сопряжены съ большими трудностями и опасностью для здоровья. Одежды теплой не было, а какая и обрѣталась, то была плохая, особенно у казеннокоштныхъ. По недостаточности средствъ и обувь и сюртуки были изъ недоброкачественнаго матеріала и скоро изнашивались. Дадутъ сапоги, смотришь чрезъ мѣсяцъ ужь и пальцы видно. Большую часть года ходили босыми. Въ годъ моего поступленія мнѣ былъ сшитъ желтый сюртукъ изъ старыхъ, порванныхъ одѣялъ. Я, сирота, и тому былъ радъ! Но все это плохо защищало

отъ холода, особенно во время поѣздокъ. Ѣдешь, бывало, въ такомъ сюртучкѣ на Рождество. Морозъ, вѣтеръ... зубъ на зубъ не попадетъ. Соскочишь съ воза или съ саней, думаешь, на бѣгу согрѣешься, пальцы на ногахъ начнетъ щипать. Ждешь, не дождешься, когда зачернѣется корчма. Остановишься, отогрѣешься; но не надолго. Не удивительно, что такія путешествія оканчивались не всегда благополучно. Иной пріѣдетъ домой съ обмороженными ногами, другой—руками, а меня однажды внесли въ домъ дяди въ безсознательномъ состояніи: дорогою заболѣлъ горячкою.—Другое дѣло было лѣтомъ.

Путешествія тогда совершались цѣлыми кучками бурсаковъ и пѣшкомъ. При этомъ, не имѣя въ своемъ распоряженіи ни провизіи, ни денегъ, пробивались или Христовымъ именемъ у крестьянъ, или просили у священника, къ которому наряжалась для этого особая депутація. Нерѣдко она надѣлялась и хлѣбомъ и молокомъ, а чаще возвращалась ни съ чѣмъ. Въ крайнихъ случаяхъ бурсаки прибѣгали и къ похищенію разной снѣди.

Жизнь въ каникулярное время у родственниковъ для насъ сиротъ была не сладка. Никому, очевидно, не хотѣлось имѣть въ домѣ лишній ротъ. Постоянно приходилось слышать упреки, замѣчать сердитые взгляды. „На что вы сироту взяли?“ такъ разъ встрѣтилъ дядя своихъ сыновей, пригласившихъ меня на Пасху. Легко ли было проводить двѣ недѣли въ такомъ домѣ? Заплачешь иногда, вспомнишь покойнаго отца... Для того, чтобы заглушить въ себѣ горькое, непріятное чувство, весь погружаешься въ работу. Особенно въ лѣтнее время я работалъ и на полѣ, и на огородѣ, и въ клунѣ наравнѣ съ заправскимъ наймитомъ.

Въ Приворотскомъ духовномъ училищѣ я учился $7^1/_2$ лѣтъ. Въ самомъ началѣ 1847 года по ходатайству смотрителя Нектарія два старшихъ класса изъ Приворотья были переведены въ гор. Баръ. Мотивомъ для такого перевода были, кажется, личныя соображенія Нектарія, любимца митрополита Арсенія, а впослѣдствіи занимавшаго должность ректора Петербургской духовной академіи [1]). Въ Бару былъ монастырь, и смотритель, сдѣлавшись настоятелемъ его, получалъ значительно большее содержаніе.

Для училища былъ отведенъ монастыремъ полуразрушенный, домъ, половина котораго была нѣсколько отремонтирована. Впрочемъ, и послѣ отстройки стѣны зданія были очень плохи, и когда за городомъ шло артиллерійское ученіе, то отъ стрѣльбы стѣны эти положительно тряслись.

---

[1]) Умеръ архіепископомъ харьковскимъ.

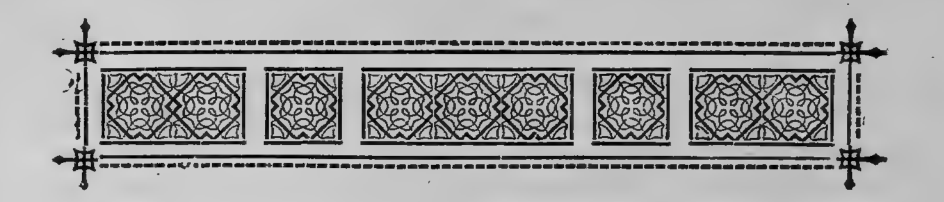
Зданіе было двухъэтажное, на верху помѣщался IV классъ, а внизу—третій. Прежде и самый монастырь и зданія принадлежали францисканцамъ; здѣсь у нихъ существовала четырехклассная школа. Когда мы явились туда, то застали на дверяхъ комнатъ надписи по-польски: пирша... друга... тшеча... чварта клясса повятова.

Жизнь въ Бару мало чѣмъ отличалась отъ Приворотской. Кормили только еще хуже, чѣмъ тамъ, потому что тѣ средства, какія отпускались прежде на одно училище, были подѣлены на два. Къ богослуженіямъ ходили въ монастырскую церковь. Учащихся въ барскомъ училищѣ было не много. Окончило насъ всего 32 человѣка, которые потомъ поступили въ Подольскую духовную семинарію.

В. Сл. и Ѳ. Ф—ко.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Дѣятельность графа С. С. Ланского въ проведеніи крестьянской реформы.

(Къ юбилею крестьянской реформы)[1].

С. С. Ланской родился въ 1787 г., получилъ хорошее образованіе дома, какъ это было тогда въ обычаѣ, и зналъ иностранные языки.

При Александрѣ I мы видимъ его вторымъ мастеромъ „провинціальной ложи“ [2]), откуда скоро онъ вышелъ.

А. Н. Муравьевъ ввелъ его въ „Союзъ Благоденствія“, гдѣ онъ оставался тоже не долго.

Неизвѣстно, по какимъ причинамъ онъ недолго оставался тамъ, такъ что 14 декабря 1825 года для С. С. Ланского прошло безъ послѣдствій, а Николай I назначаетъ его губернаторомъ сначала въ Владимірѣ, а потомъ переводитъ въ Кострому, наконецъ, въ 1850 году Ланской дѣлается членомъ Госуд. Совѣта, при чемъ Николай Павловичъ говорилъ, что онъ либерала Ланского „обратилъ на путь истинный“.

При Александрѣ II Ланской назначается въ 1855 году министромъ внутреннихъ дѣлъ, чтобы „исцѣлить Россію отъ ея болѣзней“. Это была очень трудная задача, ни воспитаніе его, ни предшествующая дѣятельность не могли служить достаточной подготовкой для нея.

С. С. Ланской приглашаетъ въ министерство П. И. Мельникова и А. И. Левшина.

---

[1]) Эта статья не могла быть помѣщена въ февральской книгѣ. *Ред.*

[2]) См. зап. Вигеля и разск. А. Н. Степанова („Рус. Стар.“—1870 г. I т.).

Въ воспоминаніяхъ перваго приводится характерный разговоръ его съ Ланскимъ, который требуетъ, чтобы въ составленномъ для Государя въ отчетѣ не было оффиціальной лжи и ничего канцелярскаго. „Если мы не замѣтимъ Вашей фальши, сказалъ онъ, тотъ Царь (онъ поднялъ руку къ верху) узнаетъ ее. Помните, что Вы не отчетъ просто призваны писать, а такъ сказать священнодѣйствовать“ (Восп. Мельн. „Рус. Арх.“, 1879, II). Въ сношеніяхъ съ подчиненными, Ланской цитируетъ поговорку: du choc des opinions jail lit le vérité, требуя болѣе живого отношенія къ своимъ мнѣніямъ

Тотчасъ по вступленіи на постъ Ланской издаетъ циркуляръ гдѣ заявляетъ, что Государь повелѣлъ ему: „ненарушимо охранять права, вѣнценосными предками его дарованныя дворянству“. Циркуляръ этотъ печатался два года въ большомъ количествѣ.

Впрочемъ Ланскому пришлось подготовляться къ крестьянской реформѣ, послѣ знаменитой рѣчи Государя дворянству о необходимости реформы сверху.

Въ министерствѣ, пользуясь съѣздомъ дворянъ на коронацію, зондируютъ почву по крестьянскому вопросу.

Подъ руководствомъ Левшина затѣмъ приступаютъ къ секретнѣйшему обзору матеріаловъ по крестьянскому вопросу, и съ 1-го янв. 1857 г. учреждается для этой цѣли секретный крестьянскій комитетъ.

Ланской раздѣляетъ взгляды свои съ помощниками. Сильное вліяніе на него имѣлъ кружокъ Вел. Кн. Константина Николаевича и Вел. Кн. Елены Павловны. Ланской умѣлъ выбирать себѣ помощниковъ; вмѣсто Левшина, онъ приглашаетъ въ 1857 г. Н. А. Милютина, про котораго самъ Государь говорилъ: „онъ давно имѣетъ репутацію краснаго, за нимъ надо наблюдать“ (Дневникъ Никитенко, II т. 118 с.). При назначеніи же Милютина, Государь сказалъ Ланскому: „*ты* мнѣ за него ручаешься“.

20-го ноября 1857 года былъ подписанъ Государемъ рескриптъ на имя виленскаго губернатора о созывѣ дворянскаго комитета для составленія положенія объ улучшеніи быта крестьянъ на указанныхъ въ немъ и въ особомъ циркулярѣ мин. внутреннихъ дѣлъ основаніяхъ.

Ланской 21-го ноября, въ праздничный день, распоряжается о напечатаніи этого циркуляра и разсылкѣ его по губерніямъ.

Лѣтомъ 1858 г. Ланской подаетъ Александру II записку, которая едва не вызвала его отставки. Здѣсь онъ заявляетъ о полномъ спокойствіи крестьянства, въ противуположность опасеніямъ Государя, который дѣлаетъ собственноручныя помѣтки о несогласіи съ министромъ внутр. дѣлъ.

Крестьянство въ ожиданіи реформы вело себя очень спокойно, что и удалось установить Ланскому. Въ 1858 г. не было ни одного случая убійства помѣщиковъ, тогда какъ раньше въ годъ было до 13—15-ти убійствъ.

Ланскому пришлось выступить на борьбу съ лѣвымъ крыломъ дворянства, стремившагося къ конституціи, и съ правой его частью, отстаивавшею крѣпостничество.

Въ Петербургѣ съѣзжались депутаты перваго созыва. Ланской выставляетъ губернскіе дворянскіе комитеты въ немного преувеличенно-реакціонномъ видѣ, отстаивая ту мысль, что комитетскія положенія не рѣшаютъ крестьянскаго вопроса, а знакомятъ только съ взглядами дворянства на мѣстахъ.

Подъ его вліяніемъ Александръ II приказываетъ на первомъ же засѣданіи комиссіи подчеркнуть ту мысль, что дворяне должны дать только „мѣстныя данныя“ по крестьянскому вопросу, каждый членъ губерніи особо и при томъ письменно.

Слово „депутатъ“ согласно мысли Ланского замѣняется сообразно съ этимъ въ „члена, избраннаго губерн. комитетомъ“. Наконецъ приглашаются представители не только большинства въ комитетахъ, но и меньшинства. Затѣмъ разгорается борьба Ланского съ дворянствомъ, прибѣгнувшимъ къ подачѣ адресовъ Государю. Этими адресами Ланской пользовался, чтобы доказать Александру конституціонные замыслы дворянства.

Въ засѣданіи главнаго комитета по крестьянскому дѣлу (5 ноября 1859) Ланской заявляетъ, что „стремленія, крайне опасныя для будущаго спокойствія Россіи“, заключаются въ поползновеніяхъ дворянства урѣзать крестьянскій надѣлъ и взять изъ него возможно больше. На этомъ же собраніи рѣшено было „поставить на видъ всѣмъ членамъ, подписавшимъ адресы, сдѣлавъ черезъ губернское начальство надлежащее имъ внушеніе“.

Вслѣдъ за отъѣздомъ депутатовъ изъ Петербурга Ланской, боясь, что дворяне используютъ предстоящія губернскія собранія для отчета о своихъ дѣйствіяхъ, выхлопоталъ Высочайшее запрещеніе „входить на собраніяхъ въ сужденія по предметамъ, до крестьянскаго вопроса касающимся“.

Отвѣтомъ на это со стороны дворянства явились адреса, среди которыхъ особенно либеральнымъ былъ адресъ владимірскихъ дворянъ.

Въ 1860 г. по смерти Ростовцева, Ланской выступаетъ съ своей кандидатурой въ предсѣдателя редакціонныхъ комиссій. Императоръ Александръ, хотя и увѣрилъ его въ своемъ расположеніи, но назначилъ на этотъ постъ В. Н. Панина. Это было началомъ измѣненія

положенія Ланского. Начинается въ редакціонныхъ комиссіяхъ глухая борьба съ Панинымъ, закончившаяся закрытіемъ комиссіи, членамъ которыхъ Панинъ не подавалъ даже руки. Ланскому удалось исходатайствовать аудіенцію у Государя, но на ней онъ былъ игнорированъ. Государь выразилъ свою благодарность Панину, жаловавшемуся на дѣйствія Ланского.

Министерство Ланской оставляетъ въ апрѣлѣ 1861 г. вмѣстѣ съ Милютинымъ, уступая противоположнымъ теченіямъ. При этомъ онъ получаетъ титулъ графа.

Источники:

Матеріалы редакціонныхъ комиссій 1-ое изд. 1859—60 г. XVII т. 2 идз. 1860 III.

Скребицкій. Крестьянское дѣло въ царств. Имп. Алекс. II, IV т. Боннъ.

Н. П. Семеновъ. Освобожденіе крестьянъ въ царств. Алекс. II, III т. 1889—92 СПБ.

Матеріалы для исторіи упраздненія крѣпостн. состоян. помѣщ. крестьянъ въ Россіи, II т. Берлинъ.

„Русская Старина" 1879. XXVI А. Чумаковъ „Графъ Ланской"; 1882, т. XXXVIII Записки Я. А. Соловьева; 1889, I—IV Изъ зап. М. А. Милютиной; 1897—98 На зарѣ крест. свободы; 1891, IX Валуевъ, Дневникъ

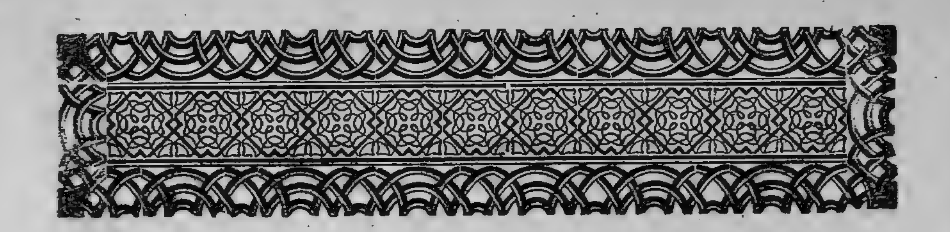
Leroy Beaulieu Un homme d'état russe. Paris 1884.

Русскій Архивъ 1879 Графъ Ланской—Мельникова. 1885, VIII Зап. Левшина.

Другіе источники цитированы въ текстѣ.

С. Фарфоровскій.

Н. И. Пироговъ.

Великій цѣлитель тѣла и воспитатель души.

„Ищи быть и будь человѣкомъ“ (изъ рѣчи Пирогова 1 сентября 1857 г.).

Съ чувствомъ полнѣйшаго и высокаго нравственнаго удовлетворенія останавливаемъ свое вниманіе на свѣтломъ образѣ Николая Ивановича Пирогова, со дня рожденія коего 13 ноября 1910 года исполнилось столѣтіе. Пироговъ!.. Сколько прекраснаго возбуждается въ душѣ при воспоминаніи объ этой умной и высоко гуманной личности, самоотверженно, энергично и честно служившей словомъ и дѣломъ въ теченіе полвѣка своему отечеству и человѣчеству! Какъ окрыляется человѣкъ во всѣхъ своихъ лучшихъ чувствахъ, при ознакомленіи и изученіи семидесятилѣтней жизни этого великаго цѣлителя тѣла и воспитателя души, до глубокой старости сохранившаго ясность ума и удивительную теплоту сердца, любовь къ жизни, къ молодому поколѣнію, вѣру въ силу науки и лучшее будущее своего отечества! Н. И. былъ во-истину благороднымъ, разумнымъ, искренно любящимъ сыномъ своего славнаго отечества. Его имя принадлежитъ къ числу тѣхъ незабвенныхъ и достойныхъ высокаго уваженія именъ нашихъ соотечественниковъ, которыми мы гордимся, и которыя служатъ украшеніемъ не одного только русскаго народа, но и всего человѣчества. Н. И. Пирогова высоко цѣнили такіе просвѣщенные, разумные и высоко нравственные отечественные дѣятели и

неподкупные современники, каковымъ, напримѣръ, былъ извѣстный педагогъ К. Д. Ушинскій — этотъ, по мѣткому выраженію одного изъ его біографовъ, идеалистъ самой высокой пробы, фанатикъ гуманности, научности и справедливости, не обманывавшій ни себя, ни другихъ какими бы то ни было компромиссами. Вотъ что Ушинскій говорилъ о Пироговѣ въ одномъ изъ своихъ заграничныхъ писемъ: „Наконецъ-то мы имѣемъ посреди насъ человѣка, на котораго съ гордостью можно указать нашимъ дѣтямъ и внукамъ, и по безукоризненной дорогѣ котораго можемъ вести смѣло наши молодыя поколѣнія. Пусть наша молодость смотритъ на этотъ образъ, и будущность нашего отечества будетъ обезпечена". 24 мая 1881 года, въ Москвѣ, въ актовой залѣ университета, происходило торжественное чествованіе пятидесятилѣтней службы Н. И., засвидѣтельствовавшее во-очію о томъ рѣдкомъ уваженіи къ заслугамъ Пирогова, какимъ онъ пользовался не только среди своихъ соотечественниковъ, но и за границею. Юбилейныя привѣтствія получены были со всѣхъ сторонъ. Кромѣ телеграммы Государя на имя юбиляра, всѣ русскіе университеты, не исключая и Гельсингфорскаго, всѣ научныя учрежденія Россіи и высшіе правительственные органы, всѣ больницы, клиники и иныя лѣчебныя заведенія, всѣ медицинскія и врачебныя общества, равно какъ и другія ученыя общества—всѣ эти институціи прислали или своихъ представителей, или же привѣтственныя телеграммы. Заграничные университеты и ученыя общества также поздравили русскаго ученаго, а именно: университеты Мюнхенскій, Страсбургскій, Падуанскій и Эдинбургскій, медицинскіе факультеты Парижа и Праги и Германское хирургическое общество. Представители прессы поднесли особый адресъ, въ которомъ привѣтствовали, въ лицѣ Пирогова, „не только знаменитаго ученаго, но и честнаго публициста и общественнаго дѣятеля". Среди этой массы привѣтствій было даже привѣтствіе отъ русскихъ евреевъ и закавказскаго муфтія. Городъ Москва поднесъ своему знаменитому уроженцу дипломъ почетнаго гражданства,—и это признаніе почетнымъ гражданиномъ своей родины Н. И. счелъ высшею честью, какая только можетъ быть оказана человѣку.

Достойному воздано должное! „Пироговъ, — говорилъ въ своемъ юбилейномъ привѣтствіи одинъ изъ профессоровъ — не зарывалъ своего таланта въ землю, онъ блестяще развилъ его, и если Россія не извлекла изъ его полувѣковой дѣятельности всей пользы, которую онъ могъ принести ей своимъ значеніемъ и способностями, то, сколько извѣстно, едва-ли самъ Пироговъ виноватъ въ этомъ"... Но и при тѣхъ условіяхъ дѣятельности, въ которыя Пироговъ, силою независящихъ отъ него обстоятельствъ, былъ поставленъ,

принесенная его знаніями и способностями польза наукѣ, обществу и отечеству дѣйствительно велика. Онъ былъ прежде всего человѣкъ живого труда и честнаго дѣла. Эти качества его дѣятельности ярко обрисовываются во всей его жизни. Главнѣйшіе факты ученой, административной и общественной его дѣятельности сводятся при краткомъ ихъ перечнѣ, насколько позволяетъ размѣръ настоящей статьи, къ слѣдующимъ даннымъ:

Въ 1833 году, послѣ предварительнаго окончанія медицинскаго факультета въ Московскомъ университетѣ и какъ весьма основательно подготовленный, затѣмъ, въ теченіе послѣдующихъ пяти лѣтъ въ Дерптскомъ университетѣ по анатоміи и хирургіи, Н. И. командированъ былъ отъ правительства за границу и здѣсь работалъ въ Берлинѣ у знаменитыхъ германскихъ хирурговъ этого города.

По возвращеніи въ Россію, въ 1836 году онъ избранъ былъ профессоромъ хирургіи Дерптскаго университета и вскорѣ сдѣлался здѣсь однимъ изъ любимыхъ профессоровъ. Живя въ Дерптѣ, Н. И. предпринималъ ежегодно хирургическія экскурсіи въ разные города Прибалтійскаго края, привлекавшія всегда громадное число больныхъ, тѣмъ болѣе, что, по иниціативѣ мѣстныхъ врачей, пасторы въ деревняхъ объявляли всенародно о прибытіи дерптскаго хирурга. Въ началѣ 1841 года Пироговъ былъ переведенъ профессоромъ госпитальной хирургіи и прикладной анатоміи въ С.-Петербургскую медико-хирургическую академію, съ порученіемъ ему же завѣдыванія всѣмъ хирургическимъ отдѣленіемъ 2-го военно-сухопутнаго госпиталя. Во время его пребыванія въ названной академіи, хирургическая клиника, благодарю необычайному дару преподаванія и несравненной техникѣ Пирогова въ производствѣ операцій, сдѣлалась высшею школою русскаго хирургическаго образованія. Точно также высоко поставлено было имъ преподаваніе и анатоміи, чему много способствовало устройство, по его иниціативѣ, особаго анатомическаго института. Во время своего 14-ти лѣтняго профессорства въ С.-Петербургѣ Н. И. произвелъ около 12.000 вскрытій съ подробными протоколами о каждомъ изъ нихъ. Въ 1847 году онъ былъ командированъ на театръ военныхъ дѣйствій на Кавказѣ для ознакомленія съ устройствомъ госпиталей и для распространенія среди военныхъ врачей новѣйшихъ усовершенствованій въ практикѣ хирургическихъ операцій, каковую задачу и исполнилъ съ большимъ успѣхомъ, принеся въ то же время весьма цѣнную помощь массѣ больныхъ воиновъ, нуждавшихся въ хирургическихъ операціяхъ. Въ 1848 году Пироговъ, по возвращеніи въ С.-Петербургъ, отдался изученію холеры, результатомъ коего было изданіе имъ сочиненія,

„Патологическая анатомія азіатской холеры". Въ 1854 году, онъ, по желанію Государыни Императрицы и великой княгини Елены Павловны, отправился въ Крымъ для завѣдыванія занятіями Крестовоздвиженской общины сестеръ милосердія, а также для сформированія особой корпораціи врачей-хирурговъ. Во время этой командировки Н. И. воочію увидѣлъ все нравственное разложеніе русскаго общества—тѣ наши общественные недуги, которые, послуживъ главною причиною неблагопріятнаго исхода крымской войны, осязательно, такъ сказать, засвидѣтельствовали необходимость нравственнаго и умственнаго самоочищенія русскаго общества посредствомъ улучшенія воспитанія подростающихъ поколѣній и измѣненія соціальныхъ условій жизни. И вотъ, возвратясь въ 1856 г. въ С.-Петербургъ, онъ рѣшается со всей безпощадной правдивостью высказаться по одному изъ кардинальныхъ „вопросовъ жизни"—о воспитаніи. Въ этомъ году въ № 9 „Морского Сборника" была напечатана его знаменитая статья: „Вопросы жизни", горькая для общественнаго сознанія, но либеральная по затронутымъ въ ней вопросамъ и побудившая и правительство и общество обратить особенное вниманіе на воспитательное дѣло...

Взгляды, высказанные въ этой статьѣ, понравились тогдашнему министру народнаго просвѣщенія А. С. Норову. По предложенію послѣдняго, Н. И., желавшій оставить службу въ медико-хирургической академіи по разстроенному здоровью, принялъ назначеніе на должность попечителя Одесскаго учебнаго округа, каковое и состоялось 3 сентября 1856 года. На этомъ посту въ Одессѣ Пироговъ оставался не долго. Однимъ изъ болѣе памятныхъ дѣлъ его въ названномъ округѣ былъ проектъ преобразованія Одесскаго лицея въ Новороссійскій университетъ, осуществившійся, впрочемъ, только впослѣдствіи—въ 1865 году, и организація литературныхъ бесѣдъ въ гимназіяхъ, главнѣйшею цѣлью каковыхъ бесѣдъ было пріученіе гимназистовъ старшихъ классовъ исподволь къ самостоятельному научному труду, безъ котораго, по мнѣнію Пирогова, ученіе въ университетѣ безплодно. 18 іюля 1858 года Н. И. былъ переведенъ на такую же должность въ Кіевскій учебный округъ, а 13 марта 1861 года онъ оставилъ службу по министерству народнаго просвѣщенія и поселился въ своемъ имѣніи Вишня, Подольской губерніи.

Въ 1862 году, по желанію министра народнаго просвѣщенія А. В. Головина, Пироговъ командированъ былъ за границу для руководства учеными занятіями молодыхъ людей, посланныхъ туда изъ русскихъ университетовъ для подготовленія къ занятію профессорскихъ каѳедръ. Изъ этой командировки Н. И. вернулся въ

Россію въ 1866 г. и время до 1870 г. провелъ опять въ своей деревнѣ. Во время франко-прусской войны 1870 г. и русско-турецкой 1877—1878 г., по приглашенію главнаго управленія Общества Краснаго Креста, онъ, помимо общихъ совѣтовъ по военно-санитарной части, посѣтилъ самые театры этихъ войнъ и здѣсь своими научно-практическими указаніями и непосредственною медицинскою помощью оказалъ страждущему человѣку неоцѣнимыя услуги. Таковы главнѣйшіе факты ученой и служебно-общественной дѣятельности Пирогова!

Въ періодъ этой полувѣковой многосторонней дѣятельности мы видимъ его, какъ ученаго, какъ профессора и клинициста-хирурга, какъ военно-полевого хирурга и администратора и, наконецъ, какъ педагога, занимавшаго высокій постъ попечителя двухъ учебныхъ округовъ и позднѣе руководившаго занятіями молодыхъ ученыхъ за границею. „Вездѣ и всегда, говоритъ одинъ изъ его біографовъ, онъ неизмѣнно проявлялъ любовь къ дѣлу и знаніе дѣла; въ каждое дѣло онъ влагалъ всю свою громадную энергію, всю свою великую душу. Неудивительно поэтому, что онъ всюду вносилъ что-либо новое, оригинальное и оставлялъ неизгладимый слѣдъ своей широкой дѣятельности. Это новое касалось не какихъ-либо мелочей, а захватывало самую существенную сторону дѣла, потому что Пироговъ вдумывался въ каждое явленіе, въ каждый фактъ, всесторонне обсуждалъ каждый вопросъ съ тонкимъ анализомъ ученаго, стараясь уяснить его въ полномъ объемѣ". Пироговъ „былъ анатомъ, хирургъ,—говоритъ другой его біографъ,—учился надъ трупами, но въ то же время онъ былъ идеалистъ и принималъ къ сердцу все человѣческое. Онъ постоянно расширялъ и углублялъ кругъ своего общаго образованія, задавалъ себѣ философскіе вопросы о жизни, анализировалъ дѣйствительную жизнь и убѣдился, что его стремленія не удовлетворяются этою жизнію, что ни къ одной толпѣ онъ пристать не можетъ. Его идеалъ создался на основахъ евангельскихъ, на любви къ ближнему, а идеалы толпы основаны на эгоизмѣ. И вотъ въ то время, какъ она видѣла его въ работѣ надъ трупами или за перевязкой раненаго и прославляла его за искусство въ своемъ дѣлѣ, въ немъ самомъ происходила внутренняя борьба, переработка, перевоспитаніе самого себя. Онъ дошелъ до сознанія, что не жить съ толпою одною жизнію и остаться твердымъ въ своихъ убѣжденіяхъ нельзя, не воспитавъ въ себѣ силы воли, характера, способности бороться во имя своего идеала. Онъ самъ признавался, какъ трудно совершался въ немъ этотъ душевный процессъ, когда уже половина жизни была пройдена. Этотъ усиленный трудъ надъ самимъ собою и объясняетъ намъ тотъ неожиданный переходъ, который Пироговъ сдѣлалъ отъ

поприща хирурга, уже успѣвшаго оказать большія услуги своему отечеству, къ поприщу педагога, когда послѣ несчастной войны зашевелились всѣ эти толпы, слывшія за русское общество, и когда почувствовалось появленіе новой эры русской жизни. Сильный умъ Пирогова сразу понялъ, что настала эпоха усиленной работы и вмѣстѣ съ тѣмъ борьбы, для которой каждому потребуется перевоспитать себя, но перевоспитаніе такъ трудно, что лучше начать съ воспитанія, чтобы потомъ не приходилось перевоспитываться. „Я испыталъ — говоритъ Пироговъ, — эту внутреннюю, роковую борьбу, къ которой мнѣ хочется приготовить, исподволь и заранѣе, нашихъ дѣтей; мнѣ дѣлается страшно за нихъ, когда я подумаю, что имъ предстоятъ тѣ же опасности и, не знаю, тотъ ли же успѣхъ“.

Этотъ-то страхъ за дѣтей и побудилъ Пирогова написать и затѣмъ напечатать вышеупомянутую знаменитую педагогическую статью „Вопросы жизни“, которую цензура пропустила только потому, что она напечатана была именно въ „Морскомъ Сборникѣ“ и съ разрѣшенія Великаго Князя Константина Николаевича. Въ ней авторъ, много поработавшій надъ собою и вздумавшій раскрыть свою душу, чтобы направить другихъ на лучшій путь къ обновленію жизни, высказалъ сжато, даже отрывочно, но смѣло, все, что онъ передумалъ и перечувствовалъ въ той обстановкѣ жизни, въ какой застала Россію несчастная для насъ Крымская война. Статья эта произвела необычайный эффектъ: она охватила какимъ-то лихорадочнымъ восторгомъ рѣшительно все русское общество. О ней шумно заговорили всюду: въ клубахъ, въ семьяхъ, въ высшемъ обществѣ и въ учебныхъ заведеніяхъ. Вопросъ о воспитаніи сдѣлался злобою дня: въ цѣлой Россіи началось необычайное педагогическое и вообще умственное движеніе послѣ долгаго періода сна и апатіи: возникло нѣсколько серьезныхъ педагогическихъ журналовъ, начали учреждаться разныя школы: воскресныя и иныя безплатныя школы, завелись педагогическія собранія, основался въ С.-Петербургѣ комитетъ грамотности; правительство обратило на школьную реформу серьезное и дѣятельное вниманіе.

Что же высказывалось въ этихъ „Вопросахъ жизни“ такого, что такъ расшевелило общество, заставивъ его безпристрастно оглянуться на себя самого?

„Общественный хирургъ“, по счастливому выраженію одного нашего педагога, нашелъ, что и теперь все осталось „яко же бо бысть во дни Ноевы“. Въ древности, по крайней мѣрѣ, люди были послѣдовательны и жили такъ, а не иначе, по извѣстнымъ убѣжденіямъ, которыя могли быть ложны, ошибочны, но все-таки это были

убѣжденія, основанныя на ученіяхъ различныхъ философскихъ школъ. Въ XIX-же вѣкѣ, вступивъ въ жизнь, задавшись „столбовыми вопросами“, мы оказались вполнѣ несостоятельными предъ ними, потому что мы не воспитаны. Правда, масса живетъ по инерціи, слѣдуя толчку, данному обществомъ въ направленіи, принятомъ обществомъ; но есть еще жизнь индивидуальная, жизнь „въ себѣ“, стоящая въ разладѣ съ направленіемъ общества. Такимъ образомъ фактически существуетъ два жизненныхъ пути: приспособляться къ обществу или бороться съ нимъ. Дилемма эта практически разрѣшается различно.

Дѣло въ томъ, что все общество, по убѣжденію Пирогова, представляетъ одну огромную инертную толпу и нѣсколько меньшихъ, придерживающихся самыхъ разнообразныхъ взглядовъ на жизнь. Такихъ взглядовъ авторъ насчитываетъ восемь.

Одни совѣтуютъ не думать много, потому что, думая много, можно потерять аппетитъ и сонъ. Взглядъ, какъ видите, простой и привлекательный. Болѣе высокій взглядъ—это совѣтъ много читать и учиться, вообще поумнѣть, а умъ уже подскажетъ, куда идти. Далѣе слѣдуетъ взглядъ религіозный или старообрядческій, по выраженію Пирогова, рекомендующій строгое соблюденіе постовъ и молитвы и чтеніе благочестивыхъ книгъ, не вникая въ ихъ смыслъ. По взгляду иныхъ людей-практиковъ можно жить и безъ убѣжденій, лишь бы имѣть полный карманъ. Такой же практическій умъ проглядываетъ и во взглядѣ, что слѣдуетъ уживаться съ людьми и соблюдать установленную внѣшнюю приличность, думать можно, что хочешь—Gedanken sind zollfrei (каждый воленъ думать, что хочетъ). Существуетъ и пессимистическій—печальный, по выраженію Пирогова, взглядъ, отрицающій смыслъ жизни—не зная, откуда взялся, человѣкъ умретъ, не зная, зачѣмъ жилъ Противоположный этому оптимистическій—веселый взглядъ совѣтуетъ пользоваться настоящимъ, не задумываясь надъ будущимъ. Къ числу практическихъ взглядовъ на жизнь относится также взглядъ „благоразумный“, рекомендующій выбрать себѣ наиболѣе выгодную и подходящую роль въ практической жизни, не задаваясь при этомъ никакими теоретическими стремленіями.

Къ тому или другому изъ этихъ взглядовъ, обыкновенно, и примыкаютъ вступающіе въ жизнь и на этомъ успокоиваются, утрачивая съ лѣтами „всякую наклонность перемѣнить или перевоспитать себя“. Но если бы такъ всегда и оканчивалось, то общество оставалось бы, какъ уже сказано, вѣчно раздѣленнымъ на одну огромную толпу и нѣсколько меньшихъ. Всѣ бы спокойно забыли то, чему учило воспитаніе: „воспитаніе сдѣлалось бы продажнымъ

билетомъ для входа въ театръ". Однако люди, родившіеся съ „притязаніями на умъ и чувство", не могутъ оставить „безъ сожалѣнія и ропота высокое и святое". Они слишкомъ совѣстливы, разборчивы въ путяхъ, и потому стремятся проложить новые пути. Многіе не выдерживаютъ этой внутренней борьбы. При всемъ этомъ и руководящіе обществомъ взгляды на жизнь, не отличаясь законностью, допускаютъ всевозможныя дальнѣйшія комбинаціи. Все это не служитъ, конечно, къ единенію общества, поселяя раздоръ между послѣдователями разныхъ взглядовъ, что опасно и въ политическомъ отношеніи. Изъ этого положенія можно выйти тремя путями: 1) Согласить воспитаніе съ торговымъ направленіемъ общества, 2) перемѣнить направленіе общества, 3) приготовить воспитаніемъ къ жизненной борьбѣ, къ этому неравному бою. Первому пути, какъ невѣрному, авторъ не сочувствуетъ. Второй составляетъ вопросъ будущаго. Остается третій путь, т. е. посредствомъ воспитанія приготовить насъ къ внутренней борьбѣ, вкоренить въ насъ высшія человѣческія убѣжденія или, иначе говоря, сдѣлать насъ людьми. Этотъ путь—одинъ дѣйствительный путь. Между тѣмъ, воспитаніе наше ведется односторонне: оно только дѣлаетъ насъ учеными, юристами, врачами, солдатами, но не людьми. И дѣйствуютъ люди, какъ попало, увлекаемые теченіемъ толпы то въ ту, то въ другую сторону, потому что не воспитанъ внутренній человѣкъ, не воспитаны въ немъ убѣжденія. „Главная святыня въ человѣкѣ—убѣжденія, говоритъ Пироговъ: только тотъ можетъ имѣть ихъ, кто пріученъ съ раннихъ лѣтъ проницательно смотрѣть въ себя, любить искренно правду, стоять за нее горою и быть непринужденно откровеннымъ, какъ съ наставниками, такъ и со сверстниками".

Протестуя противъ воспитанія нашихъ дѣтей въ раннемъ возрастѣ въ школахъ со спеціальнымъ характеромъ, Пироговъ спрашиваетъ: „отвѣчайте мнѣ, положа руку на сердце, можно ли надѣяться, чтобы юноша въ одинъ и тотъ же періодъ времени изготовлялся выступать на поприще, не самимъ имъ избранное, прельщался внѣшними и матеріальными выгодами этого, заранѣе для него опредѣленнаго, поприща и вмѣстѣ съ тѣмъ серьезно и ревностно приготовлялся къ внутренней борьбѣ съ самимъ собою и съ увлекательнымъ направленіемъ смѣны?.. Дайте выработаться и развиться внутреннему человѣку! Дайте ему время и средства подчинить себѣ наружнаго, и у васъ будутъ и негоціанты, и солдаты, и моряки, и юристы; а главное у васъ будутъ люди и граждане... Уже давно оставленъ варварскій обычай выдавать дочерей замужъ поневолѣ, а невольный и преждевременный бракъ сыновей

съ ихъ будущимъ поприщемъ допущенъ и привилегированъ... Вникните и разсудите, отцы и воспитатели!“—восклицаетъ Пироговъ, доказывая всю неразумность воспитанія, существовавшаго у насъ въ ту пору, когда ему приходилось жить и дѣйствовать. Онъ не хочетъ признать раціональнымъ существованіе раннихъ спеціальныхъ школъ для какихъ бы ни было потребностей страны. „Нѣтъ ни одной потребности—замѣчаетъ онъ—для какой бы то ни было страны, болѣе существенной и болѣе необходимой, какъ потребность въ истинныхъ людяхъ... Истинные спеціалисты никогда не нуждались такъ сильно въ предварительномъ общечеловѣческомъ образованіи, какъ именно въ нашъ вѣкъ. Односторонній спеціалистъ есть или грубый эмпирикъ, или уличный шарлатанъ“.

Послѣднія слова изъ устъ Пирогова, какъ одного изъ талантливѣйшихъ спеціалистовъ своего времени, весьма многозначительны! Но изъ этихъ словъ, однако, не слѣдуетъ выводить заключенія, что воспитательнымъ задачамъ общеобразовательной школы Пироговъ поставлялъ идеаломъ приготовленіе человѣка вообще, т. е. оторваннаго отъ почвы; нѣтъ, по его убѣжденію, задачею воспитанія должно быть подготовленіе изъ воспитанника *человѣка-гражданина*, слѣдовательно, связаннаго съ интересами своей страны, признающаго себя человѣкомъ общественнымъ, врагомъ всякой общественной неправды. А всѣ готовящіеся быть полезными гражданами,—настаиваетъ онъ,—должны сначала научиться быть людьми. „Всѣ мы, къ какой бы націи ни принадлежали, можемъ сдѣлаться чрезъ воспитаніе настоящими людьми, каждый различно, по врожденному типу и по національному идеалу человѣка, нисколько не переставая быть гражданиномъ своего отечества и еще рельефнѣе выражая, чрезъ воспитаніе, прекрасныя стороны своей національности [1]).

Итакъ воспитаніе должно сдѣлать насъ людьми. Въ этомъ состоитъ, по мнѣнію Н. И., его цѣль. Указывая на необходимость воспитанія *человѣка-гражданина*, Пироговъ первый у насъ такъ прямо и сочувственно заговорилъ въ той же статьѣ „Вопросы жизни“ о необходимости воспитать женщину, какъ радость человѣческой жизни, сопутницу и поддержку мужчины въ борьбѣ со зломъ, какъ равноправнаго члена общества, какъ жену и мать, гордящуюся своимъ высокимъ назначеніемъ, опредѣленнымъ ей самимъ Богомъ. По справедливому мнѣнію Н. И., только одна эмансипація, въ смыслѣ истиннаго, человѣческаго, одинаковаго съ мужчиной, образованія, выведетъ женщину изъ положенія жалкой куклы и рабы, и сдѣлаетъ изъ нея того зодчаго общества, которымъ она должна быть

---

[1]) Изъ рѣчи Н. И. на актѣ Ришельевскаго лицея 1 сентября 1857 г.

по праву. „Краеугольный камень,—пишетъ Пироговъ въ своей статьѣ,—кладется руками женщины. Христіанство открыло женщинѣ ея назначеніе. Оно поставило въ образецъ человѣчеству существо, только что отнятое отъ ея груди. Пусть мысль воспитать себя для этой цѣли, жить для неизбѣжной борьбы и жертвованій, проникнетъ все нравственное существованіе женщины; пусть вдохновеніе осѣнитъ ея волю—и она узнаетъ, гдѣ она должна искать своей эмансипаціи".

Таково, въ общемъ, главнѣйшее содержаніе безсмертной въ исторіи нашего просвѣщенія статьи Пирогова „Вопросы жизни", послужившей своевременно, такъ сказать, толчкомъ не только къ педагогическому, но и вообще къ умственному нашему пробужденію послѣ долгаго періода всеобщаго сна и апатіи.

Самъ сохранивъ до глубокой старости „высокое мудрое дѣтство души, т. е. дѣтскую искренность и цѣлостность души, Н. И. убѣжденно, и въ своихъ сочиненіяхъ, и на практикѣ, настаивалъ на признаніи той истины, что основою воспитанія должно быть воспитаніе искренности души въ воспитываемыхъ. Съ особенною глубиною мысли и образною яркостью эта основная истина воспитанія выражена имъ въ статьѣ „Быть и казаться [1]".

Весьма поучительны для нашего времени, когда перестраивается укладъ нашей общественной и государственной жизни, и нижеслѣдующіе взгляды Пирогова на подчиненныхъ ему, какъ попечителю учебнаго округа, лицъ, на измѣненіе уставовъ, курсовъ и программъ, на учащуюся молодежь, на значеніе въ школьномъ дѣлѣ гласности и общественнаго мнѣнія.

„Въ моихъ глазахъ попечитель есть не столько начальникъ, сколько миссіонеръ. Онъ долженъ не приказывать, а убѣждать. Иначе въ трудныхъ обстоятельствахъ, когда ему понадобится серьезный трудъ его подчиненныхъ, когда нужно будетъ сдѣлать воззваніе къ ихъ чувству долга и законности, къ благородству и достоинству человѣка, онъ не можетъ разсчитывать ни на себя, ни на другихъ... Слѣдуя моему взгляду, мнѣ нужно было дѣйствовать и на учащуюся молодежь, и на самихъ наставниковъ"...

„Ученіе и распространеніе научныхъ истинъ я считалъ за священнодѣйствіе и глубоко уважалъ истинныхъ наставниковъ. Но и въ слабыхъ я чтилъ человѣческое достоинство и личность. Въ молодыхъ людяхъ я любилъ и уважалъ молодость, потому что хорошо помнилъ свою. На этомъ уваженіи, которое я заявилъ открыто и

---

[1]) Эта статья перепечатана въ полномъ ея текстѣ въ нашей брошюрѣ: „Николай Ивановичъ Пироговъ. Великій цѣлитель тѣла и воспитатель души. Его жизнь, государственно-общественная дѣятельность и педагогическіе взгляды. Варшава 1907 г.".

гласно, основывалъ я и то взаимное нравственное довѣріе наставниковъ и учащихся, которымъ начиналъ уже пользоваться, но не для себя, а въ интересахъ университета и цѣлаго общества этого края. Я твердо зналъ, что необдуманные порывы молодости и поступки, противорѣчащіе законамъ нравственности, будутъ исчезать сами собою по мѣрѣ того, какъ возрастаетъ еще сильнѣе довѣріе, а съ нимъ вмѣстѣ и значеніе нравственной власти. Я зналъ, что гдѣ господствуетъ сила убѣжденія, тамъ исчезаетъ произволъ съ его волнующими слѣдствіями".

„Кто искренно желаетъ истиннаго прогресса, тотъ не долженъ много разсчитывать на дѣйствіе такихъ мѣръ, какъ перемѣна уставовъ, распредѣленій и проч., которые одни сами по себѣ хотя и быстро измѣняютъ, но только не сущность дѣла, а форму. Между тѣмъ, первое и главное условіе прогресса есть твердая вѣра въ *образовательную, творческую силу человѣческой личности.* Безъ нея всѣ хитросплетенные уставы—мертвая буква"...

„Я принадлежу къ тѣмъ счастливымъ людямъ, которые хорошо помнятъ свою молодость. Еще счастливѣе я тѣмъ, что она не прошла для меня понапрасну. Отъ этого я, старѣясь, не утратилъ способности понимать и чужую молодость, любить и, главное, уважать ее. Мы всѣ знаемъ, что нужно почитать стариковъ... *но не всѣ знаютъ, что молодость должно уважать.*

„Общество, отцы, сограждане имѣли полное право требовать отчета въ моихъ дѣйствіяхъ: хвалить и порицать"...

„Какъ можетъ быть критика, хотя бы и оффиціальная, безъ права оправданія; тогда это не критика, а приказаніе... Почему трудно разсуждать свободно тому, кто знаетъ, что надъ нимъ есть приговоръ суда? Безпристрастный судъ именно и того требуетъ, чтобы подсудимый говорилъ и разсуждалъ свободно. Долженъ же быть сдѣланъ окончательный приговоръ сужденіямъ для того, чтобы осуществить и возвести ихъ на степень общихъ мѣръ. Этотъ окончательный приговоръ, будетъ ли онъ сдѣланъ общественнымъ мнѣніемъ или высшею инстанціею, конечно, не препятствуетъ никому оставаться при своемъ убѣжденіи и даже защищать его гласно".

Обращаясь засимъ къ общей оцѣнкѣ педагогической дѣятельности Пирогова, мы видимъ, что какъ писатель, выяснивъ коренные недостатки нашего школьнаго воспитанія, онъ первый прямо и ясно высказался за настоятельную необходимость радикальнымъ образомъ измѣнить образованіе и воспитаніе мужчины и женщины, съ тѣмъ, чтобы въ основу воспитанія новаго поколѣнія были положены болѣе раціональные педагогическіе принципы, коими обезпечивалась бы и болѣе правильная подготовка его для будущей семейной и общественной жизни.

Разсматривая вопросы о воспитаніи, Пироговъ нашелъ, что наше общество не развилось на истинныхъ нравственныхъ началахъ, что въ дѣлѣ воспитанія оно ставитъ человѣка въ двухсмысленное положеніе; оно требуетъ отъ воспитателя борьбы со зломъ, а въ ней онъ остается одинокимъ. Наше общество готовило спеціалистовъ для извѣстной службы, забывая о высшихъ идеалахъ жизни; женщину же готовило для свѣтскаго круга и не давало ей ничего болѣе. Поэтому у насъ не воспитывались люди съ высокими идеалами, съ сильными характерами. „Сдѣлайте насъ людьми прежде всего,—говоритъ Пироговъ—и вотъ тогда мы исцѣлимся отъ общественныхъ недуговъ“. Для нравственнаго общественнаго подъема нужно школьнымъ общественнымъ воспитаніемъ создать *людей-гражданъ* своей родины, а они, въ свою очередь, создадутъ и гражданское общество, на смѣну разъѣдаемаго застарѣлыми болѣзнями свѣтскаго нашего общества. Силы этихъ новыхъ людей должны быть достаточно развиты для того, чтобы они въ состояніи были вынести борьбу за свои идеалы.—Н. И. безусловно отрицаетъ первенство жизни передъ школою и рабскую зависимость школы отъ жизни; напротивъ, по его убѣжденію, все будущее находится въ рукахъ школы, и ей принадлежитъ первенство въ слѣдующемъ: школа вò-время должна начать общее образованіе и тоже вò-время перейти къ образованію спеціальному. Она должна выбрать такіе способы ученія, которые направили бы образовательную силу каждой отрасли знанія на способность духа, служившую ей началомъ, не забывая, что и въ мірѣ идей есть тоже свой законъ тяготѣнія свѣдѣній къ свойствамъ духа. Въ рукахъ толковаго педагога и хорошаго человѣка и древніе и новые языки и всѣ предметы общечеловѣческаго образованія не останутся безъ пользы для развитія умственныхъ способностей. Главное же условіе педагогическаго воздѣйствія — твердая вѣра въ образовательную, творческую силу человѣческой личности. Безъ нея всѣ хитросплетенные уставы—мертвая буква.

Изъ школы мы должны выходить на жизненное поприще съ непоколебимымъ убѣжденіемъ, что мы на самомъ дѣлѣ должны быть, а не казаться только, хорошими людьми. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи школа и жизнь должны составлять одно неразрывное цѣлое.

Однимъ изъ раціональныхъ принциповъ воспитанія Н. И. справедливо считалъ нераздѣльность въ школѣ научнаго образованія отъ нравственнаго, настоятельно проповѣдывая о томъ, что обученіе на всѣхъ его ступеняхъ должно быть воспитывающимъ, т. е., что образованіе и наука должны служить источникомъ не только умственнаго, но и нравственнаго развитія подрастающихъ поколѣній. Далѣе, своими вышеупомянутыми статьями „Вопросы жизни“, „Быть и ка-

заться" и другими педагогическими статьями, Н. И. вызвалъ живой интересъ къ вопросамъ воспитанія и образованія какъ въ учебномъ мірѣ, такъ и въ обществѣ, ближайшимъ послѣдствіемъ чего, съ теченіемъ времени, было общее улучшеніе въ постановкѣ у насъ учебно-воспитательнаго дѣла.

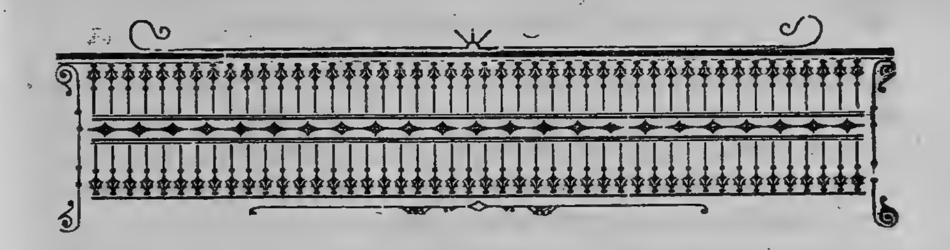
Какъ попечитель двухъ учебныхъ округовъ, несмотря на всю кратковременность своего управленія, Пироговъ, — какъ говоритъ одинъ изъ его біографовъ, — показалъ собственнымъ примѣромъ, какъ много добра можно сдѣлать на этомъ посту, даже среди самыхъ неблагопріятныхъ условій, которыя теперь значительно измѣнились къ лучшему, хотя бы въ смыслѣ большаго умственнаго уровня и педагогическаго персонала и самого общества. Онъ усилилъ и возвысилъ дѣятельность педагогическихъ совѣтовъ; печатаніемъ циркуляровъ и отчетовъ положилъ основаніе ихъ гласности, призвавъ къ тому же и другіе округа; энергически способствовалъ сознанію вреда розги, и въ какой-нибудь годъ вывелъ почти вовсе изъ округа ея употребленіе; развитіе большей гуманности и нравственнаго довѣрія въ обращеніи начальствующихъ и подчиненныхъ, по крайней мѣрѣ, въ педагогическомъ мірѣ, въ значительной степени,—также его дѣло; цѣлая масса самыхъ разнообразныхъ педагогическихъ вопросовъ, начиная отъ школы низшей до университета включительно, была поднята и пущена въ ходъ опять-таки имъ же. Можно сказать, оглядываясь назадъ, что почти вся наша педагогическая дѣятельность, во второй половинѣ минувшаго столѣтія, во всѣхъ лучшихъ ея сторонахъ, своимъ началомъ и направленіемъ обязана тому же Николаю Ивановичу Пирогову и К. Д. Ушинскому, имена которыхъ никогда не забудутся русскою педагогіею, какъ не забудетъ никогда имя перваго и медицина.

Въ заключеніе приведемъ слова, сказанныя одной газетой по поводу юбилея Пирогова въ 1881 году:

„Обществу, среди котораго такъ перепутались понятія о правдѣ, что ее приходится искать, полезно имѣть предъ собою живыя указанія и живыхъ поборниковъ правды. Это во многомъ облегчаетъ трудъ къ ея розысканію. Правда съ вѣками, и десятилѣтіями даже, мѣняетъ свой обликъ; но есть одна такая сфера, въ которой правда 1860 годовъ остается такою же и въ 1880-хъ: эта сфера — воспитаніе. Будемъ же стараться, по завѣту юбиляра, дѣлать изъ дѣтей нашихъ прежде всего людей, въ чаяніи, что, если они сдѣлаются хорошими людьми, людьми съ убѣжденіями, то все остальное приложится имъ".

С. Старосивильскій.

Исчезнувшія могилы русскихъ генераловъ въ Сіонскомъ соборѣ въ Тифлисѣ.

Великіе историческіе подвиги, совершаемые героями, остаются жить въ памяти народной по устнымъ разсказамъ современниковъ-очевидцевъ. Но проходятъ годы, историческіе факты и событія мало-по-малу какъ бы тускнѣютъ, теряются въ туманной дали временъ, а всеразрушающее время какъ бы довершая все это, стираетъ слѣды людей и ихъ дѣятельность.

Заговоривъ о всеразрушающемъ времени, я хочу сказать, что каждому сколько-нибудь интересующемуся исторіей Кавказа, хорошо извѣстно, сколько здѣсь забытыхъ, затерянныхъ великихъ могилъ, которыя необходимо возстановить, дабы сохранить народу его историческія преданія по памятникамъ старины.

Начнемъ хотя бы съ исчезнувшихъ могилъ трехъ русскихъ героевъ генераловъ: Лазарева, Симановича и Кутузова, которые вмѣстѣ со своими сподвижниками генералами: кн. Циціановымъ, бывшимъ главнокомандующимъ кавказскою арміей и Ахвердовымъ были погребены подъ сводами тысячелѣтняго Сіонскаго храма въ г. Тифлисѣ.

Исчезновеніе трехъ надгробныхъ памятниковъ людей, достойныхъ занимать лучшія страницы въ нашей исторіи, людей, явившихся первыми піонерами русскаго дѣла, создавшихъ славу кавказской арміи, является фактомъ непонятнымъ. Исчезни эти памятники гдѣ-нибудь въ поляхъ далекой Манчжуріи, или въ дикихъ ущельяхъ

Кавказскихъ горъ,—это было бы еще не такъ странно, но когда исчезаютъ дорогія надгробныя плиты, а съ ними и могилы, въ центрѣ Кавказа, подъ сводами Сіонской святыни,—это ужъ непростительное отношеніе къ памяти такихъ героевъ, какими являются генералы Лазаревъ, Симановичъ и Кутузовъ.

Имя генерала Ивана Петровича Лазарева, происходившаго изъ дворянъ Воронежской губерніи, тѣсно связано съ именемъ царицы Маріи, вдовствующей супруги грузинскаго царя Георгія XIII.

По вступленіи царя Георгія на грузинскій престолъ, ко всѣмъ тѣмъ неурядицамъ, которыя царили въ Грузіи, противъ него вела еще интриги и строила козни его мачеха-царица Дарія, съ цѣлью заставить Георгія отречься отъ престола, чтобы затѣмъ, захвативъ царствованіе съ сыновьями своими, искать покровительства въ Персіи.

Будучи поставленъ въ трудныя обстоятельства и желая разъ навсегда успокоить родину и установить въ ней порядокъ и спокойствіе, царь Георгій обратился къ Императору Павлу I и просилъ его принять Грузію въ вѣчное русское подданство и прислать войска для защиты ея отъ враговъ какъ внѣшнихъ, такъ и внутреннихъ. Императоръ Павелъ, внявъ просьбѣ Георгія, повелѣлъ командующему кавказской линіей отправить въ Тифлисъ 17-й егерскій, нынѣ 13-й лейбъ-гренадерскій Эриванскій полкъ, подъ командой генералъ-маіора Лазарева, который былъ, какъ его охарактеризовали современники, суровымъ воиномъ, высоко и честно державшимъ русское знамя въ чужой тогда землѣ и однимъ своимъ могущественнымъ видомъ внушавшимъ невольное уваженіе къ русскому имени.

Военная исторія говоритъ намъ, что имя генерала Лазарева, какъ героя, передавалось изъ устъ въ уста по всей Грузіи, а послѣ знаменитаго сраженія на р. Іорѣ въ 1800 году оно останется навсегда памятнымъ въ лѣтописяхъ кавказской войны, такъ какъ оно было послѣднимъ сраженіемъ, даннымъ въ защиту Тифлиса, когда генералъ Лазаревъ разбилъ полчища Омаръ-хана Аварскаго, вторгнувшагося въ Грузію. Послѣ этого сраженія ни лезгины, ни турки, ни персіяне уже не осмѣлились приблизиться къ городу.

Генералъ Лазаревъ умеръ 19-го апрѣля 1803 г., и палъ онъ не на бранномъ полѣ, а былъ измѣннически убитъ грузинскою царицей Маріей, которая со своими дѣтьми намѣревалась бѣжать въ Хевсурію.

Вновь назначенный тогда правитель Грузіи кн. Циціановъ, узнавъ о предполагаемомъ бѣгствѣ царицы Маріи, приказалъ Лаза-

реву оцѣпить домъ царицы и, если понадобится, арестовать ее и отправить въ Моздокъ.

Ген. Лазаревъ, въ роковой для него день, утромъ, сопровождаемый нѣсколькими офицерами своего полка и другими лицами, прибылъ во дворецъ, гдѣ царица приняла его; но едва Лазаревъ приблизился, чтобъ объявить ей приказъ кн. Циціанова, какъ въ рукахъ Маріи сверкнулъ кинжалъ, и Лазаревъ, пораженный въ бокъ, мертвый палъ на порогѣ комнаты. Присутствовавшіе офицеры бросились къ своему любимому начальнику, чтобъ оказать ему помощь, а полицеймейстеръ Сургуновъ бросился къ царицѣ Маріи съ цѣлью обезоружить ее, при чемъ, при отобраніи кинжала, онъ былъ раненъ царицею въ плечо. Царица Марія съ дѣтьми были арестованы и отправлены въ Воронежъ, въ Бѣлогородскій женскій монастырь.

Рана оказалась смертельной. Лазаревъ умеръ, и погребеніе его послѣдовало 22-го апрѣля 1803 г. въ Сіонскомъ соборѣ.

„Самый церемоніалъ,—пишетъ Циціановъ,—учрежденъ былъ съ должною почестью и съ возможнымъ великолѣпіемъ, дабы доказать въ сей новой для нашихъ обычаевъ землѣ, сколь уважаются въ Россіи геройскія жертвы долга, чести и усердія“.

Къ великому сожалѣнію, теперь только немногимъ извѣстно, что Лазаревъ погребенъ въ Тифлисѣ въ Сіонскомъ соборѣ. Объ этомъ нѣтъ никакихъ внѣшнихъ знаковъ: камня, съ надписью, лежавшаго когда-то на его могилѣ, болѣе не существуетъ, и нынѣ посѣтитель этой древней святыни не найдетъ мѣста вѣчнаго успокоенія того, кто въ первые смутные годы вынесъ на своихъ плечахъ всю тяжесть, всѣ невзгоды тогдашнихъ событій въ Грузіи, кто заложилъ, какъ повѣствуетъ о томъ исторія, первый камень въ фундаментѣ русской славы своею побѣдою на Іорѣ, и чье имя говоритъ сердцу русскаго солдата о стародавнихъ временахъ, когда каждая пядь земли въ Грузіи обагрялась кровью русскаго воина.

Ужъ если въ небольшомъ селеніи Какабети, въ память столѣтія пораженія полчищъ Омаръ-хана Аварскаго, дотолѣ не знавшаго пораженія, воздвигнутъ памятникъ, который является хотя и нѣмымъ, но краснорѣчивымъ свидѣтелемъ геройскаго подвига генерала Лазарева, то казалось бы, то мѣсто, гдѣ покоится прахъ этого героя, должно быть священно.

Въ ряду свѣтлыхъ именъ, оставленныхъ намъ блестящей циціановской эпохой, одно изъ видныхъ мѣстъ принадлежитъ также имени генерала Ѳедора Филипповича Симановича, происходившаго родомъ изъ южныхъ славянъ и посвятившаго Кавказу 15 лѣтъ своей

трудовой и талантливой службы. Имя этого генерала тѣсно связано съ цѣлымъ рядомъ побѣдъ, одержанныхъ русскими на Кавказѣ.

Боевая его слава началась въ 1802 году, когда Кавказскій гренадерскій полкъ, гдѣ онъ служилъ подполковникомъ, прибылъ въ Грузію, и Симановичъ со своимъ баталіономъ занялъ пограничныя крѣпости Сурамъ и Гори. Послѣ этого онъ привелъ въ покорность Осетію, участвовалъ въ штурмѣ Ганжи, за что удостоенъ былъ Георгіевскаго креста и званія шефа Кавказскаго гренадерскаго полка, затѣмъ разбилъ полчища бѣглаго царевича Александра, мечтавшаго въ Алавердскомъ монастырѣ возложить на себя корону грузинскихъ царей.

Послѣднимъ же боевымъ и побѣдоноснымъ походомъ генерала Симановича былъ хевсурскій походъ, который, по словамъ современниковъ, далеко превышалъ по трудностямъ своимъ швейцарскій походъ съ Суворовымъ на Альпы. За этотъ походъ Симановичъ былъ награжденъ рѣдкимъ орденомъ св. Георгія 3-й степени и чиномъ генералъ-лейтенанта.

Послѣ совершенія этого похода онъ, возвратившись въ Тифлисъ, энергично принялся за устройство внутреннихъ дѣлъ въ Грузіи.

Управленіе дѣлами Грузіи требовало большихъ затратъ силъ, а тутъ генералу Симановичу не давала покоя рана въ голову, полученная имъ подъ Эриванью. Не взирая на это, онъ все же прилагалъ неимовѣрные труды и усилія, дабы скорѣе привести въ надлежащій видъ то хаотическое состояніе, которое тогда, по случаю смутъ, царило въ Грузіи. Однако, этому герою Кавказа не суждено было осуществить всѣхъ своихъ предположеній: 2-го ноября 1815 г. онъ скоропостижно скончался отъ удара за грудами бумагъ.

Генералъ Симановичъ также погребенъ въ Сіонскомъ соборѣ, и надгробная плита со скромною надписью также исчезла на его могилѣ, какъ исчезла она у генерала Лазарева.

Третья исчезнувшая могила въ Сіонскомъ соборѣ принадлежитъ имени генерала Александра Петровича Кутузова, котораго Ермоловъ, зная его отличныя способности по наполеоновской войнѣ, вызвалъ на службу на Кавказъ и назначилъ его военнымъ губернаторомъ Грузіи, объединивъ въ его рукахъ и военную, и гражданскую власть.

На-ряду съ другими дѣлами генералъ Кутузовъ первый положилъ начало перестройкѣ Тифлиса на европейскій ладъ, и ему принадлежитъ идея и планъ постройки дворца, занимаемаго нынѣ намѣстникомъ кавказскимъ. Умеръ генералъ Кутузовъ въ Тифлисѣ отъ старыхъ ранъ наполеоновскихъ войнъ; умеръ онъ внезапно, въ

то время, когда Ермоловъ находился на пути своего возвращенія изъ посольства въ Персію.

Въ смерти генерала Кутузова небезынтересно отмѣтить одну особенность, а именно: сердце его было вынуто и похоронено отдѣльно отъ тѣла въ монастырѣ св. Давида.

Интересно знать, сохранился ли въ монастырѣ какой-нибудь слѣдъ о похороненномъ тамъ сердцѣ Кутузова, или же и его постигла та же участь, какая постигла могилу его.

Тѣло Кутузова первоначально сохранялось во Мцхетѣ, но когда вѣсть о смерти его дошла до Ермолова, онъ приказалъ вернуть тѣло покойнаго въ Тифлисъ и похоронить въ Сіонскомъ соборѣ.

23-го ноября 1817 г. съ большою торжественностью состоялось погребеніе Кутузова въ Сіонскомъ соборѣ.

На мѣстѣ погребенія была также надгробная плита, но и она исчезла, какъ двѣ предыдущія надгробныя плиты, Лазарева и Симановича.

Когда и какимъ образомъ исчезли надгробныя плиты трехъ русскихъ генераловъ, героевъ Кавказа, до настоящаго времени осталось въ точности невыясненнымъ. Съ исчезновеніемъ плитъ потерянъ и слѣдъ, въ какомъ именно мѣстѣ Сіонскаго собора находятся славныя могилы героевъ.

Охраненіе могилъ и памятниковъ есть не только нравственная, но и священная обязанность, а потому, если сейчасъ нельзя съ точностью установить могилы трехъ погребенныхъ въ Сіонскомъ храмѣ русскихъ генераловъ, которые своими геройскими подвигами прославили кавказскую боевую армію и которые, далеко отъ родины, нашли послѣднее земное мѣсто успокоенія подъ сводами храма, то необходимо поставить въ соборѣ хотя бы мраморную доску съ надписью, которая свидѣтельствовала бы о томъ, что въ этой древней святынѣ покоятся истые сыны отечества, положившіе жизнь свою въ защиту своихъ братьевъ-единовѣрцевъ.

Пусть хотя этимъ будетъ воздана дань уваженія, дань почести, далекому героическому прошлому въ Грузіи, съ которымъ тѣсно связаны имена русскихъ генераловъ—Лазарева, Симановича и Кутузова.

Пусть эта мраморная доска съ вызолоченными буквами напомнитъ каждому посѣтителю храма Господня о величіи и заслугахъ тѣхъ бойцовъ, давно уже сошедшихъ въ могилу, честно исполнившихъ долгъ свой предъ отчизной, имена которыхъ разносятся въ былинахъ, разсказахъ и пѣсняхъ боевой кавказской арміи.

Попутно съ исчезновеніемъ въ Сіонскомъ соборѣ трехъ дорогихъ могилъ русскихъ воиновъ, можно сказать, что та же участь ждетъ и могилу погребеннаго въ этомъ же храмѣ въ 1905 г. одного дѣятельнаго и высокаго представителя церкви, преосвященнаго Веніамина, епископа горійскаго. Почившій іерархъ, въ мірѣ Владиміръ Боркуновъ, уроженецъ Нижегородской губерніи, получилъ высшее богословское образованіе въ С.-Петербургской духовной академіи и здѣсь же по просьбѣ своей былъ постриженъ въ монашество. Отличаясь рѣдкими способностями, о. Веніаминъ обратилъ на себя вниманіе высшей духовной власти, и въ 1896 г. судьба закинула его, полнаго силъ и здоровья, на Кавказъ, въ Кутаисъ съ назначеніемъ его сначала инспекторомъ, а потомъ, съ возведеніемъ въ санъ архимандрита, ректоромъ Кутаисской духовной семинаріи. Въ 1902 г. архимандритъ Веніаминъ, какъ хорошій администраторъ, быстро изучившій всѣ условія мѣстной жизни, былъ назначенъ епископомъ горійскимъ, первымъ викаріемъ грузинской епархіи, членомъ грузино-имеретинской конторы и предсѣдателемъ окружнаго училищнаго совѣта грузинскаго экзархата. Почившій, русскій служитель церкви при всѣхъ своихъ многочисленныхъ и сложныхъ обязанностяхъ всегда проявлялъ трезвый умъ, чуткую наблюдательность, правдивость слова, правоту въ дѣйствіяхъ и глубокую освѣмленность въ каждомъ вопросѣ и горячую преданность долгу и интересамъ службы.

Отдавшись всецѣло служенію церкви на далекой окраинѣ, архим. Веніаминъ совершенно не обращалъ на себя вниманіе, а между тѣмъ злой недугъ вселился въ его организмъ и подточилъ его въ то время, когда онъ по лѣтамъ своимъ могъ еще трудиться и работать.

Останки покойнаго Веніамина погребены въ томъ же Сіонскомъ соборѣ, и надъ его скромной могилой нѣтъ до настоящаго времени надгробной плиты съ надписью, почему и теперь уже, несмотря на то, что со времени смерти русскаго іерарха прошло всего шесть лѣтъ, не каждый даже служащій въ этой древней святынѣ можетъ указать мѣсто послѣдняго земного успокоенія преосвященнаго Веніамина.

Но что же ожидать дальше?

Пройдутъ года, пройдутъ десятки лѣтъ, и о могилѣ преосвященнаго Веніамина также не останется слѣда и также исчезнетъ она, какъ исчезли славныя могилы трехъ русскихъ генераловъ подъ сводами православнаго храма.

А вѣдь всѣ эти люди отдали не только многое въ жизни, но и самую жизнь на служеніе окраинѣ и, казалось бы, на насъ лежитъ теперь

долгъ и священная обязанность, чтобы память о ихъ добрыхъ и доблестныхъ дѣлахъ сохранить навсегда въ народѣ. Для этого не потребуется даже и большихъ затратъ, надгробная плита съ высѣченной на ней надписью обойдется 80—100 руб., какая сумма всегда найдется, а потому терять время и еще откладывать съ постановкою въ Сіонскомъ соборѣ мраморной доски русскимъ героямъ и надгробной плиты преосвященному Веніамину не слѣдуетъ.

На-ряду съ грустнымъ фактомъ исчезновенія трехъ могилъ русскихъ генераловъ, считаю небезынтереснымъ подѣлиться съ читателями о найденной мною въ м. Б. Караклисѣ, Эриванской губерніи, куда я былъ командированъ въ маѣ мѣсяцѣ 1910 г. по распоряженію намѣстника Его Императорскаго Величества на Кавказѣ, могилѣ генерала Несвѣтаева, которая считалась до настоящаго времени затерянной.

Имя генерала Петра Даниловича Несвѣтаева принадлежитъ къ популярнѣйшимъ именамъ на Кавказѣ. Онъ одинъ изъ тѣхъ, на которыхъ покоятся славныя традиціи кавказскихъ войскъ. Генералъ Несвѣтаевъ былъ командиромъ Саратовскаго пѣхотнаго полка, который въ 1804 г. былъ передвинутъ въ Грузію и прибылъ въ Тифлисъ безъ своего командира, такъ какъ Несвѣтаевъ былъ задержанъ по службѣ на линіи. Въ это время среди горцевъ поднялся всеобщій мятежъ, всѣ сообщенія съ Грузіей были прерваны, и русскія войска, незнакомыя съ природными условіями Кавказа, терпѣли одну за другой неудачи. Началось со взятія мятежниками укрѣпленія Ларса, паденіе котораго передало въ ихъ руки важное Дарьяльское ущеліе, а затѣмъ они овладѣли деревней Степанъ-Цминда, лежащей у подножья величественнаго Казбека, и взяли въ плѣнъ русскую команду вмѣстѣ съ ген. Дренякинымъ. Почти одновременно съ этимъ былъ вырѣзанъ ими Кайшаурскій постъ, и истребленъ почти весь донской казачій полкъ Рышкова. Эти успѣхи до того подняли духъ мятежниковъ, что они спустились въ самую Грузію и обложили Анануръ.

Прибывъ во Владикавказъ и узнавъ о всѣхъ этихъ неудачахъ, ген. Несвѣтаевъ тотчасъ же по своему личному почину взялъ на себя всю отвѣтственность и наскоро собралъ всего шесть ротъ Казанскаго полка и прежде чѣмъ непріятель успѣлъ опомниться, овладѣлъ уже Балтой, Ларсомъ, Дарьяльскимъ ущельемъ и захватилъ въ свои руки Гударскій перевалъ. Отсюда онъ двинулся къ Анануру, гоня передъ собою толпы обезумѣвшихъ отъ страха мятежниковъ. Около Ананура его встрѣтили главныя силы непріятеля,

предводимыя бѣглымъ грузинскимъ царевичемъ Парнаозомъ, но были разбиты на голову, и самъ Парнаозъ захваченъ въ плѣнъ. Мятежъ, державшійся цѣлые мѣсяцы, былъ усмиренъ въ теченіе нѣсколькихъ дней.

Страхъ и ужасъ, при одномъ имени Несвѣтаева,—писалъ Государю кн. Циціановъ,—до того поселились въ обывателяхъ горъ, что мятежъ погасъ, мосты повсюду построены, дороги исправлены, сообщеніе возстановлено. Закончилъ свое донесеніе Государю кн. Циціановъ о Несвѣтаевѣ слѣдующими словами: „Теперь всѣ кавказскія племена называютъ его не иначе, какъ „горскій генералъ“.

Прибывъ въ Тифлисъ, онъ тотчасъ же отправился къ своему Саратовскому полку, который расположенъ былъ въ м. Караклисѣ, гдѣ въ это время русскія войска сражались съ персами. Первою его мыслью было немедленно отторгнуть бамбакскую и шурагельскую области отъ эриванскаго ханства, что ему вполнѣ и удалось. Въ этомъ дѣлѣ генералъ Несвѣтаевъ дѣйствительно проявилъ большое геройство и со своимъ маленькимъ отрядомъ, разбивъ многочисленный отрядъ персидскихъ войскъ, дѣлалъ чудеса. Съ этого момента имя Несвѣтаева стало извѣстно среди кавказской арміи.

Одерживая одну побѣду за другой, какъ надъ персидскими, а затѣмъ и надъ турецкими войсками, генералъ Несвѣтаевъ въ 1808 г. заболѣлъ желтой лихорадкой и 17 іюня умеръ въ Караклисѣ, гдѣ и похороненъ на армянскомъ кладбищѣ.

Прошло сто три года со времени смерти генерала Несвѣтаева, и тутъ то же всесокрушающее время затерло слѣды могилы „горскаго генерала“, этого героя кавказскихъ войнъ, и славная могила бойца исчезла.

Въ м. Караклисѣ и сейчасъ существуетъ старое армянское кладбище, обнесенное небольшою каменною стѣною, мѣстами уже обвалившеюся. По срединѣ его стоитъ также старая церковь, а на особомъ участкѣ, отведенномъ для погребенія православныхъ, имѣется могильный памятникъ, состоящій изъ двухъ обтесанныхъ плитъ изъ чернаго камня, положенныхъ одна на другую, вышиною до полутора аршинъ, при чемъ на верхней плитѣ высѣчена русская надпись, къ сожалѣнію, сильно вывѣтрившаяся, такъ что разобрать ее очень трудно.

Съ одной стороны выдѣляющійся на православномъ участкѣ кладбища указанный памятникъ, къ которому и понынѣ, каждый разъ при посѣщеніи кладбища, подходитъ проживающій въ Караклисѣ старецъ 110 лѣтъ Габріель Ованесовъ, благоговѣйно преклоняетъ колѣна и цѣлуетъ холодную плиту въ знакъ благодарности

русскому воину, избавившему армянскій народъ отъ ига персидскаго и турецкаго, а съ другой,—что, по словамъ того же старца и другихъ стариковъ, на старомъ армянскомъ кладбищѣ дѣйствительно похороненъ очень давно русскій генералъ, но въ какомъ году и какъ фамилія этого генерала,—никто не помнитъ, заставили одного изъ ревнителей старой кавказской славы придти къ заключенію, что могила, надъ которою лежатъ двѣ каменныя плиты, и есть могила генерала Несвѣтаева.

Предположеніе это, однако, не подтвердилось, т. к. по ближайшемъ изслѣдованіи мною надписи на каменной плитѣ и возстановленіи ея, что лишь съ трудомъ удалось, оказалось, что принимаемая за могилу Несвѣтаева оказалась могилой артиллеріи подполковника Дмитрія Александрова, сына Перятова, скончавшагося въ 1808 г. октября 15 дня на 49 году отъ рожденія, произведенная же мною раскопка этой могилы только подтвердила это, по сохранившимся штабъ-офицерскимъ эполетамъ.

Несмотря на то, что со времени погребенія Перятова прошло 103 года, въ могилѣ, имѣющей песчаный грунтъ, хорошо сохранились: кости покойнаго, при чемъ кости черепа раздѣлились по швамъ; кисти отъ эполетъ, части которыхъ, имѣвшія соприкосновеніе съ землею, имѣли грязновато-тусклый видъ, а внутреннія части сохранили свой золотой блескъ, что заставляетъ предположить, что покойный былъ похороненъ въ новыхъ эполетахъ. Сохранились также желтаго цвѣта гладкія пуговицы отъ однобортнаго мундира, а подъ пуговицами сохранились кусочки мундира коричневаго цвѣта. Крестъ изъ галуна на крышкѣ гроба, выкрашенныя въ масляную краску ножки гроба и металлическія ручки также же сохранились, гробъ же совершенно истлѣлъ. Но лучше всего сохранились сапоги, у которыхъ отстали только подметки, вслѣдствіе того, что дратва сгнила, деревянныя шпильки въ каблукахъ сохранили свой бѣлый цвѣтъ и крѣпость, и еще очень хорошо сохранилась шелковая матерія, которою былъ обитъ гробъ.

Убѣдившись, что найденная могила не есть могила генерала Несвѣтаева, а между тѣмъ по историческимъ документамъ установлено, что Несвѣтаевъ умеръ именно въ Караклисѣ, гдѣ и погребенъ, мнѣ оставалось во что бы то ни стало розыскать могилу русскаго героя, что мнѣ и удалось.

Недалеко отъ разрытой могилы Перятова всего шагахъ въ десяти, на небольшомъ холмикѣ, лежитъ каменная плита изъ простого сѣраго камня. Надпись на плитѣ отъ времени вся поросла мхомъ, который какъ бы сгладилъ все, что было высѣчено на камнѣ.

Послѣ довольно усиленнаго труда надпись на памятникѣ сейчасъ мною возстановлена, и вмѣстѣ съ этимъ установлена и настоящая могила кавказскаго героя ген. Несвѣтаева, которая до настоящаго времени считалась затерянной. Короткая надпись на каменной плитѣ хорошо характеризуетъ того, кто лежитъ подъ ней. Возстановленная надпись гласитъ слѣдующее:

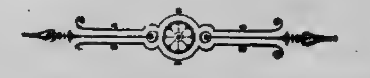
„Эпиграфія. Покоится здѣсь воинъ россійскій, достойно храбрый генералъ, котораго народъ горскій и турокъ съ персами дрожалъ. Вступилъ въ службу 1773 года, марта 6 дня, жилъ на свѣтѣ 52 года, умеръ 1808 г. іюня 17 дня. Несвѣтаевъ".

Такимъ образомъ, считавшаяся до сихъ поръ затерянной могила Несвѣтаева найдена, и прахъ его по распоряженію намѣстника Его Императорскаго Величества на Кавказѣ граф. Воронцова-Дашкова, какъ объ этомъ гласитъ резолюція, положенная его сіятельствомъ на моемъ сообщеніи о найденной могилѣ Несвѣтаева, будетъ перевезенъ въ Тифлисъ и похороненъ въ Сіонскомъ соборѣ подъ сводами котораго покоятся уже его боевые соратники: князь Циціановъ, Лазаревъ, убитый грузинской царицей Маріей, Ахвердовъ и Симановичъ. Съ перенесеніемъ праха генерала Несвѣтаева въ Тифлисъ старые боевые соратники вновь встрѣтятся, но встрѣтятся уже не на ратномъ полѣ, а подъ сѣнью храма, гдѣ вмѣсто звуковъ меча и булата слышится молитва.

Имя подполковника Перятова, хотя и не фигурируетъ въ исторіи кавказскихъ войнъ, легендарно среди армянскаго населенія бывшихъ шурагельской и бамбакской областей, которое, приходя на кладбище поклониться праху его, вспоминаетъ о немъ, какъ о своемъ избавителѣ.

Было бы очень желательно сохранить память объ этой могилѣ и на будущее время, а поэтому необходимо обнести ее сейчасъ же оградою, а возстановленную надпись перенести на мраморную доску, которую вставить на верхнюю плиту надгробнаго памятника.

М. Бѣлозерскій.

Гусь свиньѣ не товарищъ.

Въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія славился своимъ богатствомъ и самодурствомъ графъ N. Имѣнье его въ N-ской губерніи напоминало средневѣковый замокъ. Громадный домъ, или вѣрнѣе, дворецъ выстроенъ былъ по плану знаменитаго архитектора Растрелли. Дивныя арки, мраморныя колонны, художественныя капители и великолѣпныя статуи возбуждали зависть всѣхъ сосѣдей. Фруктовый садъ и сосновый паркъ разбиты были въ англійскомъ стилѣ, вокругъ дворца и парка высилась массивная каменная стѣна съ башнями и бойницами...

Теперь все это лежитъ въ развалинахъ. Мѣстные хулиганы разворовали всю мебель въ стилѣ Людовика XV, выломали печные приборы, дверныя ручки и даже выставили рамы. Повсюду мерзость запустѣнія, по дворцовымъ заламъ и ходить опасно: хозяйственные мужички выломали полы и тихими стопами перетащили ихъ въ свои избы, на ихъ счастье въ запущенномъ дворцѣ нѣтъ никакого сторожа, а наслѣдники покойнаго графа живутъ за границей и лѣтъ 20 не заглядывали въ заброшенное имѣнье... Не то было 70 лѣтъ назадъ: графъ въ своемъ дворцѣ разыгрывалъ роль самодержавнаго монарха и не терпѣлъ никакихъ возраженій со стороны своихъ подданныхъ. У него въ имѣньи попомъ служилъ отецъ Семенъ, изъ крѣпостныхъ грамотеевъ. Однажды на Рождествѣ онъ пришелъ къ графу прославить Христа. Важный дворецкій торжественно провелъ оробѣвшаго священника въ парадную залу, тамъ отецъ Семенъ дрожащимъ голосомъ пропѣлъ „Христосъ рождается“. Хозяинъ по случаю праздника былъ въ самомъ веселомъ расположеніи духа, поэтому онъ радушно сказалъ священнику: „Садись, батя, къ столу, да разговѣйся, кстати и я выпью съ тобой рюмочку“. Отъ такого милостиваго пріема отецъ Семенъ оконча-

тельно растерялся и, низко кланяясь графу, въ смущеніи пролепеталъ: „Покорнѣйше благодарю, ваше сіятельство, за вашу ласку, да только не пристало мнѣ попу, вахлаку, сидѣть ровней за однимъ столомъ со своимъ господиномъ: гусь свиньѣ не товарищъ“.

— „Ахъ ты, кутья прокислая, какъ ты осмѣлился обозвать меня, россійскаго графа, свиньей“!

— „Помилуйте, ваше сіятельство, я спроста сказалъ пословицу и себя самого примѣнилъ къ свиньѣ“.

— „Нѣтъ, пословица не мимо молвится: ежели ты свинья, то я, потвоему, выхожу опять же не графъ, а гусь лапчатый, одно другого стоитъ. Я не спущу такого оскорбленія, хоть ты и попъ, а не зазнавайся надъ россійскимъ графомъ“...

— „Смѣните гнѣвъ на милость, ваше сіятельство, языкъ мой врагъ мой... Самъ вижу: проштрафился, да что подѣлаешь, конь о четырехъ ногахъ, да и то спотыкается“...

— „Ну, нѣтъ, жеребецъ долгогривый, ты отъ меня не отлягаешься, и на тебя узда найдется... Эй, Ванька, Васька, всыпьте попу сотню розогъ, чтобъ помнилъ субординацію“...

Напрасно отецъ Семенъ умолялъ о пощадѣ. Графскіе лакеи разложили несчастнаго іерея въ передней и отпустили сотню горячихъ. Послѣ экзекуціи графъ пожаловалъ своему духовному отцу золотой имперіалъ и милостиво пошутилъ: „Ты, батька, слишкомъ рѣчистъ, но... на свою бѣду ты позабылъ старинное присловье: ѣшь пирогъ съ грибами, а держи языкъ за зубами“...

А—въ.

Записки графа Ланжерона.

Война съ Турціей (1806—1812) [1]).

Переводъ съ французской рукописи, подъ редакціей Е. Каменскаго.

Кампанія 1812-го года.

(1-я часть) [2]).

(Окончаніе).

урки заразили чумой тѣ деревни, въ которыхъ они были расположены, и вскорѣ эта болѣзнь распространилась между жителями, въ видѣ эпидемической лихорадки, жертвой которой умерло много народа. Мы считали себя очень счастливыми (какъ я уже замѣтилъ), что сами избѣжали чумы.

Въ Петербургѣ были очень недовольны, и совершенно резонно, узнавъ о непонятномъ перемиріи, сдѣланномъ Кутузовымъ. Всѣ хотѣли, чтобы онъ заставилъ турокъ сдаться военно-плѣнными. И дѣйствительно, они должны были сдѣлаться ими. Не утвердили также названіе Мусафиръ, данное бѣглымъ изъ Слободзеи. Кутузову приказали отправить ихъ въ Молдавію, онъ нарушилъ свое обѣщаніе, продержавъ этихъ несчастныхъ цѣлый мѣсяцъ въ Руссоде-Веге. Плѣнниковъ этихъ отправили къ Васслони, гдѣ они въ продолженіе 6-ти мѣсяцевъ были изнуряемы страшной работой

---

1) См. „Русскую Старину“ іюль 1911г.

2) 2-я часть описанія войны 1812 г. подъ заголовкомъ „Березина“ напечатана въ изборникѣ „Развѣдчикъ“, 1899 г., кн. XII. *Редакц. перевод.*

и лишеніями, при дурной погодѣ и сильныхъ холодахъ, которыхъ турки не могли переносить.

Ко всѣмъ этимъ ихъ несчастіямъ надо прибавить еще, что никто не заботился ни объ ихъ одеждѣ, ни объ ихъ пищѣ. Имъ давали порціи русскаго солдата, т. е. три фунта ржаного хлѣба и ни кусочка мяса. Въ Руссо-де-Веге изъ нихъ умерло 1.500 человѣкъ, столько же погибло въ дорогѣ.

Хотя поведеніе Кутузова и было достойно порицанія, такъ какъ онъ совершенно не воспользовался небывалыми успѣхами, которыми онъ обязанъ своему счастью, но мы, свидѣтели происходившаго, не строго осуждали его, такъ какъ слава новаго блестящаго успѣха могла покрыть его ошибки.

Въ сущности, его офицеры и его армія спасли обѣ Валахіи и плѣнили непріятельскую армію съ 70 пушками. Слава эта относится и къ шефу и, издалека, можно было бы воздать ему честь, но вскорѣ мы увидѣли, что Кутузовъ былъ осужденъ дворомъ такъ же, какъ и тѣми изъ его арміи, которые не были его креатурами. Ему не дали ни чина фельдмаршала, ни ленты Св. Георгія 1-ой степени, которую онъ могъ просить по Статуту. Никто никогда не зналъ содержанія секретныхъ приказаній, которыя онъ получалъ; если они были непріятныя, онъ ихъ пряталъ такъ, что никто не могъ ихъ видѣть, но безъ сомнѣнія они были очень суровы, такъ какъ Императоръ никогда не выносилъ его.

Съ тѣхъ поръ, какъ Кутузовъ, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, не подписалъ мира на полѣ сраженія, къ сожалѣнію, стало сомнительнымъ, что мы можемъ добиться его тогда, когда мы захотимъ и достаточно выгоднымъ для насъ. Я его предупреждалъ, но онъ мнѣ отвѣтилъ, что я увижу противное; конечно онъ ошибся, и вскорѣ принужденъ былъ обратиться ко мнѣ, чтобы ускорить этотъ миръ, столь желанный нами.

Кутузовъ, по традиціи и по собственному опыту, долженъ былъ знать, что рѣдко отъ турокъ можно было добиться быстрыхъ и выгодныхъ результатовъ. Я уже сказалъ и повторяю еще разъ, что только рѣшительными мѣрами и страхомъ, можно было заставить турокъ быстро окончить войну.

Послѣ того, какъ Кутузовъ далъ имъ время опомниться и далъ возможность французамъ волновать ихъ въ Константинополѣ, онъ долженъ былъ ожидать, что переговоры не такъ скоро кончатся, что между тѣмъ было необходимо для Россіи.

Кутузовъ сдѣлалъ другую ошибку, перенеся конгрессъ въ Бухарестъ, гдѣ онъ долженъ былъ предвидѣть интриги бояръ, а также и г. Ду, который дѣйствительно имѣлъ нѣсколько бесѣдъ съ турецкими уполномоченными и, несмотря на то, что Галибъ-Ефенди не выносилъ французовъ и не довѣрялъ ихъ политикѣ, она могла имѣть на него вліяніе при тѣхъ обстоятельствахъ, въ какихъ они тогда находились.

Кутузовъ сдѣлалъ бы лучше, если бы оставилъ конгрессъ въ Журжевѣ, но онъ соскучился бы тамъ, такъ какъ находился бы вдали отъ удовольствій, которыя его ожидали въ Бухарестѣ, (мы увидимъ позднѣе, что это были за удовольствія). Таковъ есть и былъ всегда этотъ человѣкъ, котораго природа одарила такимъ умомъ и такою безхарактерностью, и все, чего можно было ожидать, благодаря его качествамъ, было парализовано его недостатками.

Эгоизмъ его былъ возмутителенъ, онъ всѣхъ подчинялъ своимъ удобствамъ и грязнымъ, низкимъ наслажденіямъ. Возвратясь въ Бухарестъ, онъ вскорѣ увидѣлъ, что мирные переговоры не могли быть такъ легко окончены, такъ какъ турецкіе министры перемѣнили тонъ. Послѣ того какъ они, казалось, условились имѣть границею Серетъ, они вдругъ не согласились уступить всей Бессарабіи, требуя Измаилъ и Килію и утверждая, что имъ необходимо испросить новыхъ инструкцій.

Кутузовъ былъ принужденъ объявить двору обо всѣхъ трудностяхъ, которыя онъ переносилъ. Дворъ остался очень недоволенъ; народъ ворчалъ, Императоръ приказалъ снова произвести наступленіе и начать враждебныя дѣйствія.

Кутузовъ былъ удивленъ такимъ несвоевременнымъ приказаніемъ Императора и предвидѣлъ, что оно могло привести къ гибельнымъ послѣдствіямъ.

Кутузовъ могъ бы дать почувствовать опасность этого предпріятія, но у него не хватило храбрости. Было условлено съ визиремъ, что если начнутъ войну снова, то объ этомъ предупредятъ его за 20-ть дней. Кутузовъ не исполнилъ этого договора. Казалось, онъ искалъ всевозможныхъ средствъ, чтобы лишить непріятеля уваженія и раздражить его, тогда какъ ладить съ нимъ было гораздо болѣе въ его интересахъ.

Какъ только Кутузовъ мнѣ сказалъ о полученномъ имъ приказаніи снова начать наступленіе, я его спросилъ, долженъ ли онъ былъ ждать 20 дней? Онъ мнѣ отвѣтилъ, что не станетъ ждать и 24-хъ часовъ. Тогда я ему предложилъ тотчасъ же двинуться и взять Рущукъ. Это была очень трудная экспедиція, но единственно полезная, при условіяхъ, въ которыхъ мы находились. Владѣніе

этимъ городомъ, котораго Марковъ не взялъ, а Кутузовъ не хотѣлъ брать, было для насъ чрезвычайно важно.

Если бы промедленіе съ Франціей или другія обстоятельства позволяли намъ сдѣлать новую наступательную кампанію, слѣдовало бы имѣть предмостное укрѣпленіе на Дунаѣ. Лучшее мѣсто для этого моста было въ 5-ти верстахъ ниже Рущука, гдѣ уже былъ построенъ таковой въ 1810 г.; оттуда можно было двинуться въ Болгарію, но невозможно было и думать устраивать предмостное укрѣпленіе, опираясь на городъ. Надо было ожидать, что турки весною размѣстятъ тамъ какой-нибудь гарнизонъ, и тогда взять его штурмомъ было бы также невозможно, какъ и двухъ-мѣсячною осадою; тѣмъ болѣе не имѣя осадной артиллеріи, которую отослали въ Россію.

Конечно, намъ не было основаній удерживать Рущукъ за собой, такъ какъ для его защиты требовалось по крайней мѣрѣ 12.000 человѣкъ, которыхъ у насъ не было, но слѣдовало еще зимой разрушить городъ до основанія, чтобы не осталось и слѣдовъ строеній и фортификаціонныхъ сооруженій, а въ апрѣлѣ мѣсяцѣ построить предмостное укрѣпленіе, обнесенное палисадомъ и окруженное волчьями ямами.

Если бы рѣшили безусловную оборону, то этимъ самымъ предмѣстнымъ укрѣпленіемъ можно было угрожать туркамъ остановить всѣ ихъ предпріятія, а можетъ быть и заставить ихъ самихъ принять оборонительное положеніе. Это самое я объяснялъ въ запискѣ, которую я послалъ военному министру. Посему, ничто не могло быть болѣе основательнымъ, удобнымъ и менѣе опаснымъ, какъ если бы мы избрали это мѣсто.

Зима, казалось, будетъ суровая, и она дѣйствительно была таковою. Съ 4-го января холода, очень сильные для Валахіи, предвѣщали намъ, что Дунай скоро замерзнетъ, такъ какъ уже шелъ ледъ.

Рущукъ былъ совершенно открытъ со стороны рѣки, тамъ не было ни рвовъ, ни ретраншаментовъ. На всей этой мѣстности было не болѣе 18-ти орудій; правда, всѣ пушки были поставлены побатарейно вдоль рѣки, но эти батареи не были закрыты съ горжи и размѣщены такъ, что если занять городъ, то нечего бояться ихъ огня.

3-го января великій визирь выѣхалъ изъ Рущука въ Шумлу со всей своей свитой и малочисленной кавалеріей, которую онъ держалъ около себя, такъ какъ сильный недостатокъ въ фуражѣ не позволялъ ихъ оставить въ Рущукѣ. Тамъ оставалось только 1.000 человѣкъ войска. Жителей также было тамъ немного. Никто не ожидалъ атаки, и удивленіе всѣхъ достигло бы высшихъ размѣровъ,

такъ какъ Кутузовъ уже рѣшилъ не сдержать своего слова и совершить подлость, только бы извлечь изъ этого какъ можно больше пользы.

Я ему предложилъ въ недѣлю собрать 7.000 чел. пѣхоты и 1.000 казаковъ и, перейдя Дунай, взять Рущукъ. Я не боялся, что турки узнаютъ мои планы, такъ какъ ледъ шелъ такъ сильно, что перейти рѣку было немыслимо.

Мое предположеніе Кутузову объ этой экспедиціи было сдѣлано 4-го января, 12-го Дунай былъ бы перейденъ, а 13-го я былъ-бы въ городѣ, если бы, конечно, имѣлъ дѣло съ рѣшительнымъ начальникомъ, напр., съ Суворовымъ, этотъ бы самъ туда пошелъ.

Но Кутузовъ, по обыкновенію, сталъ употреблять уловки. Онъ мнѣ сказалъ, что это не легкое предпріятіе, что я могу потерять много людей и проч. Изъ этого я хорошо понялъ, что экспедиціи не бывать, но никакъ не могъ ожидать того, что онъ сдѣлалъ.

Между тѣмъ, онъ отправился въ Журжево подъ предлогомъ осмотрѣть, что тамъ дѣлается, хотя это было совершенно лишнее, такъ какъ позиція мнѣ была такъ же хорошо знакома, какъ и всѣ тѣ, которыми я хотѣлъ воспользоваться. Я ему написалъ еще разъ изъ Журжева о томъ, чтобы онъ двинулъ свои войска, но онъ мнѣ не отвѣтилъ. Въ тайну, предложеннаго мною проекта, посвящены были только Кутузовъ, генералъ Сабанѣевъ и я. Я не раскрывалъ рта объ этомъ никому, Сабанѣевъ былъ такъ же скроменъ, какъ и я; но такъ какъ ничто не было у Кутузова тайной, то я вскорѣ узналъ, что весь городъ Бухарестъ говоритъ объ этой экспедиціи.

Боснякъ былъ предувѣдомленъ, и съ 16 января мнѣ не трудно было замѣтить, что у турокъ приняты предосторожности.

Я видѣлъ, какъ чистились батареи, пополнялись людьми, и узналъ, что Боснякъ привелъ вооруженныхъ жителей сосѣднихъ деревень, изъ которыхъ онъ формировалъ патрули и даже самъ проводилъ ночи вооруженнымъ [1]).

---

[1]) Одинъ грекъ, мошенникъ, посланный французскимъ консуломъ г. Ду въ Константинополь, прошелъ тѣмъ временемъ въ Систово противъ моей воли, но имѣя разрѣшеніе отъ Кутузова, крайне неосторожное, при тѣхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ мы находились. Грекъ пошелъ изъ Систова въ Рущукъ, куда прибылъ 15-го, а 16-го я замѣтилъ работы Босняка. Я убѣжденъ, что этотъ шпіонъ былъ посланъ нарочно, чтобы его предупредить. Я предлагалъ нѣсколько разъ, но безполезно, задерживать курьеровъ Наполеона; ничего не было легче сдѣлать это. Я бы переодѣлъ 20 казаковъ арнаутами, и они бы поймали ихъ съ другой стороны Дуная въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Рущука.

Теперь уже нельзя было надѣяться на возможность внезапно взять Рущукъ, но все же можно было овладѣть имъ силою, увеличивъ для сего число войскъ, предназначенныхъ мною раньше.

Я могъ собрать 11.000 чел., конечно были бы и нѣкоторыя потери, но положеніе этого города было для насъ такъ важно, что можно было купить его хоть дорогой цѣной. Я написалъ обо всемъ Кутузову; полное молчаніе!

Наконецъ, 2-го февраля, онъ мнѣ прислалъ приказъ крайне хитрый и запутанный, на что я ему отвѣтилъ довольно сухимъ рапортомъ. Я совершенно отказывался отъ предполагаемой экспедиціи и отъ всей корреспонденціи съ нимъ по этому поводу.

Я былъ бы весьма радъ, если бы онъ на этомъ покончилъ, но онъ, по своей безхарактерности, желалъ сдѣлать видъ послушнаго приказаніямъ Двора, не избѣгая опасности, и имѣть случай написать реляцію, не рискуя сраженіемъ. Онъ приказалъ генералу Тучкову двинуться изъ Измаила въ Бабадагъ, графу Ливену выдти изъ Галаца, генералу Гартингу идти въ Силистрію, а если возможно, то и до Шумлы и, наконецъ, генералу Булатову занять Систово. Тучковъ, придя въ Бабадагъ, ничего тамъ не нашелъ, Ливенъ тоже не встрѣтилъ никого по дорогѣ и вернулся въ Галацъ, но Тучковъ съ однимъ баталіономъ, полкомъ казаковъ, болгарами и нѣсколькими некрасовцами, бѣжавшими отъ Пегливана, достигъ Манголи, на Черномъ морѣ, отправилъ свои партіи въ Базарджикъ, напалъ тамъ на провіантскій транспортъ, посланный въ Шумлу и захватилъ турецкаго начальника или Агу съ 700 или 800 чел. солдатъ или вооруженныхъ жителей.

Если даже его экспедиція не была особенно полезна, то по крайней мѣрѣ онъ выказалъ много дѣятельности и энергіи. Зайдя такъ далеко, экспедиція эта внушила нѣкоторый страхъ туркамъ.

Возвращаясь, Тучковъ нашелъ ледъ на Дунаѣ растаявшимъ, и онъ переѣхалъ черезъ него въ лодкахъ со всѣми своими плѣнниками и громадной добычей.

Гартингъ окончилъ разрушеніе Силистріи и уничтожилъ ее до основанія съ помощью жителей Калараша. Затѣмъ онъ двинулся по дорогѣ на Разградъ, но побоялся идти дальше, такъ какъ Дунай дѣлался непроходимымъ.

Наступленіе Булатова на Систово наложило тяжелое пятно какъ на Кутузова, отдавшаго это приказаніе, такъ и на дежурнаго штабъ-офицера полковника Кайсарова, посовѣтовавшаго произвести это наступленіе, такъ и на Булатова, исполнившаго его.

Систово расположено противъ Зимницы, гдѣ была учреждена таможня, и всѣ купцы изъ Бухареста, полагаясь на слово Кутузова

и основываясь на перемиріи, а главное на учрежденіе этой зимницкой таможни, всѣ товары свои сложили въ Систовѣ. Еще за три дня до экспедиціи Булатова, разные товары: кофе, хлопокъ, шали, кисея и т. д. подвозились туда со всѣхъ сторонъ, и таковыхъ набралось тамъ болѣе чѣмъ на 3 милліона.

Командовалъ войсками въ Систовѣ молодой ага, бывшій начальникомъ въ Мачинѣ. Этотъ ага въ январѣ мѣсяцѣ выступилъ изъ Систова и направился на Ловчу и Плевну, такъ что въ Систовѣ осталось не болѣе 20-ти вооруженныхъ, бывшихъ подъ вѣдѣніемъ стараго турка Ахмета, котораго я знаю еще съ Аккермана, гдѣ онъ долго жилъ у меня какъ заложникъ, а затѣмъ какъ толмачъ, такъ какъ прекрасно говорилъ по-русски. Онъ былъ взятъ въ Слободзеѣ, но Кутузовъ возвратилъ его визирю, къ которому онъ былъ очень привязанъ.

Остальные жители Систова состояли изъ купцовъ, которые пріѣхали, вѣря обѣщаніямъ таможенныхъ чиновниковъ, и помѣстились въ полусгорѣвшихъ домахъ, ими ремонтированныхъ.

12-го апрѣля, на разсвѣтѣ, генералъ Булатовъ вошелъ въ Систово съ 2-мя баталіонами Вятскаго полка, однимъ Старооскольскаго, однимъ 29-го егерскаго и съ казаками Мельникова и Кутейникова. Онъ не встрѣтилъ ни малѣйшаго сопротивленія; жители воображали, что онъ только проходитъ Систово, чтобы идти дальше, но они были жестоко обмануты! Булатовъ, Кушниковъ, братъ сенатора и командующій Вятскимъ полкомъ, Кайсаровъ, который участвовалъ въ экспедиціи, надѣясь получить чинъ генерала, волонтеры и казаки бросились на этихъ несчастныхъ жителей, ограбили ихъ, захватили всѣ ихъ товары, ихъ всѣхъ отправили въ Зимницу со всѣми ихъ дѣтьми и женами, съ которыми обращались очень скверно, и оставили ихъ на берегу Дуная, вслѣдствіе чего, большинство отморозило себѣ руки и ноги. Въ три часа все, что было въ Систовѣ, исчезло.

Булатовъ, корыстолюбивый и алчный, не забылъ себя въ этомъ ужасномъ грабежѣ, а сопровождавшіе его выказали себя достойными его. Кутейниковъ, Мельниковъ и Кушниковъ составили себѣ значительное состояніе. Солдаты также много награбили, но на другой же день пропили все.

Послѣ этой блестящей экспедиціи, во время которой Булатовъ имѣлъ низость дать нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ, дабы можно было сказать, что онъ встрѣтилъ сопротивленіе и принужденъ былъ сражаться, онъ вернулся въ Турно, взялъ одинъ баталіонъ Олонецкаго полка и, перейдя снова Дунай, появился 5-го утромъ у деревни Гуліанце, въ 5-ти верстахъ отъ Дуная и въ 10-ти отъ Ни-

кополя. Въ этой деревнѣ находился редутъ, занятый 200 турокъ, подъ командою Али-Паши. Отрядъ этотъ былъ въ зависимости отъ Виддинскаго Мулы-Паши. Булатовъ, не принявъ никакой предосторожности, а довѣряясь разсказамъ одного тамошняго жителя, что ровъ этого редута не глубокъ, не задумался штурмовать его. Онъ атаковалъ редутъ съ трехъ сторонъ, но, проходя черезъ сады, войска разбрелись, атаковали не дружно и не могли перейти ровъ. Четверть часа спустя, Булатовъ принужденъ былъ вывести своихъ людей, послѣ того какъ совершенно безполезно было убито 6 офицеровъ и 130 солдатъ. Тогда какъ 200 турокъ, бывшіе въ редутѣ, оставили его и ушли. У нихъ было 12—15 раненыхъ, въ томъ числѣ Али-Паша, который умеръ отъ ранъ въ Виддинѣ.

Тогда Булатовъ разрушилъ редутъ, уничтожилъ подземные погреба, которые тамъ были, сжегъ деревню и увелъ ея жителей, а также и жителей двухъ другихъ деревень, находящихся по дорогѣ, которые имѣли при себѣ охранные листы, выданные имъ графомъ С.-При и генераломъ Турчаниновымъ.

Булатовъ возвратился въ Зимницу весьма опечаленный тѣмъ, что оттепель помѣшала ему продолжать его столь славные подвиги!

Я не краснѣю, описывая его разбойничества въ Систовѣ и неудачу Гуліанце, также какъ и генералъ Кутузовъ не краснѣлъ, представляя это дѣло Двору, какъ грандіозный тріумфъ, прося награды офицерамъ, которые въ немъ участвовали. Но правда вскорѣ обнаружилась. Нѣсколько несчастныхъ купцовъ изъ Бухареста, раззоренные послѣ грабежа ихъ товаровъ, хотѣли черезъ печать довести до свѣдѣнія публики справедливыя свои требованія, но газеты задержали ихъ жалобы. Приближенные Кутузова краснѣли за него и за Кайсарова, а самъ Кутузовъ, испугавшись результатовъ, могущихъ послѣдовать изъ-за этихъ жалобъ, имѣлъ хитрость исключить изъ донесеній просьбу купцовъ и, казалось, былъ сконфуженъ тѣмъ, что принималъ участіе въ такомъ дѣлѣ, которое было оцѣнено по достоинству.

Положеніе великаго визиря въ Шумлѣ, въ продолженіе всей зимы, было чрезвычайно опасно и, если бы онъ имѣлъ передъ собой предпріимчиваго генерала, безусловно онъ потерялъ бы Рущукъ, а можетъ быть даже и Шумлу, которую потерять зимой было бы легче, нежели лѣтомъ. Въ Шумлѣ было не болѣе 3.000 вооруженныхъ людей.

Отрядъ русскихъ въ 1.200 чел., легко собранный въ Журжевѣ въ 6 дней, могъ сначала взойти въ Рущукъ и оттуда продолжать свой походъ на Шумлу, не встрѣчая ни малѣйшаго препятствія, такъ какъ таковыми нельзя было считать два или три

редута въ Кадыкіоѣ въ 15-ти верстахъ отъ Рущука, гдѣ находился Джуръ Гассанъ съ 200 или 300 турокъ.

Эта экспедиція въ Шумлу не потребовала бы болѣе 10 дней. Нѣсколькихъ простыхъ саней, запряженныхъ полковыми лошадьми, было бы достаточно, чтобы свезти необходимый провіантъ и фуражъ.

Великій визирь увѣрялъ, что никогда онъ не проводилъ зимы болѣе ужасной. Онъ ежеминутно ожидалъ нашего наступленія, которое, безъ сомнѣнія, предпринялъ бы самъ, если бы былъ командующимъ нашими войсками.

Но еще болѣе изумительно было, что Кутузовъ въ свою очередь, имѣлъ тѣ же опасенія. Принятыя имъ предосторожности и выказанныя безпокойства были такъ комичны и смѣшны, что могли удивить тѣхъ, кто его не знаетъ.

Во время пребыванія своего въ Бухарестѣ, Кутузовъ, не стѣсняясь болѣе ничѣмъ, предавался самому постыдному безпутству.

Онъ до такой степени забылъ стыдъ и приличіе, что публично увезъ отъ мужа ту маленькую валашку 14 лѣтъ, о которой я уже говорилъ. Ее звали M-me Гуліани[1]).

Она сдѣлалась его фавориткой; каждый вечеръ она приходила къ нему, и онъ относился къ ней въ присутствіи всѣхъ съ такой фамильярностью, которая переходила всѣ границы пристойности и вооружала противъ себя всѣхъ честныхъ людей, которые были принуждены ходить къ нему.

Когда же онъ бывалъ приглашенъ на обѣдъ куда-нибудь, онъ считалъ себя въ правѣ приводить съ собою M-me Гуліани, а послѣ обѣда онъ запирался съ ней въ отдѣльной комнатѣ.

Валахскій вице-президентъ Г. Кумено имѣлъ неосторожность пригласить къ себѣ обѣдать, вмѣстѣ съ этой счастливой парочкой, другихъ дамъ и генераловъ, но всѣ гости, кромѣ Кутузова, вскорѣ принуждены были оставить его домъ.

На балахъ, въ клубахъ, во всѣхъ общественныхъ мѣстахъ можно было видѣть эту маленькую безстыдницу около Кутузова.

---

[1]) Это похищеніе было произведено днемъ; совершилъ его г. Коронелли, о которомъ я уже говорилъ, и котораго мы называли болеарскимъ королемъ, онъ былъ дѣйствительно назначенъ для этого. M-me Гуліани вышла отъ мужа, и Коронелли ее сопровождалъ съ каретой Кутузова, онъ посадилъ въ нее молодую женщину, уложилъ ея вещи и отправилъ въ приготовленный для нея домъ. Самъ же онъ слѣдовалъ за каретой пѣшкомъ.

Часто она усаживалась на руки къ своему 70-ти лѣтнему любовнику, играла его аксельбантами и позволяла себѣ цѣловать его, помирая со смѣху [1]).

Интимное общество состояло изъ людей, соотвѣтствовавшихъ нравамъ и обычаямъ его дома. Вотъ кто были его повѣренные, его избранные, его лучшіе друзья:

1) Мать М-me Гуліани (М-me Варканеско), которая тайно учила дочь тому, что она должна была знать, чтобы возбуждать истощенныя чувства генерала, а затѣмъ приходила пользоваться результатами своихъ уроковъ.

2) Угодникъ Кутузова по имени Коронелли, самый глупый и низкій изъ всѣхъ этихъ недостойныхъ, составлявшихъ это стадо.

3) Другой — грекъ Баротци, который въ теченіе 30 лѣтъ состоялъ въ департаментѣ иностранныхъ дѣлъ какъ шпіонъ и таковымъ былъ посланъ военнымъ министромъ въ Константинополь, подъ предлогомъ обмѣна плѣнниковъ.

Это былъ человѣкъ чрезвычайно ловкій, пронырливый и дѣятельный, который иногда прекрасно судилъ о людяхъ и вещахъ. Кутузовъ его приласкалъ, и онъ оставилъ свои занятія, чтобы остаться при нашей главной квартирѣ.

4) Итальянецъ — Богліоко, медіумъ и антрепренеръ клуба; раньше онъ былъ извѣстенъ какъ банкиръ изъ Архипелага, потомъ банкротъ, позднѣе воръ, приговоренный къ повѣшенію.

5) Жена этого Богліоко, вышедшая изъ самаго низкаго класса Бухареста и бывшая на содержаніи у одного изъ адъютантовъ Кутузова—Кайсарова.

6) Грекъ—Іорри, о которомъ я уже писалъ.

7) Полякъ—Ходкевичъ, явный плутъ, который самъ хвастался этимъ. Съ молодыхъ лѣтъ, играя самымъ мошенническимъ образомъ, онъ пріобрѣлъ скромное состояніе. Затѣмъ онъ примкнулъ къ французскимъ республиканцамъ, принималъ участіе во всѣхъ мерзостяхъ, которыми оскверняли себя якобинцы, и совершалъ ужасныя преступленія въ Италіи. Онъ хвастался тѣмъ, что самолично пыталъ и казнилъ дворянъ и священниковъ въ Неаполѣ. Онъ былъ управляющимъ имѣніемъ Кутузова; жена его, по счету седьмая, была очень красива, и черезъ нее онъ пріобрѣлъ протекцію стараго генерала. Въ Бухарестъ онъ пріѣхалъ подъ предлогомъ дать

---

[1]) (1827) М-me Гуліани, разведенная съ своимъ мужемъ, вѣнчалась съ грекомъ, секретаремъ при русской миссіи въ Константинополѣ, по имени Левенди (Levendi).

отчетъ Кутузову и помѣстить на службу своего сына, въ сущности же для того, чтобы обыграть и обобрать валаховъ и русскихъ. Только спустя два мѣсяца, Кайсарову и мнѣ удалось отдѣлаться отъ него и то только благодаря тому, что онъ имѣлъ неосторожность играть съ русскими офицерами, и Кутузовъ, опасавшійся, чтобы Императоръ, всегда питавшій отвращеніе къ игрѣ, не былъ бы недоволенъ имъ, что онъ такъ приблизилъ къ себѣ этого мошенника.

Ходкевичъ уѣхалъ съ 12.000 дукатовъ, которые онъ высосалъ у валаховъ.

8) Наконецъ, къ сожалѣнію, я долженъ помѣстить въ числѣ этихъ недостойныхъ приближенныхъ Кутузова и генерала Сергѣя Рѣпнинскаго, человѣка умнаго, любезнаго, хорошаго тона, совсѣмъ негодившагося для такого общества, но онъ стремился сдѣлаться вице-президентомъ Дивана-Валахіи, вмѣсто Койтено, который былъ назначенъ въ Польшу, въ армію князя Багратіона.

Въ этой-то тинѣ завязъ 68-лѣтній старикъ, украшенный всѣми русскими орденами, и среди такого грязнаго общества проводилъ онъ свои досуги.

И этотъ пьянствующій, безпутный старикъ внушалъ полное отвращеніе. Къ такому непріятному чувству, которое Кутузовъ заслуживалъ, благодаря своему поведенію, примѣшивались и опасенія, возникавшія вслѣдствіе подобнаго союза и вліянія, достойнаго осужденія, которое имѣли на него всѣ эти субъекты. Онъ не могъ ничего отказать своимъ паразитамъ; они располагали всѣми мѣстами, всѣми милостями.

M-me Гуліани за 3.000 дукатовъ возвела на мѣсто каймакана (намѣстника визиря или генералъ-губернатора Малой - Валахіи) одного графа Дудетцло, извѣстнаго въ Валахіи за весьма дурного человѣка и даже опаснаго по своимъ взглядамъ и сношеніямъ, и который во времена князя Ипсиланти долженъ былъ бы быть казнёнъ за перехваченную корреспонденцію съ Пасванъ-Оглы, достойную полнаго осужденія.

M-me Гуліани также дала должность шефа полиціи въ Бухарестѣ своему двоюродному брату, одному Филипеско, шпіону, извѣстному туркамъ.

Такимъ образомъ раздавались и другія мѣста. Кабинетъ и канцелярія Кутузова были центромъ всѣхъ интригъ.

Преступный и грѣшный старикъ былъ осажденъ всѣми этими индивидуумами, которые старались овладѣть его довѣріемъ, и стопло

имъ достичь желаемаго, какъ они его обманывали самымъ безбожнымъ образомъ.

Одинъ князь Горчаковъ, довольно симпатичный поэтъ, но человѣкъ неимѣющій никакого понятія о послѣдовательной работѣ, весьма продажный и интересантъ, прибылъ недавно изъ Петербурга, чтобы управлять гражданской канцеляріей. Ничего не дѣлалъ и, не имѣя никакой опытности въ дѣлахъ, онъ только запутывалъ все и пользовался всѣми.

Кутузовъ, замѣтивъ его, разсказалъ мнѣ о немъ; я ему посовѣтовалъ прогнать его, но онъ отвѣчалъ: „пожалуй, мнѣ пришлютъ еще худшаго" (быть можетъ, онъ былъ правъ).

Каждый изъ его приближенныхъ шелъ къ одной цѣли. Это была надежда на хорошее мѣсто или на основательное содержаніе.

Кайсаровъ, сначала адъютантъ,—а затѣмъ дежурный полковникъ, стремился сдѣлаться вторымъ Закревскимъ. Онъ былъ очень умный, энергичный и способный человѣкъ, но имѣлъ непомѣрную амбицію. Въ общемъ онъ не заслуживалъ того, чтобы быть смѣшаннымъ со всѣми этими господами. Къ сожалѣнію, благодаря своему положенію, онъ слишкомъ близко соприкасался съ ними, но его нельзя было назвать ни гадкимъ, ни низкимъ, ни неделикатнымъ.

Баротци хотѣлъ играть главную дипломатическую роль и погубить г.г. Фонтонъ, которыхъ онъ публично осуждалъ за то, что они продались туркамъ и получили бы значительную сумму денегъ, если бы имъ удалось сократить границы.

Корнеги хотѣлъ быть генеральнымъ консуломъ въ Бухарестѣ на мѣсто Кирикова.

Іорри хотѣлъ быть агентомъ мирнаго конгресса, благодаря содѣйствію Чапанъ-Оглы и Вели-Паши.

Онъ всего касался и всюду вмѣшивался, но все, что ни дѣлалъ, было весьма разумно.

Сергѣй Рѣпнинскій (какъ я уже говорилъ) хотѣлъ сдѣлаться вице-президентомъ Валахіи и сдѣлался имъ.

Противъ всей этой громадной шайки боролся только одинъ генералъ Сабанѣевъ съ энергіей и прозорливостью, но безъ успѣха. Черезчуръ откровенный, гордый, опрометчивый и грубый въ своихъ сужденіяхъ, онъ только раздражалъ Кутузова, вмѣсто того, чтобы напоминать ему объ его лѣтахъ и положеніи.

Это былъ не такой человѣкъ, который могъ бы образумить и направить своего шефа. Кутузовъ, въ свою очередь, ненавидѣлъ его, но боялся и щадилъ, какъ товарища военнаго министра.

Съ Сабанѣевымъ были солидарны всѣ честные люди, и всѣ стремились дѣлать добро, Фонтоны, Галинскій, Булгаковъ, директоръ дипломатической канцеляріи и я—потерявшій весь свой кредитъ и покровительство послѣ дѣла подъ Рущукомъ.

Въ этомъ гадкомъ кабакѣ не хватало генерала Маркова, но онъ не замедлилъ явиться. Имѣя на Кутузова, который его отлично зналъ, громадное вліяніе, и такъ какъ его дивизія принадлежала къ арміи князя Багратіона, который его ненавидѣлъ и презиралъ, Марковъ разсчиталъ, что онъ гораздо лучше устроитъ свои дѣла съ Кутузовымъ. Несмотря на общественное мнѣніе, онъ добился того, что былъ посланъ въ Малую Валахію, на мѣсто Засса, который, можетъ быть по неудовольствіямъ, или благодаря тому, что, наживъ себѣ состояніе, не хотѣлъ себя компрометтировать, стремился оставить армію и подъ предлогомъ болѣзни, скорѣе притворной, чѣмъ дѣйствительной, отпросился уѣхать на нѣкоторое время въ Одессу.

Въ случаѣ войны, оставалось только одно вѣрное средство потерять Малую Валахію, это не задержать Засса и отправить туда Маркова, что Кутузовъ и не замедлилъ сдѣлать.

Марковъ, желая этого мѣста, обѣщалъ себѣ во всемъ слѣдовать примѣру Засса, касательно финансовыхъ вопросовъ, но ему пришлось только подбирать колосья, такъ какъ жатва была уже собрана. Онъ скопилъ только 2.000 дукатовъ, но этого было мало, онъ былъ опечаленъ и даже жаловался.

Зимою правленіе въ Валахіи еще разъ измѣнилось; кромѣ народа, жалобы несчастныхъ валаховъ и, наконецъ, угроза, что если оставятъ администрацію такою, какою она была, то страна будетъ совершенно разорена, и армія, не имѣя продовольствія, принуждена была насильно произвести эту перемѣну, которой и я сильно способствовалъ. Вестіаръ-Самуркашъ, во время своего управленія, занимался такими грабежами и совершалъ такія преступленія, что оставить его на мѣстѣ не было возможнымъ. Такое наказаніе совершенно удовлетворяло строгой справедливости русскихъ. Французы и англичане подвергли бы такого Самуркаша очень строгому наказанію, котораго онъ и заслуживалъ вполнѣ.

Онъ продавалъ мѣста чиновниковъ грекамъ, которые воображали, что имъ все разрѣшено.

Несчастные валахскіе крестьяне были такъ жестоко преслѣдуемы, что большинство спасалось въ Трансильванію.

Неоднократно видѣли, какъ исправники клали женщинъ на угли и бичевали дѣтей для того, чтобы отобрать тѣ небольшія деньги,

которыя у нихъ оставались, въ то время, какъ отцы и мужья ихъ были въ отсутствіи.

Одинъ свѣтскій господинъ, Фроловъ-Багрѣевъ, человѣкъ небогатый, но очень честный, былъ назначенъ для изслѣдованія поведенія назначенныхъ туда чиновниковъ. Онъ выказалъ много энергіи, честности и прямодушія, ярко освѣтивъ всѣ сдѣланныя ими преступленія.

За всѣ эти злодѣянія, наказаніе было—потеря мѣста, но многіе остались. Кутузовъ выказалъ въ этомъ случаѣ равнодушіе, достойное осужденія.

Мы всегда полагали, что явная протекція, которую оказывалъ сенаторъ Милашевичъ Самуркашу, происходила оттого, что тотъ заблуждался относительно его, и что упрямство, бывшее главной причиной его характера, замкнутаго и ограниченнаго, мѣшало ему отказаться отъ своихъ предубѣжденій.

Но вскорѣ мы имѣли случай убѣдиться, что протекція его имѣла другіе мотивы, тѣмъ болѣе, когда мы увидали, что онъ снова назначаетъ къ себѣ того самого Крупинскаго, который сдѣлалъ такую большую ошибку при Кушниковѣ, и оказываетъ ему свое довѣріе.

Милашевичъ пріѣхалъ въ Бухарестъ для того, чтобы защитить дорогого Самуркаша, но не имѣлъ успѣха. Это былъ единственный случай, гдѣ Кутузовъ выказалъ немного твердости.

Новая администрація нашла страну совершенно разоренной 500.000 піастрами долга, заплатить который она была не въ состояніи, а также не могла удовлетворить нуждамъ войскъ, въ случаѣ войны.

Генералъ Койтено, уѣзжая въ армію князя Багратіона, передалъ свое мѣсто вице-президента Валахіи—генералу Сергѣю Рѣпнинскому.

Тѣмъ временемъ получилась новая организація русской арміи. Власть главнокомандующаго значительно расширена; онъ имѣлъ право награждать орденами: Владиміра 4-й степени, Св. Анны 3-й и 4-й степени и даже Св. Георгія 4-й степени и золотой саблей. Онъ могъ производить до чина капитана и наказывать смертной казнью даже полковника (по суду), но и отвѣтственность его равнялась его власти, и самъ онъ подчинялся тѣмъ же наказаніямъ, которыя онъ могъ налагать на другихъ. Въ качествѣ помощника ему назначенъ начальникъ полевого штаба, который имѣлъ въ своемъ распоряженіи дежурнаго генерала и начальника главной квартиры. Въ случаѣ же болѣзни или смерти главнокомандующаго начальникъ по-

левого штаба вступалъ въ командованіе до прибытія новаго главнокомандующаго. Ему были подчинены другіе генералы, даже старше его.

Эта единственная статья въ новомъ законѣ, которая порицалась всѣми, такъ какъ могла повлечь за собой много злоупотребленій и причинить массу непріятностей старшимъ генераламъ.

Остальная часть новой организаціи походила на организацію французской арміи и была моделью порядка и предосторожности. Находимъ, не безъ основанія, что назначенныхъ начальниками главныхъ квартиръ было слишкомъ много. Но чѣмъ ихъ больше, тѣмъ было лучше для арміи.

Ужасныя злоупотребленія въ госпиталяхъ, наконецъ, обратили на себя вниманіе военнаго министра, который прислалъ изъ Петербурга ревизоровъ, понизившихъ всѣ цѣны на 45%.

Генералъ Сабанѣевъ, дѣйствуя въ этомъ же направленіи, понизилъ ихъ до 40%; но чтобы достичь такого результата, онъ долженъ былъ бороться со всей канцеляріей Кутузова и съ коммисаріатомъ.

Служащіе въ этихъ двухъ департаментахъ относились несочувственно къ честности дежурнаго генерала и находили его манеру обращенія съ ними непріятной. Присылка ревизоровъ изъ Петербурга была сильнымъ оскорбленіемъ для Кутузова.

Турецкіе плѣнники, число которыхъ уменьшилось почти на половину, отправлены были наконецъ въ Россію, какъ я это и предвидѣлъ.

Чапанъ-Оглы получилъ разрѣшеніе остаться въ Бухарестѣ, гдѣ онъ пользовался общимъ уваженіемъ и снисхожденіемъ, что вполнѣ заслужилъ, благодаря своей храбрости, твердости и благородству.

Этотъ молодой человѣкъ выказалъ большую твердость характера. Онъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ со всѣми нами, полюбилъ наши нравы и обычаи, наше войско, и, казалось, хотѣлъ сказать, что если бы онъ могъ такъ обучить и дисциплинировать 12.000 чел. турокъ, какъ обучено нами войско, онъ себя объявилъ бы независимымъ и презиралъ бы всю имперію Оттомановъ.

Во время зимы, война съ Наполеономъ, которой давно уже нужно было ожидать, казалось, была готова разгорѣться, и это потребовало съ нашей стороны громадныхъ приготовленій.

Всѣ наши войска собирались на зимнія квартиры въ Польшѣ, и весь Петербургскій гарнизонъ и даже гвардія направились къ западнымъ границамъ.

Единственная наша, молдавская, хотя и не очень сильная, армія не трогалась еще съ мѣста.

Французскія войска и войска Рейнскаго союза также подвигались къ Польшѣ.

Тогда миръ съ турками сдѣлался еще менѣе вѣроятнымъ, и положеніе наше въ Валахіи стало очень критическимъ.

Въ переговорахъ, турецкіе министры выказали себя гораздо политичнѣе нашихъ; Галибъ-Ефенди и князь Мурузи были куда болѣе дипломаты, чѣмъ Италинскій и Сабанѣевъ.

Они до такой степени взяли надъ нами верхъ, что мы имѣли видъ побѣжденныхъ и просящихъ у нихъ мира, а не побѣдителей, диктующихъ имъ его.

Мы были весьма удивлены, узнавъ, въ мартѣ мѣсяцѣ, о пріѣздѣ въ Бухарестъ секретаря шведскаго посольства въ Петербургѣ, г. Химмель, и услышавъ, что Швеція соединилась съ нами и съ Англіей, несмотря на наше поведеніе и провинности относительно нея и потери половины ея территорій въ 1808 г., и что г. Химмель ѣхалъ въ Константинополь, чтобы согласно съ англійскимъ министромъ заставить турокъ заключить съ нами миръ.

Генералъ Кутузовъ назначилъ сопровождать его въ Константинополь полковника нашего главнаго штаба, князя Рошешуарта. Это былъ человѣкъ умный и очень образованный [1]).

Нашъ генералъ поручилъ ему дѣлать по возможности больше замѣтокъ политическихъ и военныхъ во время его путешествія.

Онъ отлично исполнилъ приказанія Кутузова и привезъ намъ свои записки, весьма любопытныя и пространныя, которыя я присоединилъ къ этому тому въ юридическихъ статьяхъ, я помѣщу тамъ и другія относительно Трансильваніи [2]).

Если бы, какъ я уже замѣтилъ, не постоянное счастье Россіи, а также и Кутузову, торжествовавшему во всѣхъ обстоятельствахъ, а тѣмъ болѣе въ ошибкахъ, поминутно увеличивавшихся и въ такое время, когда каждая изъ нихъ могла повлечь за собой погибель Имперіи, миръ никогда бы не былъ заключенъ.

Но турецкіе министры, несмотря на ихъ старанія, несмотря на

---

[1]) 1827. Князь Рошешуартъ былъ убитъ въ сраженіи при Бріеннѣ въ 1814 г., имѣя не болѣе 27 лѣтъ.

[2]) 1827. Главный штабъ войскъ имѣетъ еще другія записки о переходѣ черезъ Балканы вдоль Чернаго моря, капитана главнаго штаба Берга, теперь дѣйствительный статскій совѣтникъ и attaché при миссіи въ Константинополѣ.

данный имъ—столь неполитичный приказъ снова начать непріязненныя дѣйствія, исполненный еще болѣе неполитично Кутузовымъ, турки, говорю я, не только не закрыли конгресса, но даже не увеличивали своихъ требованій. Съ каждымъ днемъ они все болѣе держались своихъ условій; но мало-по-малу они уступали границу Прута. Было опасно терять время, какъ для войны, такъ и для политики. Наполеонъ потерялъ очень много самаго дорогого времени, отправивъ слишкомъ поздно Андреосси въ Константинополь, и этотъ посредникъ потерялъ еще болѣе дорогое время, путешествуя какъ черепаха.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ гроза, которая должна была разразиться надъ Россіей, гремѣла уже. Не было сомнѣній въ непріязненныхъ отношеніяхъ къ намъ Наполеона, а желанный миръ все еще не былъ заключенъ.

Мы узнали, что Кутузовъ былъ замѣщенъ адмираломъ Чичаговымъ. Выборъ этотъ насъ озадачилъ; тогда мало кто изъ насъ зналъ его; когда же мы познакомились съ нимъ, изумленіе наше было очень велико.

Кутузовъ былъ въ отчаяніи предоставить Чичагову заключать миръ, что могъ бы совершить онъ самъ гораздо раньше. Онъ понялъ свои ошибки, раскаивался въ нихъ и находился въ ужаснѣйшей ажитаціи. Но счастье и тутъ помогло ему. Императоръ вспомнилъ (хотя довольно поздно) о моемъ разговорѣ съ великимъ визиремъ и согласился на Прутѣ, собственноручно извѣстивъ объ этомъ секретнымъ образомъ Кутузова.

Тогда Кутузовъ не далъ ни минуты покоя посредникамъ и, къ нашему большому удивленію и радости, миръ былъ заключенъ Кутузовымъ въ концѣ апрѣля, тремя днями раньше пріѣзда Чичагова, который могъ бы имѣть честь сдѣлать то же, если бы пріѣхалъ скорѣе. Повторяю, что этотъ миръ былъ и будетъ для меня загадкой [1]).

---

[1]) (1827). Для разъясненія этой загадки, я имѣлъ 10 лѣтъ, послѣ того, какъ я писалъ этотъ журналъ, и признаюсь, я бы никогда не могъ отгадать ее, если бы мнѣ не помогли. Греческіе князья Фанаръ, эмигрировавшіе въ 1826 году въ Одессу, сообщили мнѣ, что миръ этотъ былъ плодомъ ихъ работы. Они боялись, что если бы война принудила бы насъ употребить противъ турокъ большую часть нашихъ войскъ, столь необходимыхъ для насъ тогда, это дало бы Наполеону больше шансовъ уничтожить наше могущество, а за тѣмъ и другое болѣе и болѣе возрастающее, такъ какъ они отлично знали, что онъ намѣревался, разбивъ Россію, разбить и Турцію.

Въ такомъ случаѣ княжества Валахія и Молдавія, составлявшія постоянную цѣль всѣхъ желаній Фанарскихъ грековъ, ради ихъ наживы, пере-

Нѣсколько дней спустя, послѣ пріѣзда Чичагова, Кутузовъ покинулъ насъ и возвратился въ Россію. Новый нашъ главнокомандующій заставилъ насъ пожалѣть о немъ.

Адмиралъ вскорѣ послѣ своего пріѣзда заслужилъ ненависть своей арміи и сдѣлался посмѣшищемъ ея. Чичагову было тогда 45 лѣтъ, онъ былъ не глупъ, если умомъ можно назвать болтливость и говорливость, къ которымъ прибавимъ очень поверхностное образованіе.

Онъ былъ весьма легкомысленъ, голова его ежеминутно изобрѣтала новые проекты, и проекты эти, обыкновенно вздорные и непримѣнимые, надо было приводить въ исполненіе сію же минуту. Онъ не переносилъ ни доводовъ, ни задержекъ въ исполненіи своихъ капризовъ. Этимъ онъ походилъ на Императора Павла.

Онъ не имѣлъ ни одной правильной идеи. Крутость его характера и чрезмѣрное самолюбіе не позволяли ему ни слушать, ни принимать совѣтовъ. Онъ преслѣдовалъ съ необыкновеннымъ упрямствомъ

стали бы содержать ихъ семейства и довели бы ихъ до полнаго ничтожества, неизвѣстности и нищеты.

Итакъ въ продолженіе 6-ти лѣтъ они сильно терпѣли лишенія. По заключеніи мира, они видѣли два или три года вѣрнаго спокойствія и утѣхи и, всѣ соединенные однимъ интересомъ, они рѣшили стремиться къ одной цѣли и помогать другъ-другу, чтобъ раздѣлить доходъ, который они разсчитывали получить изъ грабежей и лихоимства тѣхъ, на которыхъ палъ выборъ Порты.

Лукавство и настойчивость этихъ Фанаріотовъ восторжествовали надъ предубѣжденіемъ и злобой турокъ и заставили ихъ дѣйствовать противъ ихъ же прямыхъ интересовъ. Галибъ-Ефенди, самый умный человѣкъ изъ представителей Порты, былъ проведенъ Дмитріемъ Мурузи, который былъ посредникомъ Фанарскихъ грековъ. Наконецъ, султанъ былъ подкупленъ, ему показали груду золота, которое ему впослѣдствіи и дали. Можно себѣ представить, какое громадное желаніе выказали греки скупить эти княжества, когда узнали, что князь Караджи, самый алчный и безстыдный изъ всѣхъ этихъ мерзавцевъ, будучи назначеннымъ княземъ Валахскимъ, послѣ мира, въ теченіе 10 лѣтъ вымогалъ изъ этой несчастной провинціи 93 милліона піастровъ (по тогдашнему 50 милліоновъ рублей). Онъ истратилъ 5 или 6, а 78 увезъ съ собой во время своего бѣгства, а также захватилъ всѣ бриліанты и драгоцѣнности; 70 же милліоновъ перешли султану, его министрамъ и Фанаріотамъ. И эти громадныя подати получались съ той Валахіи, гдѣ генералъ Милорадовичъ не могъ найти возможнымъ, чтобы страна содержала 8.000 русскихъ.

Анекдотъ этотъ, истину котораго я могу подтвердить, можетъ дать понятіе о томъ вліяніи, какое имѣли Фанарскіе греки на турокъ и о ихъ лукавствѣ и интригахъ.

то, что задумалъ въ сумасбродствѣ своего экстравагантнаго воображенія.

Онъ и людей судилъ не лучше чѣмъ факты и всегда относился къ первымъ съ предубѣжденіемъ. Въ теченіе 3-хъ лѣтъ онъ былъ морскимъ министромъ въ Россіи, и при немъ нашъ флотъ пришелъ въ упадокъ. Онъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о сухопутной службѣ, и его невѣжество въ нашихъ организаціяхъ и маневрахъ дѣлало его смѣшнымъ [1]).

Характеръ Чичагова вполнѣ гармонировалъ его уму. Онъ былъ суровъ и самостоятеленъ, неблагодаренъ и грубъ; обладалъ всѣми душевными пороками и былъ ужасно сумасброденъ.

То вдругъ онъ дѣлался до фанатизма обожателемъ англичанъ, то до смѣшного привязывался къ французамъ. Единственно его постояннымъ чувствомъ были ненависть и презрѣніе къ родной націи.

Этого презрѣнія онъ никогда не переставалъ выказывать, даже тогда, когда жестокія обстоятельства, въ которыхъ находилась Россія, открыли характеръ ея жителей и солдатъ и обѣщали имъ уваженіе и восхищеніе всей вселенной.

При всемъ этомъ онъ имѣлъ одно драгоцѣнное качество — онъ былъ честенъ и неинтересантъ, онъ придерживался этой добродѣтели въ излишествѣ для себя и для другихъ и заставлялъ многихъ думать, что онъ самъ носилъ въ себѣ пороки вѣка и націи.

Трудно понять, что заставило Императора довѣрить армію этому адмиралу, особенно въ такихъ критическихъ обстоятельствахъ. Еще будь онъ надѣленъ природой всѣми талантами и геніемъ, необходимыми для командованія сухопутными войсками; но адмиралъ никогда не могъ пріобрѣсти предварительныхъ знаній и особенно необходимой опытности для этой службы.

Полагали, что наша армія, назначенная прежде дѣйствовать въ

---

[1]) Онъ вздумалъ однажды вызвать одинъ полкъ на равнину Карастрета и командовать имъ. Не было возможности понять ни его командованій, ни его маневровъ. Онъ смѣшалъ весь полкъ, не смогъ его распутать и ушелъ. Сами солдаты не были въ состояніи удержать смѣха, котораго онъ не могъ не слышать. Онъ не зналъ, что палки и пики отъ палатокъ занимаютъ одну сторону въ повозкахъ обоза, предназначенныхъ возить ихъ, и что повозки остаются пустыми, когда войско находится въ лагерѣ. Я ему показалъ полкъ, который былъ въ превосходномъ видѣ, обратилъ его вниманіе на обозныя повозки, совершенно новыя и въ отличномъ порядкѣ и предложилъ ему поблагодарить полковника. „За что я его долженъ благодарить, отвѣтилъ онъ мнѣ, у него все въ безпорядкѣ и восемь повозокъ еще не окончены“.

Далмаціи вмѣстѣ съ англійскимъ флотомъ, и выбрали адмирала, чтобы командовать обѣими арміями. Но Чичаговъ былъ такимъ же дурнымъ морякомъ, какимъ и сухопутнымъ генераломъ и если проектированная экспедиція имѣла бы подобнаго начальника, мы не могли бы ничего другого услышать, какъ только самыя печальныя извѣстія [1]).

Послѣ своего пріѣзда, адмиралъ Чичаговъ намъ открылъ планъ кампаніи, который онъ хотѣлъ привести въ исполненіе, и отъ котораго онъ былъ повидимому въ восторгѣ. Ни одному человѣку въ голову не могъ придти подобный сумасбродный проектъ злополучнаго плана кампаніи и вообще такой гибельной идеи. Я не могъ узнать, кто былъ авторъ этого плана. Говорили, что эта честь принадлежитъ англичанамъ.

Но для меня непостижимо, какъ могъ подобный проектъ быть принятымъ такимъ умнымъ и образованнымъ человѣкомъ, какимъ былъ Императоръ Александръ, а тѣмъ болѣе такимъ знаменитымъ военнымъ, какъ Барклай-де-Толли, бывшій тогда военнымъ министромъ.

Намъ было приказано перейти Сербію, Боснію и идти къ устьямъ Котаро, которую надо было взять; затѣмъ намъ велѣно было соединиться съ англійскимъ флотомъ и напасть на французскія завоеванія въ Италіи, чтобы отвлечь вниманіе Наполеона и заставить его прислать туда часть его войскъ. Ничего не было приготовлено для этой экспедиціи; надо было идти на удачу, просить провіанта у сербовъ, которые не могли снабдить 50.000 человѣкъ, или брать его у босняковъ, которые не давали намъ его и могли насъ задержать въ своихъ ущельяхъ и горахъ, гдѣ бы мы себя чувствовали заключенными.

Я не стану распространяться объ этомъ проектѣ столь безразсудномъ и странномъ; подробности можно найти въ прилагаемыхъ (юридическихъ запискахъ) мемуарахъ, которые я написалъ, какъ только узналъ объ предполагаемой экспедиціи.

---

[1]) (1827) Полагали и не безъ основанія, что Императоръ очень привязался къ Чичагову, когда онъ вернулся изъ Парижа, и что графъ Аракчеевъ, не терпѣвшій соперника въ благосклонности своего повелителя, убоялся, увидѣвъ таковаго въ лицѣ адмирала и, благодаря всему этому, Чичагову поручено было командовать арміей, чтобы удалить его изъ Петербурга. Каковъ разсчетъ!

Послѣ войны съ Франціей, Чичаговъ, обезпеченный пенсіономъ въ 60.000 рублей, вернулся жить въ Парижъ и съ самымъ гадкимъ либерализмомъ клеветалъ и разсказывалъ о разныхъ несправедливостяхъ про свою родину и про своего повелителя.

Вотъ какимъ образомъ они попали къ Императору. Мы всѣ были въ отчаяніи, но никто изъ насъ не могъ открыть глаза Государю, ни у кого не хватило настолько присутствія духа, а Чичаговъ открывалъ всѣ письма.

Я отправилъ свои мемуары въ Одессу, къ герцогу Ришелье, черезъ свою жену, которая уѣхала туда на время войны противъ Наполеона. Ришелье отослалъ ихъ Императору, который ему отвѣтилъ: „Я прочелъ мемуары Ланжерона, онъ хорошій патріотъ“ и послалъ Чичагову приказъ идти въ Польшу. Но прежде чѣмъ получить этотъ приказъ, нашъ морякъ занималъ насъ своими сумасбродными выходками. Ознакомившись съ трудностями питанія арміи во время похода въ Босніи, онъ изобрѣлъ какія-то лепешки изъ бульона, для чего зарѣзали всѣхъ быковъ, бывшихъ въ походныхъ гуртахъ, и всѣ кашевары были потребованы для изготовленія этого бульона. Я полагаю, что адмиралъ Чичаговъ можетъ похвастаться тѣмъ, что онъ былъ единственный генералъ, которому подобная мысль могла придти въ голову.

Приказъ о походѣ въ Польшу спасъ насъ отъ необходимости безполезно погибать въ Босніи, а бульонъ адмирала пришлось бросить, хотя на изготовленіе его пошло 2 или 3 тысячи быковъ, лишеніе которыхъ для насъ было сильно замѣтно въ нашемъ походѣ. Чичаговъ выдумалъ еще (фантазіямъ его не было предѣловъ) дать кавалеріи кирассы изъ соломы. Онъ приказалъ сдѣлать модели: изрубленное сѣно клали въ большомъ количествѣ между двумя кусками полотна и зашивали ихъ, затѣмъ весь этотъ пакетъ привязывался на грудь кавалеристу, который тогда дѣлался похожимъ на полишинеля. Это сумашествіе не могло долго продолжаться, такъ какъ лошади съѣли латы его выдумки. Миръ съ турками былъ заключенъ и утвержденъ. Валахія была отдана туркамъ, что же дѣлаетъ Чичаговъ? Онъ вздумалъ сформировать ополченіе, чтобы идти въ Италію, и захотѣлъ набирать рекрутовъ изъ чужого государства. Ополченіе это уничтожилось такъ же, какъ и бульонъ и латы. Вестіару-Варлааму эти странныя реформы стоили очень дорого.

За нѣсколько дней до похода въ Польшу, Чичаговъ призвалъ Варлаама и всѣхъ помощниковъ и объявилъ великимъ визиремъ одного молодого боярина, который еще не пріобрѣлъ права носить бороду, служившую знакомъ отличія для лицъ 1-го класса. Этого вельможу звали Нейчулеско. Въ общемъ это былъ чудный выборъ.

Наконецъ въ іюлѣ мѣсяцѣ, мы двинулись въ Польшу, и на этомъ я кончаю исторію этой войны. Я участвовалъ съ нашей арміей въ 3-хъ новыхъ ужасныхъ кампаніяхъ, которыя мы вели

противъ Наполеона. Такъ окончилась 7-ми лѣтняя война, эта война, предпринятая такъ легко, безъ всякаго благовиднаго повода, и, если я смѣю сказать противъ добросовѣстности, противъ здравой политики и даже противъ интересовъ Россіи, война, которая ничего не создала и только послужила поводомъ къ раздачѣ множества крестовъ и чиновъ, въ большинствѣ случаевъ очень скверно распредѣляемыхъ.

Эта война была такъ же гладко ведена, какъ и неудачно задумана, въ ней 6 генералъ-аншефовъ [1]) соперничали въ своихъ ошибкахъ и интригахъ, война эта, гдѣ 80.000 или 100.000 русскихъ не могли побѣдить 40.000 турокъ, окончилась все же весьма счастливо, тѣмъ болѣе въ то время, даже неожиданно [2]).

Она намъ стоила 3-хъ главнокомандующихъ, 23 генерала [3]), и множество лучшихъ офицеровъ, а также 150.000 славныхъ солдатъ, изъ которыхъ 30.000 легли отъ огня непріятеля, а остальные погибли въ госпиталяхъ.

Въ моей работѣ, я въ деталяхъ упоминалъ о злоупотребленіяхъ, производившихся въ нашей арміи, и о потеряхъ доходовъ, которые должно было имѣть государство. Я хочу только прибавить къ этому нѣсколько краткихъ разсужденій.

Денежные расходы были такъ же огромны, какъ и потери въ людяхъ; я уже не беру въ счетъ того, какъ быстро упали деньги въ бумагахъ, что можно было приписать спеціально турецкой войнѣ. Перерывъ и даже полное прекращеніе нашей торговли въ Черномъ морѣ.

Я скажу только то, что касается арміи и администраціи этихъ 3-хъ завоеванныхъ провинцій.

Одно содержаніе арміи стоило Россіи около 30 мил. рублей въ

---

[1]) Изъ 7 генералъ-аншефовъ, командовавшихъ арміей въ теченіе 7 лѣтъ, я одинъ не имѣлъ времени сдѣлать столько глупостей, какъ другіе.

[2]) Въ кампаніяхъ 1806, 1807, 1811 и 1812 г. г. мы имѣли не болѣе 40.000 въ строю; въ 1808, 1809 и 1810 г. г. мы ихъ имѣли болѣе 120.000.

[3]) Вотъ перечень генераловъ, которыхъ потеряла армія: Генералъ-маіоры: Ставицкій, Попандопуло, Сиверсъ, Новицкій, Гинкель—убиты. Главнокомандующіе: Князь Прозоровскій, Михельсонъ, графъ Н. Каменскій.— Генералъ-лейтенанты: Князь Суворовъ, князь Гика.—Генералъ-маіоры: Герардъ, Мичуринъ, Фреденъ, Уланіусъ, Ловейко, Вайновичъ, Потаповъ, Ребиндеръ, Жилинскій, графъ Цукато, Бергеръ, Шлеттеръ, Перскій, Давыдовъ, Исаевъ, князь Василій Долгоруковъ,—умерли или погибли по случайности. Изъ нихъ Попандопуло, гр. Сиверсъ, Новицкій, Жераръ, Уланіусъ, гр. Цукато, Исаевъ и Шлеттеръ—были громадными потерями для арміи 22-ая дивизія, которой я командовалъ, потеряла одна 254 офицера и 10.160 солдатъ.

годъ; страшныя злоупотребленія и постыдныя воровства въ госпиталяхъ, въ коммисаріатѣ также и изъ запасовъ, поглощали большую часть суммъ изъ государственной кассы.

Тогда какъ, если бы наши служащіе иначе относились бы къ администраціи и больше бы думали о благѣ ввѣренныхъ имъ провинцій, нежели бы пользовались всѣмъ сами, то страна могла бы не только покрыть всѣ издержки арміи, но даже бы пополнять нашу казну, какъ я уже замѣтилъ.

Французы и особенно австрійцы, чудные администраторы, не преминули воспользоваться этимъ въ войну 1788 г. Если бы эти двѣ провинціи были бы управляемы людьми изъ той или другой націи и не были предаваемы невѣжеству, алчности, безнравственности ихъ бояръ, онѣ легко могли бы давать 3 мил. дукатовъ въ годъ.

Таможни въ Малой Валахіи, Бессарабіи, Галацѣ и въ Силистріи, которыя въ продолженіе 5 лѣтъ совсѣмъ не эксплоатировались, или вѣрнѣе были забыты, могли бы приносить ежегодно до 500.000 дукатовъ.

Одни бы соляные заводы въ Бессарабіи могли бы приносить губерніи 20 или 30 мил., если бы были хорошо управляемы. Сначала они были разграблены арміей, потомъ Диванъ Молдавіи установилъ самыя низкія цѣны, а затѣмъ Тучковъ удалилъ или напугалъ всѣхъ появлявшихся промышленниковъ и пользовался почти всѣмъ самъ.

Генералъ Милорадовичъ, которому было поручено управлять обѣими Валахіями, велъ финансовыя дѣла Императора, какъ свои собственныя. Онъ позволялъ своимъ фаворитамъ и окружающимъ его валахамъ и грекамъ дѣлать все, что имъ угодно, и весь доходъ съ таможенъ переходилъ въ руки разнымъ разбойникамъ Филипеско, Факази и др.

Въ 1809 г. Безакъ и Корнелли скупили всю рожь въ Болгаріи и собрали всѣ доходы Галацкихъ таможенъ, а то, что не было взято ими, было промотано другими. Корнелли воспользовался также доходами Силистріи въ 1811 г.; генералъ Зассъ, которому, впрочемъ, обязаны открытіемъ золотого источника и таможенъ Малой Валахіи, со своими друзьями Штрадманомъ, Косовскимъ и т. д. захватилъ болѣе 10.000 дукатовъ дохода съ этихъ таможенъ. Въ 1812 г. генералъ Кутузовъ вмѣсто того, чтобы учредить таможню въ Зимницѣ въ пользу Императора, представилъ денежную выгоду семьѣ своей маленькой султанши.

Во время перемирія 1807, 1808 и 1809 г.г. совершенно забыли воспользоваться огромнымъ доходомъ за провозъ товаровъ, который продолжался въ теченіе 2-хъ лѣтъ.

Я не подсчитываю особенно тщательно всей смѣты потерь, которыя вынесла Россія въ эту войну, какъ отъ неудачнаго выбора ея представителей, такъ и отъ ошибочныхъ ихъ дѣйствій, а также и отъ алчности ихъ агентовъ грековъ, валаховъ и др. Такихъ теперь можно насчитать 20 милліоновъ дукатовъ или 22 милліона рублей. Половины этой суммы было бы достаточно для содержанія арміи, 10 милліоновъ могли пойти въ Государственную кассу, а между тѣмъ я полагаю, что на наши 7 кампаній пошло болѣе 200 милліоновъ рублей.

Сообщилъ Е. Каменскій.

Заканчивая печатаніемъ записки Ланжерона, преисполненныя мѣстами высокаго историческаго интереса, редакція считаетъ долгомъ отмѣтить, что на тѣхъ страницахъ, гдѣ Ланжеронъ пишетъ о главнокомандующихъ русской арміей, дѣйствовавшей противъ турокъ, онъ очень часто не соблюдаетъ историческаго безпристрастія и сгущаетъ отрицательные отзывы о личности и дѣйствіяхъ того или другого главнокомандующаго.

Подробное изложеніе фактовъ заняло бы очень много мѣста, да и не входитъ въ задачу редакціи, и эта замѣтка появилась лишь потому, что записки касаются личности Кутузова и исторической оцѣнки его дѣйствій; теперь, по прошествіи столѣтія, событія эти могутъ получить вполнѣ безпристрастную оцѣнку.

Редакція печатаетъ безъ всякихъ сокращеній всѣ навѣты Ланжерона на Кутузова.

По словамъ Ланжерона, Кутузовъ всѣмъ своимъ успѣхомъ обязанъ только одному счастію. „Въ сущности, пишетъ онъ, его офицеры и его армія спасли обѣ Валахіи и плѣнили непріятельскую армію съ 70 пушками“.

Заключеніе мира въ апрѣлѣ 1812 года изображается въ запискахъ такимъ образомъ: „Счастье и тутъ помогло ему“...

„Къ нашему большему удивленію и радости миръ былъ заключенъ Кутузовымъ въ концѣ апрѣля“.—„Этотъ миръ будетъ для меня загадкой“. „Если бы, пишетъ Ланжеронъ, не постоянное счастье Россіи, а также и Кутузову, торжествовавшему при всѣхъ обстоятельствахъ“... „Миръ никогда бы не былъ заключенъ“.

По словамъ Ланжерона, ошибки Кутузова состояли въ томъ, что онъ „въ ноябрѣ мѣсяцѣ не подписалъ мира на полѣ сраженія“. Это было въ 1811 году, а 4 января 1812 года Ланжеронъ предложилъ Кутузову—„перейдя Дунай, взять Рущукъ“. На это Кутузовъ

не согласился и, какъ было сказано выше, въ апрѣлѣ 1812 г. заключилъ миръ.

Далѣе Ланжеронъ пишетъ: „Кутузовъ былъ осужденъ Дворомъ"— „Ему не дали ни чина фельдмаршала, ни ленты Св. Георгія I степени, которую онъ могъ просить по статуту".

Относительно расположенія Императора Александра I къ Кутузову Ланжеронъ пишетъ: „Императоръ никогда не выносилъ его".

При чтеніи сказаній Ланжерона невольно возникаетъ вопросъ, что же сдѣлалъ для Россіи этотъ, по словамъ Ланжерона, „пьянствующій и безпутный старикъ"?

Не входя въ разсмотрѣніе вопроса, на сколько эти грѣхи Кутузова вредили Россіи, мы совершенно безпристрастно можемъ сказать, что Кутузовъ въ апрѣлѣ 1812 года передъ вторженіемъ Наполеона сохранилъ въ полной цѣлости для Россіи всю Дунайскую армію (не потерявъ ни одного солдата на предлагаемый Ланжерономъ штурмъ Рущука) и заключилъ съ Турціей почетный для Россіи Бухарестскій миръ въ самое нужное и необходимое для отечества время.

Чтобы совершить эти великія дѣла несомнѣнно Кутузову мало было одного только счастья, и необходимы были очень многія другія качества, о которыхъ Ланжеронъ совсѣмъ не упоминаетъ.

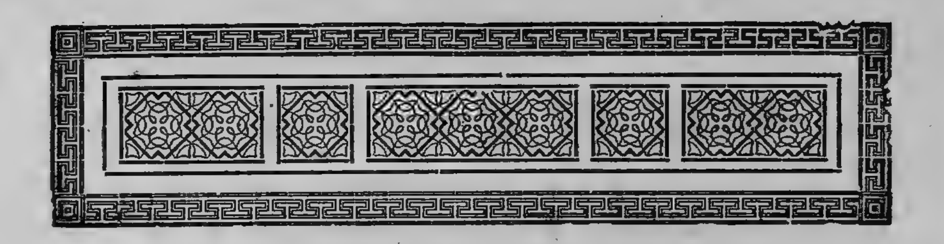
Отъ описываемыхъ Ланжерономъ событій прошло почти сто лѣтъ, и въ настоящее время врядъ-ли найдется человѣкъ, кто возьметъ камень и броситъ въ памятникъ Кутузову за то, что онъ сильно любилъ M-me Гуліани.

Въ самыхъ запискахъ Ланжерона не можемъ ли мы найти причины нерасположенія Ланжерона къ русскимъ главнокомандующимъ и въ особенности къ Кутузову.

Въ одномъ изъ примѣчаній въ окончаніи записокъ Ланжеронъ пишетъ: „Изъ семи генералъ-аншефовъ, командовавшихъ арміей въ теченіе 7 лѣтъ, я одинъ не имѣлъ времени сдѣлать столько глупостей, какъ другіе".

И при всемъ этомъ, прибавимъ мы, Ланжеронъ не былъ назначенъ главнокомандующимъ—не диктовало ли оскорбленное самолюбіе такіе оскорбительные и несправедливые отзывы о Кутузовѣ, закончившимъ почетнымъ и столь необходимымъ для Россіи миромъ много-лѣтнюю русско-турецкую войну.

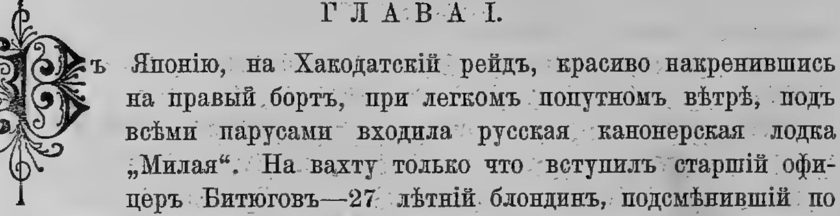
Ред.

„Міокоти-Санъ“.

Редакія помѣщаетъ эту статью, какъ рисующую характерныя черты стоянки нашихъ судовъ въ Японіи. *Ред.*

ГЛАВА I.

Въ Японію, на Хакодатскій рейдъ, красиво накренившись на правый бортъ, при легкомъ попутномъ вѣтрѣ, подъ всѣми парусами входила русская канонерская лодка „Милая“. На вахту только что вступилъ старшій офицеръ Битюговъ—27 лѣтній блондинъ, подсмѣнившій по правиламъ (предъ входомъ на рейдъ и постановкою на якорь вахтою правитъ старшій офицеръ), мичмана Бирюлькина. Кромѣ этихъ двухъ офицеровъ былъ командиръ Леонидъ Константиновичъ Герасъ, энергичный мужчина, „старый“ лейтенантъ, ожидавшій на-дняхъ производства въ штабъ-офицерскій чинъ, былъ еще штурманскій подпоручикъ Поэтовъ, механикъ Ивановъ 116-й и докторъ Бумбергъ. Команды было весемьдесятъ человѣкъ, считая въ томъ числѣ 2 боцмановъ, унтеръ-офицеровъ и „чиновниковъ“: фельдшера, шкипера—завѣдывавшаго запаснымъ вооруженіемъ и баталера, завѣдывавшаго подъ руководствомъ „ревизора“ мичмана Бирюлькина, хозяйственною частію. По командѣ старшаго офицера паруса были быстро убраны, и отданный якорь потащилъ за собою чугунную цѣпь, которая, подпрыгивая и стуча звеньями по палубѣ, бурчала, словно сердилась, что ее обезпокоили изъ ея логова. Когда канонерка остановилась, и носъ ея всталъ противъ вѣтра, то подняли кормовой флагъ, а на бушпритѣ поставили флагъ-гюйсъ.

Командиръ въ полной парадной формѣ съ рапортомъ, заложеннымъ за бортъ мундира, отправился на спущенномъ уже вельботѣ на русскій „станціонеръ“ лодку „Журъ“, стоявшую между станціонерами—судами другихъ націй. Леониду Константиновичу тяжело

было ѣхать съ рапортомъ къ командиру лодки „Журъ“, такъ какъ командиръ этотъ былъ двумя годами младше Гераса по выпуску изъ корпуса, но почему-то произведенъ уже въ капитанъ-лейтенанты, но Леонидъ Константиновичъ ничѣмъ не выдалъ своего неудовольствія и почтительно отрапортовалъ о прибытіи лодки „Милой“ на смѣну лодки „Журъ“, а также и о состояніи здоровья ввѣренныхъ ему г.г. офицеровъ и команды, и только отказался отъ предложеннаго ему завтрака и отправился дѣлать визиты командирамъ иностранныхъ военныхъ судовъ. Должно быть, у нихъ онъ отъ завтраковъ и угощенія не отказывался, такъ какъ вернулся на свою „Милую“ только къ 8-ми, къ спуску флага и прошелъ прямо къ себѣ въ каюту. Чрезъ нѣсколько минутъ изъ капитанской каюты вышелъ „чистякъ“ вѣстовой съ серебряной серьгой въ лѣвомъ ухѣ, неся для чистки снятый мундиръ и прочія принадлежности; проходя мимо вахтеннаго унтеръ-офицера, лукаво подмигнулъ ему. Унтеръ улыбнулся, сплюнулъ и какъ-то особенно аппетитно обтеръ ротъ своею корявою ладонью.

Мичманъ же Бирюлькинъ послѣ отъѣзда командира испросилъ разрѣшеніе у старшаго офицера отправиться на берегъ для закупки въ каютъ-компанію свѣжей провизіи, переодѣлся во все новое и въ сопровожденіи буфетчика, на „четверти“ отправился на берегъ.

Какъ только онъ выскочилъ изъ шлюпки на пристань, его обступили „поставщики“ мяса, булокъ, зелени и т. п. припасовъ необходимыхъ для обѣдовъ офицерской каютъ-компаніи. Подошелъ и „переводчикъ“, онъ же и „чичероне“ и предложилъ свои услуги молодому мичману. Бирюлькинъ скоро закупилъ необходимую провизію на слѣдующій день, а поставщикамъ предложилъ пріѣхать на „лодку“ и тамъ установить на все цѣны съ согласія командира. Отпустивъ буфетчика съ провизіей на „Милую“, Бирюлькинъ почувствовалъ себя свободнымъ, но на всякій случай, приказалъ буфетчику отвѣтить г-ну командиру, если его спросятъ о томъ, гдѣ ревизоръ, то чтобы онъ сказалъ, что разсматриваетъ разные припасы и уговаривается съ поставщиками. Вслѣдъ за чичероне японцемъ Саки-санъ, Бирюлькинъ шелъ по гористымъ узенькимъ улицамъ, при чемъ Саки-санъ оглядывался на него и смотрѣлъ, какъ дрессированная лягавая собака, улавливающая каждый жестъ своего хозяина и ведущая его увѣренно прямо къ выводку.

— Сичасъ буде Русско отель Шопено-сано, говорилъ Саки-санъ, поднимаясь на двѣ ступеньки каменной лѣстницы, тянувшейся поперекъ всей улицы.

И дѣйствительно, перепрыгнувъ чрезъ эти двѣ ступеньки и пройдя нѣсколько шаговъ, Бирюлькинъ увидѣлъ одноэтажный ка-

менный домъ европейской постройки. Было два хода съ улицы. Надъ однимъ была вывѣска, на которой по-русски было написано: ресторанъ, и вывѣска эта освѣщалась бумажнымъ фонаремъ въ три цвѣта: бѣлаго, синяго и краснаго; а надъ другимъ входомъ висѣлъ громадныхъ размѣровъ бѣлый фонарь, на которомъ было написано тушью что-то по-японски.

Войдя въ первый подъѣздъ, Бирюлькинъ вошелъ въ обширную комнату, освѣщенную стѣнными керосиновыми лампами. Обстановка была какъ въ ресторанѣ „средней руки". Вдоль поперечной стѣны тянулась буфетная стойка, уставленная всевозможными закусками, а за нею оставался свободный проходъ, высился красивый большой лакированный шкафъ японской работы безъ дверецъ. По полкамъ разставлены были бутылки съ винами, а на выступающихъ этажеркахъ стояли великолѣпныя японскія вазы съ живыми благоухающими цвѣтами. За буфетомъ стоялъ благообразный высокаго роста среднихъ лѣтъ мужчина, одѣтый въ черный сюртукъ, бѣлый пикейный жилетъ и въ сѣрыя брюки съ лампасами. На ногахъ были лакированныя ботинки. Въ петлицу сюртука была воткнута свѣжая чайная роза, а по жилету змѣилась шейная золотая цѣпь, на которой былъ укрѣпленъ массивный хронометръ. Это и былъ хозяинъ ресторана Вадимъ Вадимовичъ Шопинъ, бывшій крѣпостной человѣкъ одного лейтенанта, прибывшій въ Японію вмѣстѣ съ бариномъ въ февралѣ 1861 года, только что окончивши курсъ подмастерья у цехового кронштадтскаго портного, и взятый бариномъ въ заграничное плаваніе на должность камердинера.

Какъ только на судно, стоявшее въ Хакодате, пришла почта и принесла вмѣстѣ съ казенными пакетами, частными письмами и манифестъ объ освобожденіи крестьянъ, по окончаніи торжественнаго богослуженія былъ прочитанъ манифестъ, и когда команда была распущена, то Вадимъ подошелъ къ барину и сталъ просить отпустить его сейчасъ же на волю, такъ какъ онъ „хотя и получилъ образованіе у цехового Тѣглева, но въ дворовые не записанъ, а числится ревизскою душею, т. е. крестьяниномъ". Баринъ не только что не разсердился на Вадьку, но подарилъ Вадиму сто рублей, все свое старое статское платье и даже позволилъ взять поношенное бѣлье и пикейный жилетъ, но все же, когда въ день съѣзда Вадима на „берегъ", уже совсѣмъ, когда онъ подавалъ барину трубку съ бисернымъ чубукомъ и неловко подалъ для закуриванія фитиль, то получилъ отъ барина легкій тычокъ, на который, по привычкѣ, нисколько не обидѣлся.

Такъ вотъ этотъ-то Вадимъ Вадимовичъ съѣхалъ на берегъ и, пріютившись у японскаго портного, вскорѣ познакомился съ молодою

кухаркою, бывшей крѣпостною дѣвушкою русскаго консула Анфисою, и вскорѣ весьма разогорчилъ жену консула тѣмъ, что уговорилъ Анфису выйти за него замужъ. Подаренные бариномъ сто рублей, да скопленное Анфисой жалованье за нѣсколько мѣсяцевъ службы съ 19-го февраля, да кое-какія мелкія сбереженія составили капиталъ въ сто пятьдесятъ долларовъ, которые и послужили начальнымъ фондомъ для открытія гостиницы. Анфиса прекрасно готовила кушанья и угождала вкусу всѣхъ иностранцевъ, прибывающихъ въ портъ Хакодате, при посѣщеніи ими консула, а на свободѣ она еще болѣе развернулась, взяла къ себѣ изъ-за хлѣба двухъ японскихъ дѣвушекъ, а Вадимъ Вадимовичъ—двухъ японцевъ мальчиковъ, и супруги стали пріучать азіатовъ къ ресторанному дѣлу. Господа Шопинъ, какъ нечисто выговаривали японцы фамилію или прозвище хозяевъ, стали пользоваться уваженіемъ и мѣстнаго населенія, и въ скоромъ времени бывшіе крѣпостные Вадька и Анфиска зажили жизнію помѣщиковъ, а чрезъ десять лѣтъ, ко времени прибытія лодки „Милой“, имѣли уже собственный домъ, въ которомъ помѣщались Европейскій ресторанъ и Японскій „чайный домъ“. Чичероне Саки-санъ одновременно съ Бирюлькинымъ вошелъ въ гостиницу, но только въ другой подъѣздъ.

Какъ только Бирюлькинъ сѣлъ за мраморный столикъ, изъ-за стойки неторопливыми шагами подошелъ къ нему хозяинъ и, поклонившись по-крестьянски, сказалъ: „съ благополучнымъ прибытіемъ, ваше благородіе... Не прикажете ли подать чего-нибудь покушать? Вотъ и карточка кушаній и винъ. Будьте спокойны, все будетъ въ аккуратѣ“.

Бирюлькинъ просмотрѣлъ карточки и изумился количеству перечисленныхъ названій блюдъ на русскомъ, французскомъ, англійскомъ, шведскомъ, итальянскомъ и датскомъ языкахъ, при чемъ цѣны были выставлены баснословно дешевыя. Заказавъ любимыя блюда и бутылку старой „Марсалы“, онъ вскорѣ уже съ аппетитомъ уничтожалъ подаваемыя кушанья, запивая ихъ стаканами душистой марсалы.

Когда ужинъ былъ конченъ, то хозяинъ снова подошелъ къ нему и предложилъ послушать игру и пѣніе японскихъ гейшъ. Былъ девятый часъ вечера, и Бирюлькинъ, сообразивъ, что до полночной его вахты оставалось еще три свободныхъ часа, изъявилъ свое согласіе и въ сопровожденіи японца-лакея, прислуживавшаго ему за столомъ, не выходя на улицу, внутреннимъ ходомъ прошелъ въ японское отдѣленіе ресторана. Тамъ горѣлъ одинъ фонарь, тускло освѣщая обширную залу, по стѣнамъ которой были расположены мягкія оттоманки, обтянутыя шелковыми матеріями цвѣта „кремъ“.

Служитель захлопалъ въ ладоши, и нѣсколько вбѣжавшихъ мальчиковъ быстро зажгли разноцвѣтные фонари, придавшіе комнатѣ иллюминованный видъ. Когда служитель и мальчики удалились, передъ Бирюлькинымъ одна за другой прошли десять дѣвушекъ, одѣтыхъ въ свободныя закрытые керомоны изъ прозрачной шелковой матеріи, съ инструментами въ рукахъ, въ родѣ мандолинъ, и стали ихъ настраивать.

Въ это время къ Бирюлькину подошла одна изъ гейшъ, сѣла на оттоманку рядомъ съ нимъ и, подстраивая свой инструментъ, спросила:

— Слюша, голубчикъ, Бутыгинъ-санъ пришла на твой лодка?

— Нѣтъ, Бутыгинъ не пришелъ, онъ еще въ прошедшемъ году уѣхалъ въ Россію—и при этомъ посмотрѣлъ на сидящую рядомъ съ нимъ гейшу.

Лицо дѣвушки стало печально, но всматривавшійся въ нее Бирюлькинъ, несмотря на румяна и бѣлила, толстымъ слоемъ наложенныя на ея щеки, губы и уши, уродующія ея лицо, увидѣлъ замѣчательную красавицу.

Гейша встала и хотѣла уйти въ хоръ, разсѣвшійся по-японски на полу.

— Послушай!—остановилъ ее Бирюлькинъ.

— Какъ тебя зовутъ?

— Міокоти-санъ,—полуоборачиваясь, отвѣтила дѣвушка.

— Такъ вотъ что, Міокоти,—говоритъ Бирюлькинъ, вставая съ оттоманки и идя въ слѣдъ за Міокотой.—Если ты теперь не замужемъ, то выходи за меня—мы простоимъ цѣлый годъ. Міокоти остановилась, повернулась къ нему лицомъ и съ грустью сказала: „Что жъ! Русски очень добро... Я ошень любилъ Бутыги-санъ и все жидалъ его, котѣлъ казать маленько мальчишко его сынъ... А онъ голюбчикъ уѣкалъ... Богъ съ нимъ... Нашъ гейша люби русски... прикажи писать контра“, и съ послѣдними словами вышла изъ комнаты. По знаку гейши, сидѣвшей впереди другимъ, сидѣвшихъ въ линію, весь хоръ ударилъ по инструментамъ, и дребезжавшія струны уныло запѣли. Въ комнату вошелъ лысый старикъ-японецъ, припадая, кланяясь и издавая ртомъ привѣтственное шипѣніе, онъ подвелъ за руку Міакоти-санъ къ сидѣвшему на оттоманкѣ Бирюлькину, посадилъ ее рядомъ съ нимъ, а затѣмъ вынулъ изъ кармана написанную по-японски бумагу, походную чернильницу и европейское перо, подалъ все это Бирюлькину для подписанія. Это былъ контрактъ, въ которомъ было сказано: что японская гражданка Міокоти-санъ вступаетъ съ сего часа въ супружество съ русскимъ офицеромъ Бирюлькинымъ срокомъ на одинъ мѣсяцъ за пятнадцать дол-

ларовъ въ мѣсяцъ, но что контрактъ можетъ быть возобновленъ за ту же цѣну и на будущее неопредѣленное время... Міокоти-санъ можетъ быть и совершенно свободна, если единовременно будетъ внесена плата въ двѣсти долларовъ. Полное содержаніе, какъ-то: помѣщеніе, столъ и одежду, соотвѣтствующую японской гражданкѣ низшаго класса, онъ, Бирюлькинъ, во все время контракта, обязанъ доставлять Міакоти-санъ безъ всякаго задержанія впередъ за мѣсяцъ.

Какъ только своеобразный контрактъ этотъ былъ подписанъ и деньги 200 долларовъ внесены, то хозяинъ подалъ знакъ гейшѣ, которая, быстро вскочивъ на ноги, стала граціозно раскачиваться туловищемъ, подыгрывая себѣ въ тактъ на своихъ струнныхъ инструментахъ. Не слушая ихъ игру, Бирюлькинъ заплатилъ хозяину за вызовъ всѣхъ гейшъ, и вмѣстѣ съ Міокотой-санъ, одѣтой уже въ обыкновенный костюмъ и смывшей съ себя бѣлила и румяна, отправился на улицу.

Откуда-то явился чичероне Саки-санъ и заявилъ, что по сосѣдству отдается особнякъ за три доллара въ мѣсяцъ съ прислугой, умѣющей готовить японскія кушанья.

— Ну, иди впередъ... показывай намъ особнячекъ,—сказалъ весело Бирюлькинъ, ведя подъ руку, по-европейски, скромно опиравшуюся Міокоти. Наемъ совершился въ нѣсколько минутъ, и новобрачные вступили въ обыкновенный японскій домикъ, гдѣ уже былъ зажженъ фонарь, а по срединѣ пола стояла жаровня, и надъ ней висѣлъ чугунный котелокъ, подвѣшенный на цѣпь, укрѣпленную въ потолкѣ. Котелокъ могъ опускаться и подниматься на цѣпи, ходящей по двумъ шкивамъ, какъ у насъ опускаются и поднимаются столовыя лампы.

Заплативъ чичероне за услуги и отдавши хозяину дома плату за мѣсяцъ впередъ, Бирюлькинъ посмотрѣлъ на часы и увидѣлъ, что безъ четверти одиннадцать, слѣдовательно, до полночной вахты оставалось часъ съ четвертью. Разсчитавъ, что еще полчаса онъ можетъ посвятить на разговоры съ женой, онъ рѣшилъ остаться. Міокоти-санъ привычною рукою засыпала въ кипящій котелокъ чаю, который достала изъ миніатюрнаго лакированнаго шкафика, оттуда же взяла двѣ чашки и черпачкомъ налила обѣ чашки чаю. Затѣмъ, стоя на колѣняхъ, поклонившись Бирюлькину, подала ему налитую чашку, а затѣмъ стала пить и изъ своей. Напившись чаю и поговоривъ съ женой, Бирюлькинъ посмотрѣлъ на часы. Стрѣлка стояла на половинѣ двѣнадцатаго. Быстро вскочивъ и одѣвъ китель, Бирюлькинъ наскоро поцѣловалъ Міокоти, которая поспѣшила отворить выходную дверь, и выглянувшая на небѣ луна обрисовала красивую японку, обнимающую за шею русскаго офицера.

Бирюлькинъ со скоростью заводскаго рысака помчался на пристань и черезъ пять минутъ сидѣлъ уже въ шампункѣ, которая подъ напоромъ кормоваго весла, управляемаго крѣпко-сложеннымъ японцемъ, неслась по рейду съ быстротою призовой гички, и когда на „Милой" начали бить склянки, то съ послѣднимъ восьмымъ ударомъ колокола, Бирюлькинъ уже входилъ на палубу, взобрался на мостикъ и смѣнилъ съ вахты скучающаго Поэтова. На вахту онъ не опоздалъ. На вахтѣ Бирюлькинъ простоялъ до 4 ч. утра, а съ 4 часовъ вступилъ Битюговъ.

ГЛАВА II.

Во время продолжительныхъ стоянокъ „станціонеровъ" мелкихъ судовъ въ родѣ канонерской модки „Милая", было неоффиціально установлено, чтобы г.г. офицеры дежурили по-суточно и такъ, чтобы всегда оставался на суднѣ еще офицеръ, наканунѣ стоявшій сутки на вахтѣ, а потому на „Милой" на другой день прихода съ утра долженъ былъ вступить на дежурство мичманъ Бирюлькинъ, на берегъ могъ „съѣхать" только одинъ Битюговъ, но добродушный Герасъ разрѣшилъ и прапорщику Поэтову „съѣхать на берегъ", оставивъ на случай стараго боцмана, да и самъ ожидалъ отвѣтнаго визита командира русскаго станціонера и нѣкоторыхъ изъ командировъ иностранныхъ судовъ; а потому волей неволей долженъ былъ оставаться „дома".

Докторъ вообще не шелъ въ счетъ, такъ какъ трудно больныхъ отвозили въ береговые лазареты, а съ ушибами и легкими болѣзнями могъ справиться и фельдшеръ, который былъ всецѣло въ вѣдѣніи судового доктора. Вотъ почему и сложилась пословица: что на кораблѣ хорошо жить: попу, коту и доктору.

Но тѣмъ не менѣе Ѳедоръ Ѳедоровичъ баронъ Бумбергъ рѣдко съѣзжалъ на берегъ и если съѣзжалъ, то призываемый къ какому-нибудь больному, такъ какъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ полгода тому женился и ушелъ въ плаваніе только для того, чтобы накопить деньжонокъ. Онъ не брезговалъ лѣченіемъ и купцовъ и даже простонародья, если ему могли заплатить, и иногда онъ возвращался съ берега съ поросенкомъ или нѣсколькими парами куръ или утокъ, и все это продавалъ Бирюлькину, завѣдывающему офицерскимъ столомъ.

Вымытый, раздушенный, въ бѣломъ кителѣ и жилетѣ вышелъ на палубу старшій офицеръ Владиміръ Николаевичъ Битюговъ, и за нимъ плелся прапорщикъ Поэтовъ, шепча что-то губами. Фамилія „Поэтовъ" весьма подходила къ штурманскому прапорщику, такъ какъ онъ, и при свистѣ вѣтра, и при шумѣ волнъ, стоя на вахтѣ,

или будучи свободнымъ, постоянно сочинялъ стихи и все больше къ „ней“.

Красотой своей, японка,
Ты блестишь, какъ въ полночь звѣзда
Вѣдь ты прекрасна словно джонка [1]).
И я

Вотъ и теперь, садясь въ шлюпку для отъѣзда на берегъ, онъ сочинялъ мысленно стихи къ „ней“, то-есть къ той красавицѣ японкѣ, которая согласится быть его женой.

Три строчки были уже сложены:

О! ты прекрасная японка!
Ты блестишь, какъ въ полночь звѣзда,
Вѣдь ты красива, словно джонка.

„И я.....“ но къ слову звѣзда Поэтовъ никакъ не могъ подобрать соотвѣтствующей рифмы. Выходило какъ-то неблагозвучно то: „гнѣзда“, то „мзда“, то „ѣзда“, вообще полнѣйшая ерунда, и онъ утѣшалъ себя только тѣмъ, что искомая риѳма непремѣнно найдется, какъ только онъ сочетается бракомъ по японскимъ законамъ.

Въ это же самое время Міокоти-санъ, оставившая наканунѣ вечеромъ своего годовалаго сына на попеченіе прислужницы старой японки, поспѣшила въ помѣщеніе гейшъ и стала собирать принадлежащія ей вещи. Нанятый ею носильщикъ уже вынесъ ея узлы и укладывалъ въ телѣжку, а она закутывала своего Володю-сана въ новенькій керомонъ яркаго цвѣта, чтобы отнести его послѣ перевозки вещей къ своей вдовѣ-матери, живущей съ другой дочерью на другомъ концѣ о-ва.

Опоясывая изящнымъ кушачкомъ талію ненагляднаго сынишки, она вдругъ вздрогнула, ноги ея подкосились, и она сѣла на тюфякъ, разостланный на полу, гдѣ сидѣлъ ея мальчикъ.

Изъ корридора, соединяющаго Европейскій ресторанъ съ Японскимъ отдѣленіемъ, слышался все ближе и ближе пріятный теноръ, который съ манерой опернаго пѣвца напѣвалъ: О! Міокоти! О! Міокоти! Приди!! Приди!!!

Это пѣлъ Битюговъ, знавшій всѣ выходы и входы ресторана господъ Шопиныхъ.

— О Будда! что же теперь будетъ? Вѣдь тотъ вчера обманулъ меня, сказавъ, что Володя уѣхалъ въ Россію,—думала Міокоти, поднимая мальчика на руки и вынося его въ общую залу, въ которую уже входилъ Владиміръ Николаевичъ Битюговъ.

---

[1]) Джонка—японское грузовое судно.

Посадивъ ребенка на оттоманку, Міокоти бросилась на шею возлюбленному Володѣ, цѣловала его лицо, руки, полы кителя и затѣмъ подвела къ ребенку и, указывая на него, сказала: „это тоже Володя-санъ, это твой“... и затѣмъ, склонивъ голову къ колѣнамъ, горько заплакала.

— О чемъ это? Міокоти? Перестань, милочка. Вѣдь я сдержалъ слово, опять пріѣхалъ... страхъ какъ старался попасть на станціонера... ну, не плачь, голубушка, милая ты моя женушка!..

Но Міокоти-санъ, продолжая плакать, разсказала, какъ вчера ее обманулъ русскій офицеръ и что ей теперь стыдно и на людей-то будетъ смотрѣть... „Никто вѣдь не слыша какъ я спросилъ, пріѣхалъ ли ты?“

Битюговъ нахмурился, но чрезъ мгновеніе лицо его просвѣтлѣло, и онъ на одну руку посадилъ ребенка, который успокоившись сталъ играть золотымъ погономъ отца, а другою обнялъ за талію молодую женщину. Такъ просидѣли нѣсколько минутъ въ полномъ молчаніи.

Но жизнерадостный Владиміръ Николаевичъ вспомнилъ, что на Европейской половинѣ ресторана томится прапорщикъ Поэтовъ, которому онъ обѣщалъ показать достопримѣчательности Хакодате, и спросилъ Міокоти, можно ли идти къ ея матери и привести съ собою товарища.

— Это не вчерашне глюпи?—спросила Міокоти, широко раскрывая свои красивые глаза.

— Нѣтъ, не вчерашній, вчерашняго ты, навѣрно могу сказать, что никогда не увидишь, а это новый, недавно произведенный въ офицеры.

— Что жь, пойдемъ къ мамѣ, если онъ не мѣшае,—отвѣтила Міокоти.

— Если онъ хорошъ человѣкъ, будетъ жениться на мой сестра... Помнишь мой сестра? О! онъ теперь выросла, хотѣлъ на дняхъ поступать на гейши...

— Вотъ и отлично,—сказалъ Битюговъ и послалъ служителя за Поэтовымъ.

Вскорѣ явился и Поэтовъ, тащимый за фалду кителя посланнымъ мальчикомъ японцемъ. Тогда всѣ трое съ ребенкомъ на рукахъ у Міокоти-санъ отправились въ родной домъ Міокоти, а носильщикъ вслѣдъ за ними везъ ея имущество въ 2-хъ колесной телѣжкѣ.

Публика, однообразно одѣтая въ чистые керомоны съ нѣкоторымъ разнообразіемъ въ цвѣтахъ матерій, изъ которыхъ были сдѣланы женскіе костюмы, однообразныя прически у женщинъ, выбритыя головы мужчинъ и мальчиковъ, по срединѣ черепа которыхъ

шла накладка—коса, густо намазанная какою-то помадою, въ видѣ валика, перпендикулярно отрѣзаннаго у начала лба, голыя ноги, одѣтыя въ сандаліи, совершенно голыя тѣла съ обернутыми бедрами синей бумажной матеріей, веселыя лица, размахиванье руками при ходьбѣ, въ одной изъ которыхъ непремѣнно находился соломенный зонтикъ, придавали улицѣ оживленный видъ.

На болѣе открытыхъ мѣстахъ, не застроенныхъ лавками съ рисомъ, бакалеей, сушеной рыбой и морской капустой, матеріями и т. п. товарами, стояли на каменныхъ невысокихъ фундаментахъ чугунные очаги, на которыхъ поджаривались безъ масла разныя овощи, быстро переворачиваемыя на раскаленныхъ плитахъ. Вокругъ группировалось бѣднѣйшее населеніе и на одну желѣзную монету кашъ [1]) покупали по ломотку картофеля, моркови, рѣпы и т. п. поджаренныхъ овощей. Изрѣдка въ этой части улицы проходилъ голый торговецъ, обвязанный вокругъ пояса синей матеріей и громко предлагавшій свой товаръ: „сабай-са-абай". Это былъ торговецъ мелкаго вермишеля, вывареннаго въ молокѣ и въ жидкомъ видѣ помѣщавшагося въ боченкѣ, который продавецъ носилъ у себя за спиною.

На болѣе открытыхъ мѣстахъ, площадяхъ, на деревянныхъ столбахъ были устроены платформы, а на платформахъ стояли деревянные чаны съ проточною водою. Публика, одѣтая въ керомоны или только опоясанная вокругъ бедръ синей матеріей, входила по лѣстницамъ на платформы, спокойно раздѣвалась и безъ различія пола и возраста освѣжала свое тѣло. Одѣвшись, не спѣша продолжали свой путь.

Міокоти-санъ тоже пожелала выкупаться и, взявъ съ собою Володю-сана, вошла по лѣстницѣ и вмѣстѣ съ сыномъ окунулась въ чанъ. Туда же полѣзъ и голый носильщикъ, везшій въ тележкѣ ея вещи. Купанье стоило одно кашъ съ каждаго лица, шедшее въ пользу города.

Наконецъ компанія наша добралась до обрывистаго берега, на которомъ было рѣдко разбросано нѣсколько японскихъ домиковъ—особнячковъ, и изъ одного изъ нихъ, навстрѣчу компаніи, быстро бѣжала дѣвушка лѣтъ 15-ти, весьма похожая на Міокоти-санъ. Поцѣловавшись съ сестрой и племянникомъ, она хотѣла поцѣловать руку у Владиміра Николаевича, но тотъ обнялъ ее по-братски и поцѣловалъ. Красная отъ полученной чести, происшедшей на глазахъ японской публики, Сали-санъ степенно поклонилась Поэтову и носильщику. Прошло мгновеніе, и пятки дѣвушки замелькали въ

---

[1]) Серебряная ицыбу = 40 темпъ, мѣдная 1 темпа = 100 кашъ.

воздухѣ. Она съ быстротою лани летѣла къ дому, на порогѣ котораго стояла пожилая женщина, улыбаясь во весь ротъ и тѣмъ показывая свои зубы, выкрашенные въ черный цвѣтъ.

Съ приближеніемъ офицеровъ и дочери она все ниже и ниже присѣдала и все громче и громче шипѣла въ знакъ почтенія и удовольствія. Владиміръ Николаевичъ и ее поцѣловалъ, а Поэтовъ отдалъ честь по-военному. По приглашенію хозяйки вошли въ домъ. Миловидная Сали-санъ успѣла уже сдѣлать нѣкоторыя приготовленія къ пріему. Первымъ ея дѣломъ было передвинуть по шарнирамъ легкія рамы-перегородки, оклеенныя непрозрачной бумагой, и такимъ образомъ раздѣлить домъ на четыре неравныя части: пріемную комнату для Міокоти-санъ, комнаты для себя и матери и кладовую.

Въ пріемной комнатѣ успѣла желѣзными когтями разгрести разноцвѣтныя раковины и камешки, окружавшіе на полу очагъ, налила воды въ чугунчикъ, положила въ жаровню углей и поставивъ вокругъ очага нѣсколько низенькихъ лакированныхъ столиковъ, вынула миніатюрныя чашки для чая.

Владиміръ Николаевичъ предоставилъ Поэтову, Сали-санъ и ея матери чаевать, а самъ съ Міокоти-санъ и сыномъ вошелъ въ предназначенную для нихъ комнату, въ которой стояла его складная кровать, письменный столъ, кресло и умывальникъ. Оконъ не было, какъ и въ другихъ комнатахъ, и дневной свѣтъ въ изобиліи изливался сквозь бумагу и рѣдкія соломенныя сторы, укрѣпленныя снаружи дома. Соломенныя сторы были и внутри, но болѣе легкія и въ настоящее время поднятыя къ верху.

Поэтовъ, снявъ фуражку и положивъ ее около себя на полъ, никакъ не могъ справиться съ ногами, такъ какъ съ дѣтскаго возраста отвыкъ уже сидѣть на полу, а потому принималъ комическія позы и конфузился. Конфузилась и Сали-санъ, сидѣвшая vis-à-vis съ прапорщикомъ, опустивъ глаза, опушенныя длинными рѣсницами, и иногда лукаво взглядывала на штурмана, не могшаго справиться съ ногами такъ же хорошо, какъ онъ управлялся съ рулемъ. Скрестивъ ноги по-турецки, онъ крѣпко прижималъ ихъ своимъ туловищемъ, но скользкіе сапоги при малѣйшемъ движеніи выскакивали и шурша по песку и раковинамъ обсыпали Сали-санъ пылью. Дѣвушка не выдержала и стала громко смѣяться. Вошелъ Владиміръ Николаевичъ съ Міокоти-санъ и Володенькою, который хотя не крѣпко держался на ножкахъ, но все же умѣлъ уже ходить. Битюговъ, увидѣвъ комичное положеніе Поэтова, сказалъ: „эй ты, братецъ какой—не могъ поддержать честь націи. Смотри на меня... Видишь, я безъ сапогъ, такъ и ты снимай сапоги и садись уже смѣло“.

Поэтовъ, видя, что Битюговъ дѣйствительно былъ безъ сапогъ, конфузливо снялъ свои ботинки и дѣйствительно усѣлся довольно удобно.

Въ это время Міокоти-санъ, ея мать и Сали-санъ вели оживленный разговоръ на японскомъ языкѣ. Пострекотавъ минуты двѣ, онѣ должно быть пришли къ совершенному соглашенію, и Міокоти-санъ, обращаясь къ Владиміру Николаевичу, сказала: „ты говори ему“.

Владиміръ Николаевичъ, взглянувъ въ слѣдъ уходившей Сали-санъ, сказалъ Поэтову.—Ну что, Васенька; хочешь жениться? у насъ товаръ, а ты теперь самъ купецъ. Если нравится тебѣ Сали-санъ, то сейчасъ же и свадьбу отпразднуемъ. Да отвѣчай же! чего сконфузиться, какъ красная дѣвица! продолжалъ онъ. Поэтовъ усмѣхнулся и утвердительно кивнулъ головою.

Былъ позванъ уличный писецъ, который за ицыбу, т. е. за сорокъ копѣекъ, написалъ брачный контрактъ, передалъ его матери и, поклонившись присутствующимъ, присѣдая, вышелъ на улицу, весьма довольный такимъ большимъ заработкомъ. Владиміръ Николаевичъ съ семьею и мать дѣвушки вышли изъ комнаты, и чрезъ нѣсколько мгновеній послышался шумъ передвигаемыхъ перегородокъ—это комнату матери и кладовую дѣлили на три комнаты, оставляя для кладовой и комнаты матери очень узкія пространства. Въ пріемную вошла Сали-санъ и поклонилась въ ноги Василія Васильевича, сидящаго въ носкахъ, при чемъ изъ одного предательскаго носка выглядывалъ бѣлый мизинецъ ноги съ чисто обточеннымъ ногтемъ. Василій Васильевичъ набрался храбрости, поднялъ станъ лежавшей неподвижно дѣвушки и крѣпко ее поцѣловалъ прямо въ губы. Сали-санъ отвѣтила робкимъ поцѣлуемъ. Вошли мать и Владиміръ Николаевичъ съ живыми цвѣтами въ рукахъ и обсыпали ими новобрачныхъ.

Позвали посыльнаго, Битюговъ быстро написалъ по-русски записку, въ которой были перечислены блюда и вина, и приказалъ ее отнести въ ресторанъ господъ Шопиныхъ.

Затѣмъ занялись маленькимъ Володей, а Міокоти-санъ и Сали-санъ пошли въ комнату новобрачныхъ, гдѣ Міокоти-санъ посвятила сестру въ нѣкоторыя таинства замужней женщины.

Пообѣдали и разошлись отдохнуть по своимъ комнатамъ.

Вечеромъ были въ театрѣ, затѣмъ вернувшись мирно заснули въ своихъ комнатахъ, гдѣ къ Битюгову подошелъ чичероне Саки-санъ и объяснилъ, что вчера произошло недоразумѣніе: и такъ фамиліи перемѣшались, объяснилъ онъ, что онъ уже ѣздилъ на

„Милую“ и говорилъ съ господиномъ мичманомъ. Битюговъ далъ ему 5 долларовъ, чтобы тотъ замялъ это дѣло между японцами.

На другой день въ шесть часовъ утра за общимъ чаемъ всего семейства, Сали-санъ, сидя рядомъ съ мужемъ, все время не поднимая глазъ, смотрѣла на узоры раковинъ и камешковъ, окружавшихъ очагъ, а веселый и довольный Василій Васильевичъ такъ и сыпалъ риѳмами. Способность эта у него проявилась послѣ вчерашняго обильнаго обѣда.

Послѣ чая пошли всѣ провожать Василія Васильевича на пристань, гдѣ долго еще оставалась Сали-санъ, провожая глазами шампунку, на которой уѣхалъ ея мужъ. „Такъ и полетѣла бы за нимъ“, думала новобрачная, и только когда шлюпка затерялась между стоящихъ на якоряхъ судовъ и пароходовъ, она вздохнула и медленно пошла домой.

Между тѣмъ еще вчера, когда Битюговъ посылалъ за обѣдомъ, къ борту „Милой“, съ лѣвой стороны, подошла шампунка, изъ нея выскочилъ на палубу чичероне Саки-санъ и, подойдя къ Бирюлькину, читавшему романъ „Монте-Кристо“, сказалъ: „И зашѣмъ вы сказалъ, что господинъ Битюговъ уѣкалъ Россія, такъ у насъ обманывать нельзя... Дѣвушка ошень плачетъ... сначала, а потомъ бросилъ особнячокъ и ушелъ съ господинъ Битюговъ къ ея мама, а сичасъ посыльный говорилъ мнѣ, что господинъ Битюговъ послалъ его за свадебный ошень дорогой обѣдъ. Я видѣлъ эта посыльный, какъ онъ понесъ обѣдъ, а я самъ на шампунку, чтобы говорить вамъ“.

— Вотъ такъ штука—капитана Кука!—воскликнулъ Бирюлькинъ. Я хорошенько не спросилъ дѣвушку, о комъ она именно спрашиваетъ про Битюгова или про Битюгина. Битюгинъ-то вѣдь и правда уѣхалъ въ Россію.

Бирюлькинъ далъ долларъ Саки-сану за предостереженіе, а самъ спустился внизъ, гдѣ докторъ, послѣ сытнаго обѣда, отдохнувши, сидѣлъ на диванѣ въ каютъ-компаніи и дочитывалъ письмо изъ массы писемъ отъ своей „милой женки“, пришедшія съ почтовымъ пароходомъ. Подождавъ, пока докторъ аккуратно занумеровалъ послѣднее письмо и, тщательно сложивъ его, положилъ въ особаго вида ящичекъ японской отдѣлки, Бирюлькинъ, ничего не утаивая, разсказалъ Ѳедору Ѳедоровичу о происшедшемъ.

— Вы хотите, чтобы я былъ вашимъ секундантомъ,—спросилъ привставая старый буршъ Дерптскаго университета, нахмуривая брови:—что жъ, я не прочь! Кстати я захватилъ съ собою двѣ золингеновскія рапиры, настоящія шпаги, а перевязокъ у насъ довольно. Не хотите ли прорепетировать съ наконечниками?

Бирюлькинъ отказался и сталъ думать, какъ бы ему подипломатичнѣе потушить эту непріятную исторію. „Вѣдь Владиміръ Николаевичъ очень хорошій товарищъ, но вѣдь онъ же и старшій офицеръ!“ думалъ Бирюлькинъ, но, ничего не придумавъ, за ужиномъ, за которымъ Бумбергъ опять предложилъ ему „прорепетировать“, онъ промолчалъ и, не раздѣваясь, „на случай“, легъ спать.

Къ 8 часамъ утра пріѣхалъ Василій Васильевичъ, смѣняя Бирюлькина съ вахты, добродушно съ нимъ поздоровался и, принявъ дежурство и сдѣлавъ нѣкоторыя распоряженія, пошелъ въ каюту, гдѣ не раздѣваясь заснулъ, какъ убитый, послѣ проведенной безсонной ночи на новомъ мѣстѣ.

Командиръ Герасъ рѣдко бывалъ на суднѣ. Послѣ поднятія флага онъ уѣзжалъ на собственной шлюпкѣ, построенной по составленному имъ чертежу, и дѣйствительно шлюпка эта представляла собою точно живое существо. Онъ одинъ ставилъ паруса, правилъ ею по желанію и, завидя стадо утокъ или гусей, подплывалъ къ нимъ на разстояніе выстрѣла, бросалъ шкоты и руль, успѣвалъ выстрѣлить изъ обоихъ стволовъ, собравъ снова шкоты и подхвативъ подъ правую или лѣвую руку румпель, правилъ шлюпкой по желаемому направленію. Изрѣдка пріѣзжалъ къ завтраку или къ обѣду, но большую часть сутокъ проводилъ у мистриссъ Стоу, миловидной вдовы англійскаго мясника, нѣсколько лѣтъ тому назадъ поселившагося въ Хакодате, но не выдержавшаго климата и оставившаго одинокою вдовою свою миловидную мистриссъ Бетти Стоу, переселившись на европейское кладбище. У мистеръ Стоу было много дѣтей и все разныхъ національностей. И первымъ былъ мальчикъ православнаго вѣроисповѣданія по имени Леонидъ, имѣвшій нынѣ уже десять лѣтъ и живущій у мѣстнаго причетника православной церкви и учащійся въ европейской школѣ.

Послѣ Василія Васильевича на вахту долженъ былъ вступить Владиміръ Николаевичъ, и такъ какъ онъ опоздалъ къ подъему флага, т. е. вѣрнѣе сказать взялъ тотъ часъ, который онъ провелъ вахту за Бирюлькина при постановкѣ судна на якорь, то на вахту вступилъ мичманъ Бирюлькинъ.

Бирюлькинъ старался „навести чистоту“; палуба была вымыта еще до поднятія флага, а теперь дочищали всѣ мѣдныя и желѣзныя вещи, складывали снасти въ красивыя бухты и вообще придавали судну щеголеватый видъ.

— Господинъ старшій офицеръ ѣдутъ!—сказалъ сигнальщикъ, сбѣжавшій съ мостика съ подзорной трубой подъ мышкой.

— Фалрейныхъ на верхъ!—скомандовалъ вахтенный Бирюлькинъ, и молодцеватые фалрейные сбѣжали по трапу, остановились у стоекъ,

а двое стоявшихъ на нижней площадкѣ почти у самой воды, приготовились подать подъѣзжающему офицеру, каждый по концу веревки, идущихъ по стойкамъ всего трапа и обшитыхъ краснымъ сукномъ.

Вельботъ, высланный за Битюговымъ, лихо подошелъ къ трапу, такъ что между бортомъ шлюпки и краемъ трапа было трудно просунуть даже ладонь руки, Владиміръ Николаевичъ серьезно и неторопливо сталъ подниматься по трапу.

На палубѣ, около выхода съ трапа, стоялъ вахтенный мичманъ Бирюлькинъ и какимъ-то неровнымъ голосомъ рапортовалъ старшему офицеру о состояніи судна—„только вотъ не успѣли докончить чистку мѣди“, сказалъ Бирюлькинъ.

Владиміръ Николаевичъ серьезно обратился къ Бирюлькину и сказалъ: „запомните, господинъ мичманъ, что всегда и вездѣ надо обращать особенное вниманіе „на окончанія“, и при этихъ словахъ глаза его приняли веселое выраженіе, и онъ по-товарищески пожалъ руку смущеннаго Бирюлькина.

Инциндентъ былъ исчерпанъ.

Старый станціонеръ ушелъ въ Николаевскъ на Амуръ, и съ него оставили сверхкомплектнаго мичмана, котораго, мѣсяцъ тому назадъ, доставилъ пароходъ Филипеуса съ Шантарскихъ острововъ, гдѣ этотъ мичманъ потерпѣлъ крушеніе на грузовой шхунѣ, шедшей въ Камчатку, и случайно былъ снятъ съ пустыннаго острова съ командой и доставленъ съ нею въ Хакодате.

На „Милой“ образовалось четыре вахты, и молодые люди могли проводить на берегу подрядъ по двое сутокъ. Но на суднѣ шли ежедневныя ученья, какъ-то: постановка и уборка парусовъ, артиллерійское ученье, абордажное, пожарное, ежедневное мытье палубы, чистка желѣзныхъ и мѣдныхъ вещей, иногда стирка коекъ, провѣтриваніе такелажа и провизіи. Изрѣдка и съ большой осторожностью, въ присутствіи офицера, очищалась крютъ-камера, гдѣ хранился порохъ. Однимъ словомъ, судовая якорная жизнь шла обыкновеннымъ порядкомъ. По субботнимъ, предпраздничнымъ днямъ, воскреснымъ и праздничнымъ днямъ команду свозили на берегъ въ православную церковь, въ которой служилъ священникъ отецъ Николай.

Господа офицеры перезнакомились у русскаго консула съ офицерами съ станціонеровъ судовъ другихъ націй, но какъ-то ни съ кѣмъ не сошлись и проводили время въ своихъ семьяхъ.

Командиръ Герасъ доставлялъ безвозмездно въ каютъ-компанію гусей и утокъ, добытыхъ на охотѣ, а баронъ Бумбергъ чрезъ мѣсяцъ стоянки предложилъ во время обѣда купить у него мало-

рослую японскую лошадку, полученную имъ за излѣченіе богатаго „сумрая", т. е. дворянина-помѣщика. Въ то время и въ Японіи, какъ видно, господа сумраи матеріально сходили на нѣтъ и, не обладая капиталомъ, расплачивались, чѣмъ было возможно. Лошадку купилъ капитанъ Герасъ за двадцать долларовъ, желая подарить ее Леониду Стоу. Между прочимъ командиръ заявилъ, что русскій консулъ просилъ сегодня всѣхъ, кромѣ вахтенныхъ, пожаловать къ нему на вечеръ.

Консулъ Ларовскій, безцвѣтный мужчина съ безобразной, но любезной и доброй женой, по протекціи которой онъ получилъ и настоящее мѣсто, любилъ хорошо покушать, а главное поиграть въ картишки. У него каждый вечеръ играли. Собиралось разнообразное общество: булочникъ французъ Менаръ, англичанинъ Браунъ, торгующій мясомъ, служащіе въ торговой нѣмецкой фирмѣ, офицеры разныхъ націй, но русскіе посѣщали его рѣдко, такъ какъ онъ велъ себя по отношенію къ нимъ по-начальнически. Поэтому приглашеніе на вечеръ къ русскому консулу было принято не съ особеннымъ удовольствіемъ, а Владиміръ Николаевичъ и Василій Васильевичъ прямо-таки отказались; изъявили согласіе ѣхать докторъ и Бирюлькинъ, а вновь назначенный мичманъ долженъ былъ стоять на вахтѣ. Бирюлькинъ-то согласился, сообразивъ, что лучше провести вечеръ въ обществѣ, чѣмъ проскучать на „Милой" въ ожиданіи болѣзни или чего иного, могущаго случиться съ вахтеннымъ, вновь назначеннымъ мичманомъ Лепечевымъ. Владиміръ Николаевичъ и Василій Васильевичъ послѣ обѣда уѣхали „домой", а Бумбергъ и Бирюлькинъ завалились спать.

Къ 9 час. вечера расфранченные офицеры съ командиромъ Герасомъ, которому судовой сапожникъ пристроилъ къ низкамъ брюкъ широкія кожанныя штрипки, уже подъѣзжали на вельботѣ къ пристани, гдѣ вѣстовой командира держалъ подъ уздцы низкорослую лошадку, купленную у доктора и временно водворенную у мистрисъ Стоу. Сѣвъ верхомъ, Герасъ должно быть произвелъ что-либо нарушавшее кавалерійскую дрессировку, такъ какъ лошаденка поддала задомъ и чуть было не выбила Гераса изъ сѣдла. „Э, докторъ! да вы мнѣ продали какую-то бѣшеную лошадь. Если она будетъ продолжать себя вести такъ же, то прошу принять ее обратно."

— Какая же она бѣшеная? Я отъ дачи сумрая благополучно доѣхалъ до Шошиныхъ—шла все время превосходно, а просто вы ѣздить не умѣете.

— Вотъ что, господа!—сказалъ Герасъ. Вы, Бирюлькинъ, держите ее подъ лѣвую удилу, а вы, Бумбергъ, за правую, и мы поѣдемъ. Дорога-то въ гору. Вы напирайте, она насъ всѣхъ троихъ и при-

везетъ благополучно, а ты, Извольскій, обратился онъ къ вѣстовому человѣку, какъ пріѣдемъ, то держи ее на дворѣ у господина консула. Понялъ?

— Такъ точно, понялъ, ваше благородіе,—отвѣтилъ вѣстовой вытягиваясь и дѣлая честь.

Компанія тронулась, и дѣйствительно какъ доктору, такъ и Бирюлькину было легко взбираться на гору, по которой шла дорога къ консульскому дому; Герасъ, мужчина высокаго роста, держась за холку обѣими руками, длинными своими ногами чуть не касался кремней, которыми была вымощена эта гора, а вѣстовой Извольскій дипломатически воспользовался размахивающимся хвостомъ лошаденки, и когда уставалъ идти въ гору, то схватывался за конецъ хвоста и облегчалъ себѣ путь. Такимъ образомъ вся компанія благополучно прибыла къ подъѣзду консульскаго дома, но лошаденка тяжело дышала и была вся въ поту.

— Ты, однако, ее выводи да не давай ни ѣсть, ни пить часа два, — сказалъ Герасъ съ авторитетомъ кавалерійскаго наѣздника, съ трудомъ слѣзая съ лошади, при чемъ одна штрипка у него оторвалась вмѣстѣ съ сукномъ брюкъ, и вѣстовой, матросскимъ ножемъ, срѣзалъ какъ оборвавшуюся штрипку, такъ для симметріи и другую. Затѣмъ увелъ лошадь на дворъ и привязалъ ее къ столбу, высоко задралъ ей голову къ верху, а самъ отправился на кухню любопытствовать, какой ужинъ готовятъ для гостей.

Квартира была ярко освѣщена и обставлена европейской мебелью.

За нѣкоторыми столами уже играли, и только опоздавшій англичанинъ-мясникъ одиноко бродилъ по комнатамъ. Дамъ, кромѣ жены американскаго посланника, никого не было, и она сидѣла съ женою русскаго консула и такъ какъ не говорила ни на одномъ языкѣ кромѣ англійскаго, а жена русскаго консула только этого языка и не знала, то бесѣда между ними была весьма молчаливая. Русскій консулъ подошелъ къ Герасу и послѣ вопросовъ о здоровьи и т. п. банальныхъ фразъ предложилъ Герасу играть въ экарте съ ненашедшимъ себѣ партіи англичаниномъ.

Усѣлись за столъ, и рядомъ съ командиромъ сѣлъ Бирюлькинъ. Докторъ присосѣдился къ закусочному столу, обильно уставленному разными деликатесами. Шла игра, и Герасу не везло.

Онъ уже проигралъ около ста долларовъ, когда въ комнату вошелъ улыбающійся толстякъ, французъ Менаръ, потирая руки и ища глазами хозяина. Поздоровавшись съ нимъ, онъ что-то ему сказалъ; консулъ осмотрѣлся кругомъ и, видя незанятыхъ Бумберга и Бирюлькина, подвелъ Менара сперва къ Бумбергу. Бумбергъ всталъ и, не давъ консулу произнести фразу „представленія“, плохимъ

французскимъ языкомъ спросилъ: „Что же именно у васъ болитъ?“ Менаръ посмотрѣлъ на Бумберга въ упоръ, затѣмъ расхохотался и сказалъ, что у него ничего не болитъ, а онъ хочетъ играть въ карты.

— Съ вашей комплекціей играть въ карты весьма вредно, вамъ надо большой моціонъ.

— Моціонъ?—повторилъ Менаръ, да знаете ли, Monsieur, что я сегодня обѣгалъ нѣсколько лье, отыскивая моего мусташи, и представьте сейчасъ только его нашелъ. Онъ былъ дома на дворѣ въ кладовой, куда забрался утромъ съ экономкой. И натворилъ же онъ тамъ мнѣ большой убытокъ. Я и сюда-то опоздалъ изъ-за него. Такъ какъ же, не желаете ли партію?

— Я въ карты никогда не играю,—отвѣтилъ Θедоръ Θедоровичъ.

Тогда консулъ, смотрѣвшій на всю эту сцену нѣсколько усмѣхаясь, взялъ Менара подъ руку и подвелъ его къ Бирюлькину, познакомилъ ихъ, но и Бирюлькинъ отказался отъ игры подъ предлогомъ, что онъ кромѣ банка ни въ какія игры не играетъ, а на самомъ дѣлѣ потому, что захватилъ съ собою долларовъ пятнадцать, съ которыми садиться играть было нельзя.

Тогда Менаръ предложилъ Бирюлькину держать за кого-либо изъ играющихъ.

Бирюлькинъ избралъ сторону своего командира. Игра продолжалась, ставки увеличивались, и Герасъ не только что возвратилъ проигрышъ, но выигралъ четыреста долларовъ, а Бирюлькинъ, имѣя въ карманѣ всего четырнадцать, пятнадцать долларовъ, къ концу игры имѣлъ болѣе двухсотъ, такъ какъ Менаръ также все увеличивалъ и увеличивалъ пари.

Къ удовольствію жены американскаго консула, хозяйка стала приглашать къ ужину, и американка хотѣла было уже отказаться и ѣхать домой, но подошедшій ея мужъ, проигравшійся, какъ говорится: „въ пухъ и въ прахъ“, остановилъ взглядомъ ее снова и сказалъ хозяйкѣ по-французски: „вы навѣрное позволите намъ и послѣ ужина докончить игру?“ Хозяйка любезно улыбнулась, но въ сердцѣ ея заскребли кошки.

Во время ужина разговоръ продолжался объ игрѣ, и подпившій Бирюлькинъ говорилъ, что лучше банка игры никакой другой нѣтъ, и затѣмъ французскимъ, а потомъ и англійскимъ языкомъ объявилъ обществу, что онъ проситъ послѣ ужина удѣлить ему четверть часа и на опытѣ убѣдиться въ прелести этой игры, и что банкъ будетъ держать онъ.

Консулъ распорядился сдвинуть въ рядъ нѣсколько столовъ, по-

ставить свѣчи и положить на мѣсто банкомета нѣсколько нераспечатанныхъ колодъ картъ. Послѣ ужина играющіе заняли свои мѣста, держа въ рукахъ игранныя карты, а Бирюлькинъ, засучивъ рукава кителя, съ трескомъ распечаталъ новую колоду картъ. „Игра сдѣлана!" воскликнулъ онъ, когда увидѣлъ, что на всѣ карты были поставлены разноцѣнныя монеты и бумажки. Бирюлькинъ прометалъ колоду и къ выложеннымъ имъ на столъ двухстамъ слишкомъ долларамъ прибавилось еще болѣе сотни.

Четверть часа давно прошли, но публика и не думала отходить отъ стола. Бирюлькинъ каждый разъ металъ новою колодою.

Уже стало свѣтать, когда публика стала расходиться по домамъ, да только потому, что ни у кого изъ присутствующихъ, да и у хозяина наличныхъ денегъ болѣе не оказалось, а Менаръ, сначала игры попросившій кредита, т. е. играть на запись, проигралъ болѣе пятисотъ долларовъ. Герасъ проигралъ всю наличность и японскую лошадку въ той суммѣ, въ которой онъ самъ купилъ ее у доктора, и кромѣ того задолжалъ на слово сто долларовъ. Однимъ словомъ, Бирюлькинъ выигралъ болѣе четырехъ тысячъ долларовъ. Назадъ возвращались уже въ другомъ порядкѣ. Бирюлькинъ сидѣлъ на „своей" лошади, а подъ уздцы ее вели докторъ и Герасъ.

Поровнявшись съ гостиницей г-дъ Шопиныхъ, Бирюлькинъ приказалъ Извольскому сдать лошадь кому-нибудь изъ лакеевъ, и затѣмъ всѣ отправились на пристань, усѣлись въ нанятую шлюпку и благополучно вернулись на „Милую".

На другой день Бирюлькинъ долженъ былъ вступить на вахту, такъ какъ его просилъ объ этомъ Николай Васильевичъ. Онъ позвалъ своего вѣстового Епифанова, смирнаго парня изъ Новгородской губерніи, и зная по разсказамъ простоватаго матроса о бѣдственномъ состояніи его семьи, подарилъ ему пятьдесятъ долларовъ для отправки въ деревню, а затѣмъ позвалъ подшкипера и спросилъ, что стоитъ, по его мнѣнію, аршинъ такой матеріи, изъ которой французскіе матросы носятъ фланелевыя голландки, а также, что стоятъ черные шелковые галстуха съ длинными концами и серебряныя кольца къ нимъ.

Баталеръ, старый унтеръ-офицеръ изъ кантонистовъ, серьезно объяснилъ, что каждая голландка обойдется около четырехъ долларовъ, галстухъ въ полдоллара и кольцо серебряное около доллара.

Разговоръ этотъ былъ прерванъ вѣстовымъ Извольскимъ, который, подойдя къ Бирюлькину, доложилъ, что командиръ требуетъ его къ себѣ въ каюту.

Бирюлькинъ вошелъ въ капитанскую каюту, по діогонали кото-

рой расхаживалъ Герасъ, куря трубку съ длиннымъ чубукомъ. Бирюлькинъ остановился въ ожидательной позѣ. „Садитесь, Николай Николаевичъ, я позвалъ васъ для частнаго разговора... Вотъ, батюшка, получите-ка вашъ выигрышъ“, и когда Бирюлькинъ спряталъ деньги, то Герасъ, перемѣнивъ тонъ, сказалъ: „Надо будетъ заказать новый вельботъ... Вѣдь нашъ уже девятую кампанію дѣлаетъ“. При первыхъ же словахъ Бирюлькинъ вскочилъ и опять всталъ въ почтительную позу и, не дождавшись продолженія рѣчи командира, обратился къ Герасу съ просьбой позволить подарить всей командѣ по голландкѣ, сшитой хотя и по нашему образцу, но изъ матеріи, которую употребляютъ французы для такихъ же голландокъ; а также для гребцовъ купить на его же счетъ галстухи и серебряныя кольца.

— Голландки сдѣлать разрѣшаю, а галстухи и кольца не по формѣ, а потому и нельзя,—сказалъ Герасъ, подходя и садясь за письменный столъ, гдѣ сталъ разбирать бумаги.

Бирюлькинъ вышелъ, позвалъ старшаго боцмана и далъ ему около двухсотъ долларовъ для раздачи командѣ по разсчету занимаемыхъ должностей, т. е. матросамъ 2 статьи по одному доллару, 1 статьи—по 2 доллара, унтеръ-офицерамъ по 4 доллара, а ему и другому боцману по 5 долларовъ, также и „чиновникамъ“, т. е. фельдшеру, баталеру и подшкиперу, и при этомъ приказалъ съѣзжающимъ на берегъ прислать къ нему Саки-сана.

Чрезъ два часа пріѣхалъ Саки-санъ и, униженно присѣдая и шипя, съ особеннымъ почтеніемъ ожидалъ распоряженій Бирюлькина.

—„Сейчасъ же отправляйся на берегъ и пришли съ твоей карточкой портного, который умѣетъ шить европейское платье, а затѣмъ ищи по всему Хакодаде красивую дѣвушку, которая согласилась бы быть моею женою. Если найдешь вродѣ Міокоти-санъ, то хорошо тебя поблагодарю. Если же и не найдешь такой, то все же ищи въ такомъ же родѣ, понялъ? Затѣмъ найми домъ недалеко отъ тѣхъ домовъ, гдѣ живетъ Битюговъ и Поэтовъ, и купи все необходимое хозяйство, найми прислугу, а чтобы дѣвушка не стѣснялась, купила себѣ самыя хорошія одежды, но не лучше, чѣмъ у Міокоти-санъ или Сали-санъ. Завтра я рано съѣду на берегъ и чтобы все было готово. Да! Чтобы рано, рано утромъ домъ, гдѣ живутъ Битюговъ и Поэтовъ, былъ убранъ весь живыми цвѣтами, также какъ и мой. А лошадку отвести къ русскому псаломщику и скажи, что я прислалъ ее въ подарокъ Леониду Стоу“. Отдавъ приказанія Саки-сану, присѣдавшему ниже и ниже съ каждымъ словомъ Бирюлькина, самъ Николай

Николаевичъ повернулся и хотѣлъ было уйти, но Саки-санъ попросилъ немного денегъ на цвѣты и прочее. Бирюлькинъ далъ сто долларовъ.

Вскорѣ пріѣхалъ портной съ образчиками сукна и матерій. Бирюлькинъ заказалъ себѣ полное обмундированіе, такъ какъ уже успѣлъ обноситься за 3 года послѣ выпуска изъ корпуса. Получивъ задатокъ, портной шипя и кланяясь, уѣхалъ.

Въ это время за Бумбергомъ пріѣхали съ берега, прося его къ больному. Тогда Бирюлькинъ отсчиталъ двѣ тысячи долларовъ, передалъ ихъ Бумбергу и просилъ его сдѣлать переводъ чрезъ банкъ въ одну изъ сѣверныхъ губерній, на имя своей матери, вдовѣ мичмана, живущей въ родовомъ маленькомъ помѣстьѣ близъ губернскаго города.

Растормошивъ такъ скоро часть своего капитала, Бирюлькинъ нѣсколько успокоился и принялся дочитывать Монте-Кристо. Конечно, онъ надѣлилъ въ тотъ же день буфетчика и всѣхъ вѣстовыхъ сообразно чину и положенію, и всѣ были довольны, одинъ только Герасъ былъ недоволенъ, такъ какъ на-дняхъ предстояла уплата псаломщику за содержаніе его сына, мальчика Стоу, да и самой мистриссъ Стоу тоже надо было дать нѣкоторую сумму, и онъ вчера и лошадку-то покупалъ для сына и въ то время, какъ Бирюлькинъ разговаривалъ съ Саки-санъ, Герасъ ходилъ по своей каютѣ, курилъ трубку за трубкой и думалъ: откуда бы достать денегъ. Занять у Бирюлькина? Конечно, онъ дастъ, но неловко—подрывается субординація, Бумбергъ откажетъ подъ какимъ-нибудь предлогомъ. Битюговъ и Поэтовъ обзавелись семьями, а Лепечевъ переведенъ къ намъ съ долгомъ...

„Изъ казенныхъ?!“—мелькнула у него мысль, но тутъ же и потухла. „Нѣтъ, нѣтъ, столько нѣтъ служилъ честно... нѣтъ, развѣ шлюпку продать!—вотъ мысль-то!“ позову Бирюлькина и предложу ему купить шлюпку и охотничьи принадлежности за двѣсти долларовъ. Вѣдь это же за полцѣны, навѣрное, ухватится. „Эй! вѣстовой!“—крикнулъ Герасъ. Но вѣстовой не являлся. „Эй! Извольскій! гдѣ же ты пропадаешь?“—обратился онъ къ прибѣжавшему вѣстовому.

— Такъ что по своей надобности отлучился, ваше бродь.

— Попроси ко мнѣ вахтеннаго.

— А они, ваше бродь, какъ я побѣгъ сюда, остановили меня да и говорятъ, доложи, молъ, господину командиру, что я прошу позволенія къ нему придти.

— Такъ слушай, проси его придти.

И все-то вралъ Извольскій. Съ утра онъ видѣлъ дурное расположеніе духа своего начальника, затѣмъ вчера ночью лошадь приказано

было оставить въ гостиницѣ и приказывалъ, какъ хозяинъ, г. Бирюлькинъ, и Извольскій хорошо зналъ, что и лошадь-то была куплена для „командирскаго сына“, зналъ онъ и отношенія къ мистриссъ Стоу, видѣлъ, какъ командиръ пересчитывалъ деньги передъ уплатой Бирюлькину, потому порѣшилъ выручить своего любимаго командира.

Съ этою цѣлію онъ отправился къ Бирюлькину. Не успѣлъ Бирюлькинъ раскрыть истрепанную книгу романа Монте-Кристо, какъ передъ нимъ явился Извольскій и сказалъ: „осмѣлюсь доложить, ваше бродь, только чтобы было все въ тайности“, и когда Бирюлькинъ утвердительно кивнулъ головой, Извольскій продолжалъ: „такъ что командиръ вчера проиграмшись, а енъ долженъ на-дняхъ платить псаломщику, да еще есть кое-какіе неотложные расходы, то не можете ли вы, ваше бродь, какъ бы значитъ отъ себя дать ему?“

— Да какъ же я ему дамъ? Вѣдь онъ не возьметъ?

— А вы, ваше бродь, пошлите меня къ нему сказать, что просите его повидать, а когда придетъ, то принесите пятьсотъ долларовъ, слезно и попросите его спрятать до возвращенія нашего въ Николаевскъ съ тѣмъ, молъ, чтобы вамъ онъ этихъ денегъ ранѣе не выдавалъ. Вамъ-то будетъ лучше, да и его-то выручите.

При послѣднихъ словахъ послышался второй властный призывной голосъ изъ капитанской каюты. Бирюлькинъ съ смущеннымъ видомъ вошелъ въ капитанскую каюту и, обратившись къ Герасу, сказалъ: „Леонидъ Константиновичъ, я имѣю къ вамъ покорнѣйшую просьбу. Вы знаете, что я вчера много выигралъ, но какъ выигралъ, такъ могу и проиграть. Половину я уже послалъ матери, а хотѣлось бы по прибытіи въ Николаевскъ уѣхать на свой счетъ въ Россію. Вѣдь ранѣе 5 лѣтъ пребыванія въ Сибирской флотиліи прогонныхъ не выдаютъ, такъ вотъ я и надумалъ просить васъ взять у меня на сохраненіе пятьсотъ долларовъ, но съ тѣмъ, чтобы ранѣе прихода въ Николаевскъ вы этихъ денегъ мнѣ ни подъ какимъ бы видомъ и несмотря ни накакія мои просьбы не отдавали. Будьте добры, возьмите на сохраненіе. Я вѣдь живо растранжирю, ну, тогда опять тяни лямку еще два года, а въ два-то года у Кунста наберешь товару въ долгъ на всѣ прогонныя, и опять тяни лямку пять лѣтъ, и такъ далѣе, и такъ далѣе“.

Герасъ вполнѣ созналъ справедливость доводовъ молодого мичмана, тѣмъ болѣе, что и самъ застрялъ въ Сибирской флотиліи по тѣмъ же причинамъ на третье пятилѣтіе и много потерялъ по службѣ, да кромѣ того, еще имѣя въ виду, что эти пятьсотъ долларовъ онъ въ теченіе года можетъ незамѣтно скопить изъ жалованья, рѣшительно сказалъ: „хорошо—давайте“.

Бирюлькинъ вынулъ приготовленную пачку денегъ и, отдавъ ее, вышелъизъ каюты чтобъ опять приняться за Монте-Кристо, а Герасъ тотчасъ же приказалъ готовить вельботъ для поѣздки на берегъ. Веселый вышелъ Леонидъ Константиновичъ изъ каюты и, подойдя къ Бирюлькину, тихо сказалъ: „И я имѣю къ вамъ просьбу: будьте любезны, уступите мнѣ назадъ лошадку, что вы вчера отъ меня выиграли"...

— Никакъ не могу... я уже успѣлъ подарить ее маленькому Стоу, который живетъ у псаломщика.

Леонидъ Константиновичъ пожалъ руку Бирюлькину и уѣхалъ на берегъ, а Бирюлькинъ въ третій разъ отыскивалъ то мѣсто въ романѣ, гдѣ онъ остановился читать, но тутъ опять пришлось оставить книгу въ одиночествѣ, такъ какъ явился Саки-санъ и заявилъ, что все готово, и что завтра къ 5 ч. утра дома будутъ убраны цвѣтами.

— А какую я вамъ „мусьме" нашелъ. Только пятнадцатый годъ, а выглядитъ, какъ Міокоти-санъ, и дома нанимать не пришлось— отецъ у нея лодочникъ, день и ночь на шампункѣ, она и живетъ одна съ матерью, какъ разъ рядомъ съ домомъ, гдѣ живетъ Битюговъ-санъ и Поэтовъ-санъ. Я какъ сталъ говорить, что вотъ русскій офицеръ хочетъ жениться, а Мая-санъ и говоритъ: „я была на-дняхъ въ чайномъ домѣ у гейши у господъ Шопиныхъ, я вѣдь тоже вмѣстѣ съ Сали-санъ хотѣла поступить въ гейши; какъ вызвали гейшъ, я увидѣла русскаго офицера, а къ нему подошла Міокоти-санъ и что-то съ нимъ говорила, а затѣмъ онъ женился на ней, а на другой мы съ мамой и удивляемся, что это съ Міокотой-санъ,— выходитъ изъ дома не тотъ офицеръ, который женился вчера, а другой, который жилъ съ нею раньше. Такъ, говоритъ, если это тотъ, который въ гостиницѣ разговаривалъ съ Міокотой-санъ, то я согласна за него выйти замужъ—онъ такой хорошенькій". Ну, а лошадку отвели?—спросилъ Бирюлькинъ.

— Отвели, да мальчикъ успѣлъ уже и покататься на ней, говоритъ—поѣду командира встрѣчать.—Ну, спасибо, Саки-санъ, завтра разсчитаемся.

Въ четыре часа утра, предупредивъ Лепечева, что онъ уѣзжаетъ на берегъ за покупкой провизіи и временно, до пріѣзда Василія Васильевича, оставляетъ вмѣсто себя подвахтеннымъ старшаго боцмана Романыча, отдавши приказаніе буфетчику и захвативши ручной чемоданчикъ, Бирюлькинъ на четверкѣ быстро добра лся до пристани, гдѣ его уже ждалъ аккуратный Саки-санъ.

Пришли къ домику, который занималъ Битюговъ и Поэтовъ, и

Николай Николаевичъ увидѣлъ, что домъ оканчиваютъ убирать цвѣтами, а сосѣдній домъ уже убранъ, и около него ходятъ какія-то двѣ женщины и съ восхищеніемъ ударяютъ себя руками по бедрамъ, часто стрекоча по-японски.

Саки-санъ обратился къ Бирюлькину и сказалъ: „я пойду къ мусьмѣ и скажу, что русски офицеръ проситъ позволенія пить чай—ну, а тамъ и отецъ лодочникъ—онъ понимай немного порусски... дѣло наше и пойдетъ“... и съ этими словами Саки-санъ ушелъ.

Вскорѣ изъ домика вышелъ пожилой японецъ и, обратившись къ Бирюлькину, ломанымъ русскимъ языкомъ пригласилъ его къ себѣ въ домъ напиться чая.

Бирюлькину вся эта дипломатія весьма понравилась.

Усѣвшись вокругъ очага, жена лодочника стала разливать чай, а молодая Мая-санъ куда-то скрылась. Разговоръ началъ Саки-санъ и объявилъ, что лодочнику, конечно, уже извѣстно, что на рейдъ пришелъ новый русскій станціонеръ, и что вотъ одинъ изъ русскихъ офицеровъ, тутъ сидящій, желалъ бы жениться на цѣлый годъ, и что такъ какъ у уважаемаго хозяина есть дочь, красивая, какъ луна, то уважаемый хозяинъ можетъ быть и согласится выдать замужъ свою дочь за этого офицера.

Лодочникъ приказалъ женѣ отыскать Маю-санъ и привести ее въ комнату. Вскорѣ вернулась мать, держа за руку Маю-санъ, которая тихо шла, опустивъ глаза.

Дѣвушка дѣйствительно была очень красива, и скромная ея поза нисколько не гармонировала съ тѣмъ плутовскимъ огонькомъ, который сверкалъ у нея въ прелестныхъ глазкахъ, когда она ихъ вскидывала на Бирюлькина, во время длинной рѣчи, которую говорилъ ей отецъ. По окончаніи рѣчи отецъ обратился къ Бирюлькину и спросилъ: Коче брать Маю-санъ жена?

Бирюлькинъ сказалъ, что очень хочетъ. Тогда отецъ и мать подвели Маю-санъ къ Николаю Николаевичу и посадили ихъ рядомъ.

Въ это время Сали-санъ вмѣстѣ съ Василіемъ Васильевичемъ выходили изъ своего дома, чтобы идти на пристань, и удивились, что онъ весь кѣмъ-то покрытъ живыми цвѣтами. Замѣтили, что и сосѣдній домъ тоже весь утопаетъ въ цвѣтахъ, они вернулись въ домъ и сообщили чрезъ перегородку Битюговымъ, тѣ—тоже вышли на улицу и были встрѣчены Саки-санъ, который, низко кланяясь, сказалъ имъ, что хозяинъ дома Кихе-санъ и зять его, господинъ Бирюлькинъ, проситъ всѣхъ ихъ пожаловать на брачный чай по случаю бракосочетанія Маи-санъ съ господиномъ Бирюлькинымъ.

Міокоти и Сали быстро вернулись, одѣтыя въ парадные керо-

моны, Василій Васильевичъ былъ уже готовъ ѣхать на вахту, только Битюговъ поспѣшилъ одѣть на себя китель, и вся компанія вошла въ домъ лодочника Кихе-сана.

Выпивъ наскоро чашку чая, Василій Васильевичъ, торопящійся на вахту, поздравилъ новобрачныхъ, а самъ въ сопровожденіи Сали-санъ пошелъ на пристань. У Кихе-сана былъ весь день пиръ. Побывали всѣ знакомые мужчины съ женами и дѣтьми, всѣ поздравляли, и Бирюлькинъ съ тактомъ не нарушилъ обычая и даже пилъ противную японскую водку, „саки“, но со второй чашки его начало мутить, и Мая-санъ увела его въ свою комнату, уложила на тюфякъ и принесла какого-то освѣжительнаго напитка, отъ котораго мужъ ея пришелъ нѣсколько въ себя. Принимая отъ Бирюлькина чашку, она его крѣпко обняла и поцѣловала.

Кутежъ шелъ до шести часовъ вечера, но Саки-санъ, видя, что и хозяинъ и гости сильно перепились, нанялъ носильщиковъ, которые и гостей и хозяина водворили по мѣстожительству. Хозяина отнесли на его шампунку, гдѣ онъ постоянно и пребывалъ. Въ этотъ день онъ пропустилъ всѣ свои перевозочныя очереди.

Вечеромъ Битюговъ съ женой и Саки-санъ и новобрачные были въ театрѣ, а затѣмъ, поужинавши въ русскомъ ресторанѣ Шопена, отправились по домамъ. Домъ Кихе-сана за время отсутствія молодыхъ былъ провѣтренъ и приведенъ внутри въ щеголеватый видъ.

И потекла однообразная жизнь нашихъ молодыхъ моряковъ съ ихъ семьями, при чемъ у нихъ поочередно бывалъ „холостякъ“ Лепечевъ, не могшій жениться за неимѣніемъ денегъ, такъ какъ большую часть жалованья, по его же просьбѣ, высчитали по счетамъ Кунста и Альбертса, фирмы, торговавшей въ Николаевскѣ на Амурѣ. Сали-санъ оказалась очень доброй и хорошей женой, но страшно ревнивой, и какъ-то разъ замѣтивъ, что Василій Васильевичъ заглядѣлся на какую-то англійскую миссъ, такъ крѣпко его ущипнула, что Поэтовъ вскрикнулъ, и представьте себѣ, что затѣмъ ему пришла въ голову разыскиваемая имъ некогда риѳма къ слову „звѣзда“, а именно „узда“, на которой потомъ всю жизнь водила его любящая супруга.

Такъ какъ Битюгову было 28 лѣтъ, Бирюлькину 27, а Поэтову чрезъ 2 мѣсяца наступалъ то же 28 годъ, то всѣ они подали рапорты своему командиру, прося разрѣшенія вступить въ законный бракъ. Герасъ усмѣхнулся и сказалъ, что и онъ вступаетъ, подаетъ рапортъ о вступленіи въ бракъ съ мистриссъ Стоу. Молодыя жены стали посѣщать русскую церковь и слушать бесѣды священника отца Николая, и когда къ концу стоянки пришло изъ инспекторскаго департамента разрѣшеніе на вступленіе въ бракъ,

то всѣ четыре пары скромно были обвѣнчаны, а когда лодка „Милая“ снялась съ якоря, то съ почтово-пассажирскимъ пароходомъ поѣхали и ихъ жены христіанки, съ 10 лѣтнимъ Леонидомъ и 2 годовымъ Володей—въ Николаевскъ.

На пути въ Николаевскъ имѣли легкій штормъ, при чемъ на рейдъ пришли уже не въ щеголеватомъ видѣ. Бушпритъ былъ сломанъ, нѣкоторые паруса разорваны, вельботъ смыло волною, но всѣ эти дефекты были забыты, когда „Милая“, войдя на рейдъ, увидѣла и пассажирскій пароходъ, на которомъ должны были пріѣхать четыре тоже милыя жены. Дѣйствительно, пароходъ пришелъ ранѣе „Милой“ на нѣсколько часовъ, и съ лодки были посланы двѣ помѣстительныя шлюпки, которыя и привезли ихъ благородія къ ихъ благороднымъ мужьямъ. Ѳедоръ Ѳедоровичъ Бумбергъ, накопивши въ теченіе года вмѣстѣ съ откладываемымъ жалованьемъ около двухъ тысячъ долларовъ и держа ихъ въ звонкой монетѣ въ несгораемомъ сундучкѣ, отправился на берегъ, при чемъ два гребца съ трудомъ вынесли денежный сундучекъ на шлюпку. Когда шлюпка съ докторомъ отвалила отъ борта, то Бумбергъ обратился къ двумъ гребцамъ, выносившимъ денежный сундукъ, и сказалъ: „какъ только сойдемъ на берегъ, вы берите сундучекъ и идите до моей квартиры сзади меня и въ комнаты также войдите сзади меня, и когда я скажу своей женѣ: „Амалія, вотъ“ и покажу на сундукъ, то вы поставьте этотъ сундукъ къ ногамъ моей супруги; а затѣмъ ступайте на кухню—тамъ вамъ дадутъ по доброй чаркѣ водки и форшмакъ... Ну! поняли?“

— Такъ точно, ваше высокоблагородіе поняли,—отвѣтили оба гребца и, немного помолчавъ, одинъ изъ гребцовъ сказалъ:

— А осмѣлюсь спросить, ваше высокоблагородіе, что прикажете съ башмакомъ-то дѣлать?

— Не башмакъ, а форшмакъ — это такое нѣмецкое кушанье—тутъ и мясо, и селедка, и картофель, все такое вкусное—собираются остатки двухъ-трехъ дней, все это поджаривается на сковородкѣ, такъ вотъ это кушанье вамъ подадутъ на закуску.

— Покорнѣйше благодаримъ, ваше высокоблагородіе,—разомъ гаркнули оба гребца.

Четверка подошла къ пристани. Сундукъ вынесенъ, и докторъ, заложивъ руки въ карманы пальто, въ сопровожденіи двухъ гребцовъ, несшихъ денежный сундукъ, скоро дошелъ до своего дома. Было около 9-ти часовъ туманнаго утра. Войдя съ задняго хода въ кухню, Бумбергъ увидѣлъ армейскаго солдата, который усердно дочищивалъ сапогъ, стараясь около каблука, къ которому была прикрѣплена шпора.

— Ты кто такой?—обратился докторъ къ солдатику. Тотъ вытянулъ руки по швамъ, держа въ одной рукѣ недочищенный сапогъ, а въ другой сапожную щетку.

— Денщикъ его благородія, поручика Балалайкина, господина адъютанта, солдатъ мѣстнаго батальона, ваше высокоблагородіе,— молодцовато отвѣтилъ солдатикъ.

— Да чья же эта квартира?—продолжалъ допрашивать докторъ.

— Ея высокоблагородія госпожи докторши Бумберши. Въ это же время въ кухонныя двери изъ примыкавшаго корридора показалась пожилая опрятная женщина, держа на одной рукѣ спеленатаго ребенка, другой рукой ведя еле переступающаго мальчика. Увидѣвъ доктора, она воскликнула: „О мейнъ Готъ!“ и быстро скрылась за дверью. Ѳедоръ Ѳедоровичъ пошелъ за нею и сталъ говорить по-нѣмецки. Женщина эта была привезена молодыми Бумбергами два года изъ Петербурга.

Денщикъ смекнулъ, что дѣло не ладно, побѣжалъ на базаръ, куда ушла фрау Бумбергъ съ поваромъ-солдатомъ, взятымъ Балалайкинымъ изъ батальона. Только-что онъ успѣлъ убѣжать, какъ въ кухнѣ раздался электрическій звонокъ.

А Ѳедоръ Ѳедоровичъ продолжалъ говорить по-нѣмецки, идя къ своему кабинету. Отворивъ дверь, онъ увидѣлъ широкую спину молодого человѣка въ ночной сорочкѣ, который, сидя за его, Ѳедора Ѳедоровича, письменнымъ столомъ, что-то усердно писалъ. Бумбергъ окаменѣлъ. Въ этотъ моментъ, молодой человѣкъ, не оборачиваясь, взялъ со стола два исписанныхъ листа бумаги и, протянувъ руку съ бумагами назадъ, все еще не оборачиваясь, сказалъ: „Отнеси сейчасъ же въ канцелярію и скажи Ѳерапонтову, что я ему три шкуры спущу, если онъ такъ же навретъ, какъ въ прошедшій разъ“.

Но вмѣсто обычнаго: „слушаю, ваше благородіе“ онъ ничего не слыхалъ. Онъ обернулся. Прислонившись къ оконному косяку, стоялъ блѣдный Бумбергъ.

Молодой человѣкъ быстро одѣлъ сюртукъ, въ корридорѣ схватилъ пальто и фуражку и, какъ былъ, въ туфляхъ выскочилъ на улицу.

Бумбергъ еле-еле доплелся до кухни, выпилъ воды и, держась за одного гребца, вышелъ съ нимъ на улицу и пошелъ обратно къ пристани. Четверка дожидалась ушедшихъ гребцовъ. Посадили доктора на корму, и денежный сундукъ поставили около его ногъ, а затѣмъ безъ его команды отвалили и стали грести по направленію къ „Милой“. Изъ шлюпки Ѳедора Ѳедоровича вынули фалрейные, а фельдшеръ притащилъ нашатырный спиртъ, эѳирно валеріановыя капли и кали бромати. Черезъ часъ только могъ перетрусившій

фельдшеръ нѣсколько привести нервы Ѳедора Ѳедоровича въ спокойное состояніе.

Вскорѣ съ берега пріѣхалъ настоящій докторъ, пріѣхавшій въ Николаевскъ въ отсутствіе Бумберга на „Милой“ въ Японіи. Отрекомендовавшись другъ другу, Бумбергъ спросилъ:

— А вы женаты?

— Нѣтъ, не женатъ,—отвѣтилъ молодой докторъ.

— Такъ вотъ, коллега, я пропишу рецептъ: никогда не женитесь, если предполагаете уходить въ плаваніе... А что касается моей болѣзни, то благодарю васъ за любезность, но я думаю, что нѣсколько пріемовъ кали бромати, да, для спокойнаго сна, ложку хоралъ гидрата, драхму на шесть унцій, и завтра же я буду здоровъ, какъ былъ.

Но это были только слова возбужденнаго человѣка.

На завтра онъ уже бредилъ. Его свезли въ госпиталь, гдѣ онъ и умеръ чрезъ мѣсяцъ.

Скопленныя деньги положили на имя старшаго сына въ банкъ впредь до совершеннолѣтія малолѣтняго Ѳеди.

Новожены, списанные съ „Милой“, и замѣненные офицеры съѣхали отдохнуть на берегъ и рѣшили жить коммуной. Былъ нанятъ большой деревянный домъ, и такъ какъ каждому полагалось по денщику, а Леониду Константиновичу два денщика, какъ произведенному въ штабъ-офицеры, то всегда и вездѣ было чисто.

Все устроилось превосходно. Для маленькаго Володи была привезена японская нянька, а съ Леонидомъ занимались Василій Васильевичъ и Владиміръ Николаевичъ и самъ Герасъ. Но Николай Николаевичъ Бирюлькинъ скоро уѣхалъ съ женой въ Россію, такъ какъ получилъ письмо объ опасно заболѣвшей матери.

Раздѣлились на семейныя вахты, при чемъ вахтенное семейство было обязано въ день своей вахты оставаться безвыходно дома и принимать гостей. Остальные же по желанію могли присутствовать и разговаривать съ гостями или же сидѣть въ отведенныхъ для нихъ комнатахъ. Каждой семьѣ полагалось по двѣ комнаты. Затѣмъ была общая для пріемовъ гостей и общая, лучшая комната для дѣтской, въ которой скоро уже ходили Міокоти-санъ и Сали-санъ, держа каждая по спеленутой дѣвочкѣ. Дѣвочки были одѣты и впослѣдствіи совершенно одинаково, имѣли одинаковыя игрушки и лепетали какъ по-русски, такъ и по-японски.

Леонидъ, прекрасно подготовленный и владѣвшій свободно англійскимъ, русскимъ и японскимъ языками, 12-ти-лѣтнимъ мальчикомъ былъ опредѣленъ въ морское училище и окончилъ тамъ курсъ. По желанію отца, вышедшаго въ отставку и поступившаго командиромъ на одинъ изъ пароходовъ Добровольнаго флота, Леонидъ

перевелся въ сибирскую флотилію и вскорѣ также былъ зачисленъ въ Добровольный флотъ подъ команду Василія Васильевича, который также командовалъ пароходомъ Добровольнаго флота и, разсматривая иногда на небѣ млечный путь, вспоминалъ риѳму къ слову „звѣзда“, тогда какъ Сали-санъ, плававшая съ мужемъ и многочисленнымъ семействомъ, водила своею хорошенькою ручкою за руку своего медвѣде-образнаго супруга.

Владиміръ Николаевичъ обзавелся также многочисленнымъ семействомъ, но не попалъ въ Добровольный флотъ, получивъ береговое мѣсто.

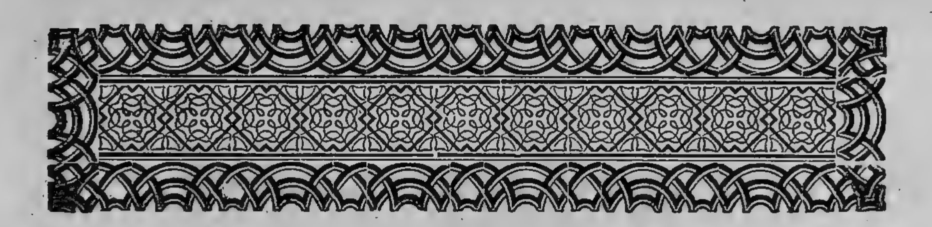
Когда молодого офицера Леонида Стоу провожали въ плаваніе, то всѣ ему близкіе отправились на пристань, и старшая дочь Битюгова, дѣвочка лѣтъ тринадцати, улучила минуту и, подойдя къ Леониду, шепнула: „будете за границей, не увлекайтесь хорошенькими“...

— Честное слово не буду,—сказалъ Леонидъ по-кадетски и пожалъ ей ручку.

Со многими лицами мы можетъ и встрѣтимся въ недалекомъ будущемъ.

Д. Перскій.

Обиженный край [1].

(Окончаніе).

Графъ Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ принадлежитъ къ числу выдающихся русскихъ дѣятелей XIX ст. Высоко образованный, съ твердымъ характеромъ и знатокъ людей, онъ началъ военную службу, основавъ въ 1817 году школу колонновожатыхъ, нынѣ военная академія. Не сочувствуя декабристамъ, онъ оставилъ службу и занялся сельскимъ хозяйствомъ. Затѣмъ, снова поступивъ на службу, онъ былъ вице-губернаторомъ въ Витебскѣ и губернаторомъ въ Могилевѣ и въ 1831 г. добился того, что отмѣнили въ Бѣлоруссіи литовскій статутъ и ввели по судопроизводству и управленію русскій языкъ. Во время мятежа 1831 г., онъ успѣшно дѣйствовалъ противъ бандъ въ Витебской, Минской и Виленской губерніяхъ, производилъ слѣдствія о политическихъ преступникахъ и вводилъ русское гражданское управленіе въ Бѣлоруссіи. Онъ же ратовалъ о введеніи русскаго языка во всѣ учебныя заведенія въ Западно-Русскомъ краѣ и о закрытіи Виленскаго университета, а также объ устраненіи католическаго духовенства въ образованіи и воспитаніи юношества. Всѣ его представленія и домогательства получали по возможности свое осуществленіе. Далѣе онъ былъ назначенъ въ Гродно губернаторомъ и, наконецъ, въ Минскъ военнымъ губернаторомъ. Это его пребываніе во всѣхъ губерніяхъ и городахъ Бѣлоруссіи доставило ему громадную практическую опытность въ распознаніи всѣхъ махинацій возстанія и обширнаго знакомства съ духомъ и

---

[1]) См. „Русская Старина“ іюль 1911 г.

направленіемъ поляковъ и католичества и имѣло большое вліяніе на многія рѣшенія Императора Николая I. Въ 1857 г. онъ былъ уже министромъ Государственныхъ имуществъ, гдѣ онъ не мало позаботился объ увеличеніи доходовъ государства и о введеніи оброчной платы за землю. Въ 9 губерніяхъ таковой кадастръ удалось ввести. 1 мая 1863 г., когда наши власти совсѣмъ растерялись отъ повстанія, которое прозѣвали, и уже готовы были отдать Ц. Польское Пруссіи, ухватились за Муравьева, какъ за спасителя погибающаго русскаго дѣла. Онъ былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ съ диктаторскою властью семи С.-Западныхъ губерній, включая Августовскую. Польскимъ кинжальщикамъ и жандармамъ вѣшателямъ онъ отвѣтилъ сожженіемъ польскихъ деревень и околицъ и ссылкою въ Сибирь цѣлыми семействами, до 5.000 душъ. Имѣнія секвестровались; такихъ было до 1.250 и продавались обязательно русскимъ. Контрибуція съ имѣній и 10% сборъ достигъ 2.600.000 р. въ годъ. Католическое духовенство въ смыслѣ взысканій и наказаній подверглось общей участи возставшей шляхты и дворянства, которая заплатила за всѣ расходы по повстанію и обязана была держать вооруженную сельскую стражу, по всѣмъ губерніямъ, что обошлось ему до 800 тыс. руб. Было еще и много другихъ мѣръ для унятія расходившагося повстанія, что привело въ совокупности, въ ноябрѣ 1863 г., къ тому, что оно притихло и улеглось, оно было въ корнѣ подавлено, не только въ губерніяхъ подъ управленіемъ М. Н. Муравьева, но по его же примѣру въ Юго-Западномъ краѣ и въ Ц. Польскомъ. Для русскаго государства, для сохраненія его цѣлости и чтобы не было повадно въ будущемъ, это была громадная заслуга графа М. Н. Муравьева. Въ 1864 г. онъ удалился отъ дѣлъ и умеръ 70 лѣтъ въ 1866 г. Еще до пріѣзда графа М. Н. Муравьева въ Вильно, уже было рѣшено о прекращеніи въ 5 сѣверо-западныхъ губерніяхъ обязательныхъ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ, съ обращеніемъ ихъ въ разрядъ собственниковъ, съ повѣркою уставныхъ грамотъ особыми довѣренными лицами.

Завистники успѣшныхъ распоряженій М. Н. Муравьева, вмѣстѣ съ иностранною прессою, инспированною поляками за границею, представили графа, какъ изверга рода человѣческаго, но война кормитъ войну и тутъ—не разсуждаютъ, а дѣйствуютъ какъ лучше, для побѣды. Если бы Россія такъ рѣшительно дѣйствовала, какъ графъ М. Н. Муравьевъ, много бѣдъ насъ миновало бы, и мы въ настоящую минуту не были бы въ томъ печальномъ положеніи, что не знаемъ, какъ быть съ Финляндіею, которая не только совершенно отвернулась отъ Россіи и всего русскаго, но ищетъ, какъ бывало Польша, защиты въ иностранномъ вмѣшательствѣ, и это въ 30 верстахъ отъ столицы!

На помощь возставшимъ полякамъ въ 1863 г. явились Франція, Англія и Австрія, но князь Горчаковъ, искусными нотами парировалъ ихъ нападеніе, заявивъ всенародно, что повстаніе дѣло русское, домашнее, которое до нихъ не касается, и державы замолчали.

Послѣдующія преобразованія во всей Россіи, какъ введеніе гласнаго суда со всѣми его учрежденіями и нововведеніями, всесословная воинская повинность, отмѣна откуповъ и замѣна ихъ акцизнымъ управленіемъ, новый режимъ по народному образованію, основаніе церковно-приходскихъ школъ, все это въ совокупности съ наплывомъ русскихъ помѣщиковъ и чиновниковъ въ Западно-Русскій край измѣнили нѣсколько его физіономію и заставили польскихъ помѣщиковъ и шляхту нѣсколько присмирѣть, но, увы, не надолго!

Поляки, понятно, послѣ тѣхъ вольностей, которыми они нѣкогда пользовались, при своихъ короляхъ и еще при Императорѣ Александрѣ I, не могли помириться съ тѣмъ, что случилось; они все еще подумывали о своемъ королевствѣ отъ моря до моря. Объ этомъ можно судить, если вспомнить покушеніе на жизнь Императора Александра II, въ Парижѣ, за время выставки, въ 1867 г., когда полякъ Березовскій стрѣлялъ въ Государя.

Къ изложенной только что эпохѣ не можемъ не прибавить нѣкоторыхъ второстепенныхъ заботъ объ этомъ краѣ: покойная Императрица Марія Александровна, освѣдомленная о печальномъ и бѣдномъ положеніи церквей въ приходахъ Западно-Русскаго края, съ помощью министра Валуева, графини Блудовой, ревнителей этого дѣла М. О. Кояловича (бѣлорусса) и московскаго купечества, во главѣ съ Четвериковымъ, принялась за отстройку и обновленіе бывшихъ уніатскихъ и православныхъ церквей. Ихъ, гдѣ нужно, возводили вновь, все подъ надзоромъ особо для сего командированныхъ офицеровъ генеральнаго штаба. Строили хозяйственнымъ образомъ, и крестьяне, эту благодать, принимали болѣе чѣмъ восторженно. Они при составленіи протоколовъ, просили включить, возвести на ихъ счетъ, въ благодарность за освобожденіе отъ крѣпостной зависимости и за поддержку ихъ русской вѣры, по ихъ выраженію: школы, часовни, памятники, иконы, лампады и т. п. Церковная утварь жертвовалась въ обиліи московскимъ купечествомъ. Одновременно высылались изъ Петербурга книги на приходскія библіотеки и школы. А защитники русскихъ дѣлъ 1862—4 годовъ читали лекціи, печатали статьи и издавали отзывы и карты Западно-Русскаго края по исповѣданіямъ, народностямъ и такія же

географическія. Полковникъ Барановичъ, А. Ф. Гильфердингъ, Катковъ, Аксаковъ, А. Н. Ильинъ, полковникъ Д. Кропотовъ, Москвинъ и много другихъ русскихъ людей значительно содѣйствовали поднятію духа русскаго общества въ періодъ 1860—1870 г. Церковное строительство шло бодро впередъ за это время и обняло губерніи Витебскую, Виленскую, Минскую, Кіевскую, Волынскую и всю Холмщину и заглохло незамѣтно съ кончиною Императрицы Маріи Александровны.

Императоръ Александръ III оказался на тронѣ вполнѣ русскимъ, національнымъ Государемъ, который крѣпко держалъ бразды правленія своего государства. Онъ въ 1883 г. призналъ необходимымъ ввести судебные уставы въ Сѣверо-Западномъ краѣ, а затѣмъ усмотрѣвъ, что крестьяне, съ ихъ мировыми судьями и слабымъ покровительствомъ администраціи, какъ бы предоставлены самимъ себѣ, учредилъ въ 1889 г. для всѣхъ губерній Россіи институтъ земскихъ начальниковъ, объединивъ судебную и административную власть въ одномъ лицѣ.—Въ образовательномъ смыслѣ не мало было сдѣлано собственно по среднему образованію и по церковно-приходскимъ школамъ. Но послѣднія, обучая только полуграмотѣ, на очень немногое подвинули народъ въ своемъ развитіи, и народъ все-таки оставался, какъ рабочая сила въ рукахъ пановъ и евреевъ, которые умѣючи пользовались его отсталостью и неразвитостью. Только духовенство нѣсколько оправилось, ободрилось, но и оно смирнехонько жило и живетъ себѣ до настоящаго времени и уже радо тому, что его, среди жатвы, въ іюнѣ и іюлѣ мѣсяцахъ, не гонятъ со своего поля, какъ бывало!

Въ началѣ настоящаго царствованія, вплоть до 1904 г., въ Западно-Русскомъ краѣ было въ сущности только одно выдающееся дѣло, нововведеніе, это земство съ назначеніями выборныхъ людей отъ правительства. Такое учрежденіе, въ хозяйственномъ смыслѣ, не могло явственно улучшить положеніе преобладающаго русскаго населенія; но за то все шло довольно мирно и спокойно, двигаясь впередъ черепашичьимъ шагомъ. За то жизнь и направленіе всей шляхты, втихомолку, послѣ 40 лѣтняго отдыха съ 1863 г., снова пошли особымъ путемъ, достойнымъ быть отмѣченнымъ. Такъ какъ послѣ повстанія 1863 г. все дворянство и шляхта съ католическимъ духовенствомъ были стѣснены въ своихъ выступленіяхъ, принимались на службу съ большимъ разборомъ и разоренные и нуждались въ средствахъ, то всѣ они пришли къ заключенію въ избраніи новаго направленія, присвоить себѣ такую культурную дѣятельность, по которой русское государ-

ство отстало, но начинало уже сильно нуждаться, именно въ техникѣ, и въ пріобщеніи къ жизни всякихъ прикладныхъ, наукъ. Рѣшивъ эту отрасль усвоить себѣ, отбросивъ на время всякое открытое выступленіе, притихнувъ съ виду, все польское дворянство и шляхта направила подростающее поколѣніе на путь изученія желѣзно-дорожнаго, шоссейнаго и портоваго дѣла, по лѣсоводству и горному отдѣламъ, по техникѣ вообще, по медицинѣ, по юстиціи, сельскому хозяйству и управительству у частныхъ людей. А такъ какъ русскій человѣкъ оказался къ этому времени такимъ же безпечнымъ къ своему хозяйству и къ своимъ дѣламъ, въ своемъ земствѣ, какъ нѣкогда, когда все доставалось даромъ, въ крѣпостное время, то очень скоро на русскихъ хозяйствахъ очутились у дѣлъ поляки, управляющіе имѣніями, а третій элементъ, служащіе въ земствѣ, переполнили чашу своими услугами ветеринары, землемѣры, межевщики, а въ городахъ, въ польскія руки, попали аптеки, нотаріусы, зубные врачи и т. п. Одинъ полякъ тянулъ другого, выпиралъ русскихъ; начали образовывать цѣлыя гнѣзда поляковъ и католиковъ во всѣхъ городахъ и углахъ Россіи; казалось, что жъ желать лучшаго, знающіе люди прибываютъ, одновременно съ потребностью страны. Но не тутъ-то было. Эти поляки считали повсюду не рублями, а фунтами стерлинговъ, строили и грабили, кого могли, сами богатѣли, разоряя Россію и русское дворянство, и вмѣстѣ съ тѣмъ распространяли чрезъ земства полное неуваженіе къ законности, къ власти, съ обходомъ закона, гдѣ только можно. Строительство за это время желѣзныхъ дорогъ съ ихъ управленіемъ требовало знающихъ людей, и они будто явились въ лицахъ поляковъ и переполнили ихъ составъ, но въ уронъ ихъ доходности, съ дефицитомъ дорогъ. На Уралѣ начался распадъ производительности до полнаго упадка почти всѣхъ заводовъ; наше богатое лѣсоводство на сѣверѣ и гдѣ еще сохранилось въ центрѣ и на югѣ расхищалось и давало ничтожный доходъ, а поляки жили себѣ въ лѣсахъ и ближнихъ городахъ, какъ помѣщики и только охотились, копили деньгу и устраивали свои, никому неизвѣстныя втихомолку сходки. Юристы съ присяжными повѣренными также дѣлали свое дѣло, оправдывали кругомъ виновныхъ и вершали дѣла въ противность правды и казеннаго интереса, но зато наживали хорошія деньги. Въ земствѣ эта вакханалія взяточничества, грабежа и возбужденія въ народѣ неудовольствія, возбудили наконецъ вниманіе правительства, но уже было поздно, дѣло сдѣлано, польская политика удалось, въ плѣну очутился русскій умъ и простодушіе!.. Держалось еще кой-какъ военное вѣдомство съ его процентнымъ содержаніемъ поляковъ, 6 на 100, но и въ немъ уже можно было услы-

шать кой-какія нотки такого отношенія къ службѣ, которое прежде не было извѣстно.

Въ періодъ войны 1904—1905 г.г. поляки съ евреями открыто заявили о себѣ въ Варшавѣ и во многихъ городахъ Западно-Русскаго края, въ особенности въ Вильнѣ и Кіевѣ, кто они такіе и что преслѣдуютъ.

Въ заключеніе имѣемъ то, что съ учрежденіемъ въ Россіи двухъ палатъ: Государственной Думы и Государственнаго Совѣта, въ первой поляки защищали свое дѣло до того умѣло, что большинство Г. Думы, съ трудомъ, удерживало свою русскую позицію, свое русское дѣло, и теперь вопросъ о Холмщинѣ, послѣ 2-хъ лѣтъ разсмотрѣнія въ комиссіи, отложенъ въ долгій ящикъ. А въ Государственномъ Совѣтѣ, представители отъ 8-ми губерній, оказались поляки. Здравый смыслъ не можетъ вѣрить въ такую аномалію, а она такова. Чтобы это исправить, было предложено ввести въ 6 губерніяхъ Западно-Русскаго края земство на одинаковыхъ началахъ, какъ оно дѣйствуетъ во внутреннихъ губерніяхъ. Этотъ проектъ благополучно прошелъ, съ нѣкоторыми впрочемъ существенными измѣненіями чрезъ Государственную Думу. Законъ былъ отвергнутъ изъ-за уменьшенія ценза и введенія курій, т. е. выборовъ по національностямъ въ Г. Совѣтѣ! Тогда палаты были распущены на 3 дня, и за это время земство, по проекту Государственной Думы, введено въ краѣ, въ 6 губерніяхъ, по 87 статьѣ.

Русскій космополитизмъ, марксизмъ, незнаніе Россіи и ея народа, вѣчная рознь и упрямство, взяли верхъ надъ государственностью и національною идеею. Общество не хочетъ и не можетъ понять, что Россія можетъ жить только съ такимъ духомъ народа, какъ было при Царяхъ Іоаннѣ Ш и Алексѣѣ Михайловичѣ. Западно-Русскій край, этотъ громадный плацдармъ, гдѣ разыгрывались разорительныя войны, какъ-то: вторженіе поляковъ до Москвы, походъ Алексѣя Михайловича до Гродно, Сѣверная война, походы Ласси, Миниха, князя Салтыкова, Суворова, 12-й годъ, возстаніе 1831 и 1863 годовъ, этотъ край требуетъ теперь особой заботы, попеченія о себѣ, иначе онъ легко можетъ сдѣлаться достояніемъ нѣмцевъ, даже австрійцевъ и, чего добраго, поляковъ. Не напрасно же они мечтаютъ о своемъ государствѣ, отъ моря до моря!

Какъ удержать эту нашу родную національность въ Западно-Русскомъ краѣ, мы укажемъ ниже, а что ее возможно и слѣдуетъ удержать, видно изъ слѣдующаго.

По переписи 1897 г. значится, что въ Западно-Русскомъ краѣ числится по губерніямъ жителей обоего пола:

Ковенская	1.545.000
Витебская	1.489.000
Могилевская	1.687.000
Кіевская	3.559.000
Подольская	3.018.000
Волынская	2.989.000
Гродненская	1.603.000
Минская	2.148.000
Виленская	1.591.000
Итого	20.211.000

Въ настоящее время всѣхъ жителей уже будетъ около 25 м. душъ обоего пола. Это вѣдь цѣлое государство, старая Русь, котораго народъ имѣетъ свою исторію, да при томъ такую, которая считается основательницею Русскаго Государства. Эту старину надо хранить, защищать и на ней основывать и впредь сохранность всецѣльнаго богатаго достоянія всего русскаго народа, этого держателя государства. Если есть здравый смыслъ, то это слѣдуетъ себѣ зарубить въ памяти, принявъ во вниманіе слѣдующую таблицу.

Русскаго населенія по языку въ краѣ, по переписи 1897 г.

Губерніи:	Русскихъ: число об. п.	%
Ковенская	112.352	7,02
Витебская	987.020	66,22
Могилевская	1.451.496	86,06
Кіевская	3.034.961	85,28
Подольская	2.542.637	84,12
Волынская	2.204.262	73,73
Гродненская	1.141.714	71,20
Минская	1.727.109	80,42
Виленская	971.439	61,05
Итого русскихъ	14.155.992	68,34

Въ настоящее время ихъ насчитывается около 17,5 тыс. душъ обоего пола.

Тутъ только Ковенская губернія мѣшаетъ, какъ чисто Литовская, общей гармоніи русскаго быта; за то Могилевская, Кіевская, Подольская, Волынская и Минская вполнѣ русскія губерніи. Даже Виленская оказалась, противъ ожиданія, гораздо болѣе русскою губерніею, чѣмъ Литовскою, и мы можемъ удостовѣрить изъ личныхъ наблюденій, что тамъ такой же выраженный русскій типъ и говоръ, какъ въ Смоленскѣ. Можно ли послѣ этого возражать, что этотъ край не достоинъ нашего попечительства и полнѣйшаго вниманія.

Весьма замѣчательно, что къ этому же разряду русскихъ людей относятся безсомнѣнно старообрядцы, о которыхъ слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ. Всѣ эти люди начали свое бѣгство изъ Царской Россіи, во времена Грознаго, отчасти съ Курбскимъ, при Никонѣ, Петрѣ Великомъ отъ рекрутчины и стрижки бородъ и немного при Николаѣ. I. Ихъ насчитывается слѣдующее число обоего пола по переписи 1897 г.

Губерніи:	Число душъ обоего пола.	%
Ковенская	32.840	2,13
Витебская	83.022	5,57
Могилевская	23.349	1,39
Кіевская	15.843	0,44
Подольская	18.849	0,62
Волынская	8.282	0,28
Гродненская	504	—
Минская	15.860	0,74
Виленская	25.573	1,62
	223.722	1,42

И эти измучившіеся люди, за долготерпѣніе, теперь получаютъ казенные участки земли, на началахъ хуторного устройства и будутъ служить крѣпкою оградою русскаго духа.

Не менѣе интересны данныя о религіи, типичный оттѣнокъ національности, которою сильно отличается русскій человѣкъ отъ поляка. Православныхъ обоего пола по губерніямъ слѣдующее число:

Губерніи:	Число душъ обоего пола.	%
Ковенская	44.658	3,01
Витебская	825.601	55,44
Могилевская	1.402.161	83,13
Кіевская	2.983.735	89,40
Подольская	2.358.497	78,15
Волынская	2.106.521	70,46
Гродненская	919.346	57,34
Минская	1.558.264	72,56
Виленская	415.295	26,09
Итого православныхъ . .	12.624.078	59,50

Въ настоящее время ихъ будетъ около 16 м. душъ обоего пола. Чтобы поддержать православіе, за которое такъ долго и настойчиво боролся народъ, необходимо признать его не равнымъ другимъ религіямъ, а первенствующимъ, съ особыми правами на жизнь, службу и съ уравненіемъ благосостоянія духовенства съ причтомъ, съ воюющимъ католицизмомъ. Священникъ можетъ имѣть свою землю, но это не его дѣло обрабатывать ее въ поту лица. Они должны получать опредѣленное жалованье и пользоваться особымъ почетомъ, имѣть вѣскій голосъ при выборахъ въ Г. Думу и Г. Совѣтъ и въ земствѣ. Приниженность православнаго духовенства Западно-Русскаго края, сравнительно съ ксендзами и пасторами, которые всѣ живутъ, какъ помѣщики, и нѣкоторые очень богато, всегда будетъ служить укоромъ русской государственности. Пора замѣнить мужицкую вѣру, хлопскую, вѣрою государства, которую не смѣютъ называть схизматическою. Неужели эти милліоны православныхъ вблизи Германіи, Австріи, недостойны глубокаго уваженія и улучшенія своей горькой участи? Но имъ нужны защитники и таковые, за отсутствіемъ русскаго дворянства и интеллигенціи въ краѣ, необходимо отыскивать въ духовенствѣ, которое съ честью сохранило народъ въ его почти цѣльномъ видѣ, и это громадная заслуга, за которую слѣдуетъ отблагодарить, на пользу же всего государства.

Теперь обратимся къ полякамъ, которые потеряли свое королевство, не перестаютъ играть выдающуюся роль въ краѣ, продол-

жаютъ командовать народомъ, а русскія власти, о, увы! это допускаютъ...

По переписи 1897 г., поляковъ обоего пола было въ краѣ въ слѣдующемъ числѣ:

Губерніи:	Число д. об. пола	%
Ковенская	139.618	8,95
Витебская	50.377	3,38
Могилевская	17.526	1,04
Кіевская	68.691	1,93
Подольская	69.156	2,29
Волынская	184.161	6,16
Гродненская	161.162	10,47
Минская	64.617	3,01
Виленская	130.054	8,17
Итого въ краѣ	885.362	5,04

До сихъ поръ эта народность, съ его дворянствомъ, шляхтою и дворовою челядью, находилась будто подъ особымъ покровительствомъ русской власти. Наше русское дворянство и чиновничья интеллигенція считали за честь быть знакомыми и за панибрата съ этими аварами-обрами, забывая: бунты и всякаго рода подкопы подъ государство, въ которомъ они себя считаютъ съ какою-то высшею культурою. Просимъ указать, какая это такая завидная культура? Изъ нихъ богатые, съ десятками тысячъ десятинъ земли, живутъ большею частью за границею, въ Австріи, имѣя два подданства, двѣ отчизны и не принося Россіи ни малѣйшей пользы ни службою, ни наукою, ни хозяйствомъ. Добытое съ русской земли идетъ на ихъ удовольствіе, а Россіи они не знаютъ; они пользуются всѣмъ, но давать Россіи хоть ноготокъ своего богатства не даютъ, неся только тѣ налоги, какіе установлены для всѣхъ, по коронѣ и земству. Также русскіе чиновные люди въ губерніяхъ, къ ихъ услугамъ, въ особенности исправники и становые! Народъ это для нихъ прежнее быдло, Панургово стадо, о которомъ, добромъ, никто изъ нихъ и не думаетъ. Развѣ взглянутъ съ презрѣніемъ на того изъ работниковъ, который ради куска хлѣба согласился говорить по-польски и принялъ католичество! Такому ренегату дадутъ ломоть и брысь, убирайся, въ твою разваливающуюся хибарку... Дворня

такого пана, шляхта и прислуга, кишитъ многочисленностью разныхъ должностей, опираясь на пана, князя, графа, съ фанаберіею, крайне дурного и неопрятнаго тона. Всѣ нравы и обычаи остались, какъ были при Рѣчи Посполитой, и если можно побунтовать, уйти до лясу, надругаться надъ русскимъ человѣкомъ, то это дѣлается съ охотою. А между тѣмъ, пора бы признать, что для всѣхъ этихъ господъ, теперь имѣется только одно отечество—Россія и, какъ то высказалъ графъ Корвинъ-Милевскій, слѣдуетъ протянуть намъ руку и начать жить съ нами, какъ честные граждане одного недѣлимаго государства.

А между тѣмъ всѣхъ-то дворянъ (потомственныхъ и личныхъ), безъ различія національностей, считается всего въ краѣ по переписи 1897 г.—481.666 или 2,82% всего населенія въ 20 м. душъ обоего пола, при чемъ Ковенская, Минская и Виленская губерніи имѣютъ ихъ больше всего. Какъ огромную противоположность укажемъ на крестьянство, по преимуществу русской рѣчи, православные и по крови, однородные съ нами.

Губерніи:	Число душъ обоего пола крестьянъ.	%
Ковенская	1.099.069	71,20
Витебская	1.164.444	78,20
Могилевская	1.351.533	80,13
Кіевская	2.768.542	77,78
Подольская	2.440.679	80,86
Волынская	2.241.062	74,10
Гродненская	1.162.379	72,49
Минская	1.541.121	71,76
Виленская	1.197.381	75, 3
Итого крестьянъ	14.966.210	75,75

Такое преобладаніе крестьянства, этого холопа, по польскому выраженію, говоритъ само за себя, требуя особаго покровительства, по принципу русской идеи и русской государственности, которая всегда освобождала, сравнивала льготы своихъ подданныхъ и неоднократно указывала законами, дѣйствіями, на фактахъ, что она голодныхъ кормитъ, отъ насилія защищаетъ и всегда заботилась о благосостояніи младшихъ, сихъ малыхъ, гибнувшихъ подъ властью

Рѣчи Посполитой! Теперь настало время позаботиться о нихъ еще больше.

Далѣе обратимся къ самому жгучему вопросу, къ вѣрѣ, и посмотримъ, что представляютъ изъ себя р.-католики и на сколько они могутъ претендовать, что они у себя дома, со своею непогрѣшимостью папы и со всѣми ихъ индульгенціями...

Перепись 1897 г. вотъ что намъ даетъ:

Губерніи.	Число душъ католиковъ обоего пола.	%
Ковенская	1.180.303	76,42
Витебская	175.678	11,80
Могилевская	50.159	2,98
Кіевская	106.733	2,99
Подольская	262.738	8,70
Волынская	298.110	9,97
Гродненская	386.519	24,41
Минская	217.959	10,15
Виленская	935.849	58,82
Итого р.-католиковъ	3.613.748	22,88

Изъ этой таблицы видно ясно, что Западно-Русскій край далеко не подлежитъ покровительству Его Святѣйшества, а есть только нѣкоторая разновидность по вѣрѣ народа и всецѣло долженъ находиться въ подчиненіи и управленіи русской короны, и никто не имѣетъ право вмѣшиваться въ дѣла р.-католиковъ, которые живутъ въ предѣлахъ Русскаго государства среди русскаго православнаго народа и зависятъ отъ воли русскаго Монарха и дѣйствующихъ законовъ. Если же къ этому, на основаніи переписи, присовокупить всѣхъ тѣхъ русскихъ людей, которые, сохранивъ свой языкъ и признавая себя за русскихъ, за 1000 лѣтъ, были вѣроятно насильно совращены изъ православія, сначала въ уніатство, а потомъ въ католичество, то получается слѣдующая поразительная картина по переписи 1897 года.

Губерніи.	Число об. п. совращен. католиковъ, русскихъ.	%
Ковенская	33.647	2,16
Витебская	87.085	15,16
Могилевская	28.318	1,67

Губерніи.	Число об. п. совращен. католиковъ, русскихъ.	%
Кіевская	35.608	1,05
Подольская	192.626	6,39
Волынская	108.328	3,62
Гродненская	225.878	14,90
Минская	152.320	7,09
Виленская	526.361	3,30
Итого совращенныхъ	1.390.171	8,80

Такимъ образомъ оказывается, что собственно прирожденныхъ р.-католиковъ, но не русскихъ совращенныхъ, только 14,08 всего населенія: главнымъ образомъ поляки, литовцы.

По поводу вотъ этихъ русскихъ людей, совращенныхъ изъ православія и уніи въ католицизмъ, признающихъ своимъ роднымъ языкъ русскій, необходимо высказаться досконально. На этихъ людей, 8,8% всего населенія, Русское государство имѣетъ свое государственное притязаніе, причислять ихъ къ своей кровной семьѣ, какъ всѣхъ русскихъ православныхъ людей Западно-Русскаго края. Эти люди—ея собственность, и она обязана сохранить ихъ въ цѣлости, эту свою народность, хотя бы католическую. Вѣдь вѣротерпимость у насъ полная, а если это такъ, то всѣ они такіе же люди, какъ мы всѣ, русскіе люди, которые признаютъ себя православными, а они не устрашились объявить всенародно, что они католики. Это своего рода характеръ, достоинство націи, которое нельзя не уважать. Мы должны имъ покровительствовать, не хуже, чѣмъ маріавитамъ въ Ковенской, Гродненской, Кіевской и Волынской губерніяхъ. Ихъ слѣдуетъ изъять изъ-подъ власти непогрѣшимаго папы и ксендзовъ; имъ необходимо дать русское католическое богослуженіе и русскихъ католическихъ священниковъ, располячить костелъ и обратить его въ русско-католическую церковь.

Для этого пора и необходимо основать въ Кіевѣ и Вильнѣ русско-католическія семинаріи, съ преподаваніемъ всѣхъ предметовъ, до богословія включительно, на русскомъ языкѣ и для воспитанія юношества въ чисто русскомъ духѣ. Понятно, что такія семинаріи должны находиться подъ началомъ министерства народнаго просвѣщенія и департамента духовныхъ дѣлъ, для контроля и единства дѣйствій. Оттуда пусть выходятъ русско-католическіе священники, проповѣдующіе слово Божіе и совершающіе свою службу на рус-

скомъ языкѣ. Тогда вздохнутъ свободно эти 1.400 т. русскихъ душъ, совращенныхъ то соблазномъ, а то насильственно, отъ вѣры своихъ отцовъ, но къ счастію не утратившихъ свой народный языкъ. Но мы идемъ дальше и полагаемъ возможнымъ допустить бракъ у этихъ русско-католическихъ священниковъ, такъ какъ то, что творятъ ксендзы и патеры при ихъ холостой жизни, недопустимо. Входить вторымъ мужемъ въ семьи своихъ прихожанъ, ради того, что имъ не дозволяется быть женатымъ, болѣе чѣмъ позорно для этихъ семей и женъ католичекъ. Или еще хуже, откармливаться въ семинаріи на счетъ какой-то кухарки, съ обязательствомъ ее взять себѣ въ экономки, когда достигнетъ сана ксендза, что совершается сплошь и рядомъ, недостойно іерея.

Напротивъ того, указанныя мѣры, принятыя Россіею, для располяченія костела, для ублаготворенія своего народа, могутъ добродѣтельно откликнуться на западѣ, среди католическихъ славянъ: чеховъ, хорватовъ, словенцевъ, галичанъ и всѣхъ тѣхъ, которые требуютъ славянскаго богослуженія на своихъ нарѣчіяхъ и никакъ не добьются того, что такъ легко и возможно, и что было обѣщано папами и отмѣнено незаконно.

То, что было высказано о русскихъ католикахъ, всецѣло относится до литовцевъ: литовцы, жмудь и латыши, которыхъ считается по переписи 1897 г.:

Губерніи.	Об. пола число душъ.	%	
Ковенская	1.064.962	68,81	Жмудь.
Витебская	266.297	17,13	Латыши.
Виленская	279.720	17,58	Литовцы.
Могилевская	10.638	0,53	Литовцы.
Минская	2.397	0,11	Литовцы.
Гродненская	3.366	0,21	Литовцы.
	2.527.380	17,39	

И они добиваются, требуютъ своего языка при католическомъ богослуженіи, но изъ-за польско-католическихъ епископовъ никакъ не могутъ добиться того, что имъ по праву принадлежитъ: своего родного языка въ молитвѣ къ Богу, создателю этого народа. Можетъ быть это дѣло пойдетъ лучше въ новѣйшее время? Но свершится такой поворотъ въ ихъ пользу только тогда, когда русское правительство и власти встанутъ на сторону литовцевъ безповоротно: отдѣлятъ Литву отъ поляковъ.

Что касается нѣмцевъ, то они, какъ вообще протестанты, многихъ оттѣнковъ, непріятны тѣмъ, что не сливаются съ русскимъ народомъ, имѣютъ будто свои чисто нѣмецкія учрежденія, школы въ особенности и, получая субсидію изъ Германіи, изъ разныхъ ферейновъ, владѣютъ большими землями, богаты и богатѣютъ, но признаютъ за свое отечество не Россію, а Германію.

Такихъ протестантовъ разнообразнѣйшихъ духовныхъ понятій насчитывается въ краѣ 226.700 д. об. пола. Изъ нихъ собственно нѣмцевъ, имѣющихъ право быть отмѣченными, это тѣ, которые живутъ на своихъ земляхъ:

въ Волынской губ.	171.331	д. об. п.
„ Ковенской „	21.762	„ „ „
„ Витебской „	7.361	„ „ „

Всѣ они расположились по кратчайшему пути, по шоссе, отъ Австрійской границы къ Кіеву и отъ Кенигсберга къ Ригѣ и Петербургу, т. е. по пути движенія вражьихъ армій въ нашу страну. Въ этихъ колоніяхъ все идетъ по-нѣмецки, и все приноровлено на пользу вторгнувшаго войска, для снабженія его шпіонами и по продовольственной части, а можетъ быть и военной. Образовались эти колоніи въ началѣ XIX ст., при заселеніи русскихъ земель колонистами, безъ разбора, и съ увѣренностью, что нѣмцы исключительно честный и работящій элементъ человѣчества. Да онъ такой и есть, но для себя и своего незабываемаго фатерланда, откуда получаютъ своихъ пасторовъ, учителей, разныя субсидіи, наставленія и требованіе считать своимъ отечествомъ не Россію, а Германію. Также нѣмецкій языкъ тамъ въ полномъ ходу, а русскій, какъ и православіе, и русскій мужикъ, въ полномъ пренебреженіи. Теперь, насколько извѣстно приняты кой-какія мѣры укрощенія нѣмецкаго аппетита къ русскимъ землямъ, къ покупкѣ такихъ земель иностранными подданными, но зато для обрусенія ихъ пока еще ничего не сдѣлано: нѣмецкая ограда стоитъ крѣпко на стражѣ своихъ интересовъ и въ смыслѣ культуры, ничего не даетъ окружающему колонистовъ русскому населенію. Школьное дѣло, кирки, больницы, все это и т. п. въ отличномъ видѣ, но все на нѣмецкій ладъ, а богатство хозяевъ, ихъ общественные капиталы и изобиліе земель съ общимъ довольствомъ достигаютъ милліона рублей, творя фальцъ-фейновъ съ сотнями тысячами овецъ, которыхъ считаютъ по числу собакъ и пастуховъ! Вообще объ этомъ дѣлѣ у насъ совсѣмъ не думали: laissez faire, laissez passer! Но наступаетъ время, когда и эта національная ошибка себя покажетъ; если недостаточно того, что они, нѣмцы, виною въ томъ, что теперь среди русскаго населе-

нія не мало менонитовъ и иной лютеранской секты. Приписать это можно только русской безпечности, громадности нашей Имперіи и большому невѣжеству русскаго народа и нашихъ милыхъ чиновниковъ, изъ которыхъ 9/10 служатъ для 20 числа, мало заботясь о благѣ Россіи! Какъ это напоминаетъ намъ время XVI ст., хотя мы уже живемъ въ XX. И думается намъ, нельзя ли было бы этихъ нѣмцевъ переселить съ мѣстъ нашихъ стратегическихъ путей въ Сибирь, хотя бы съ вознагражденіемъ землями и всякими льготами, только бы подальше отъ соблазна, туда, гдѣ и тепло и не голодно, но гдѣ это твердо стоящее на своемъ я Deutschland über alles потонуло бы въ изобиліи земель и будущихъ русскихъ переселенцевъ. Тамъ бы они, эти нѣмецкіе колонисты, наконецъ, изъ-за сбыта своихъ произведеній, обрусѣли бы, потонули бы въ обширности пространства и вдали отъ своихъ милыхъ однородныхъ друзей, враговъ нашего Отечества, по сосѣдству.

Остается намъ затѣмъ разсмотрѣть еще одну народность, играющую роль въ Западно-Русскомъ краѣ, это евреевъ, которыхъ оказывается по губерніямъ и по переписи 1897 г. слѣдующее число:

Губерніи.	Число душъ об. п. евреевъ.	%
Ковенская	212.028	13,77
Витебская	174.240	11,70
Могилевская	203.507	12,07
Кіевская	430.489	12,10
Подольская	369.306	12,24
Волынская	394.774	13,21
Гродненская	278.542	16,48
Минская	343.466	15,19
Виленская	202.374	12,72
Итого	2.608.726	13,28

Такое довольно равномѣрное распредѣленіе евреевъ по всѣмъ губерніямъ края указываетъ, какъ евреи размежевали этотъ край между собою и какой на этотъ счетъ ведется у нихъ порядокъ, не въ обиду себѣ, а русскому крестьянству на столько же въ обиду, на сколько въ услугу польскому люду. Евреи съ выгодою для себя служатъ помѣщикамъ и его польской дворнѣ съ

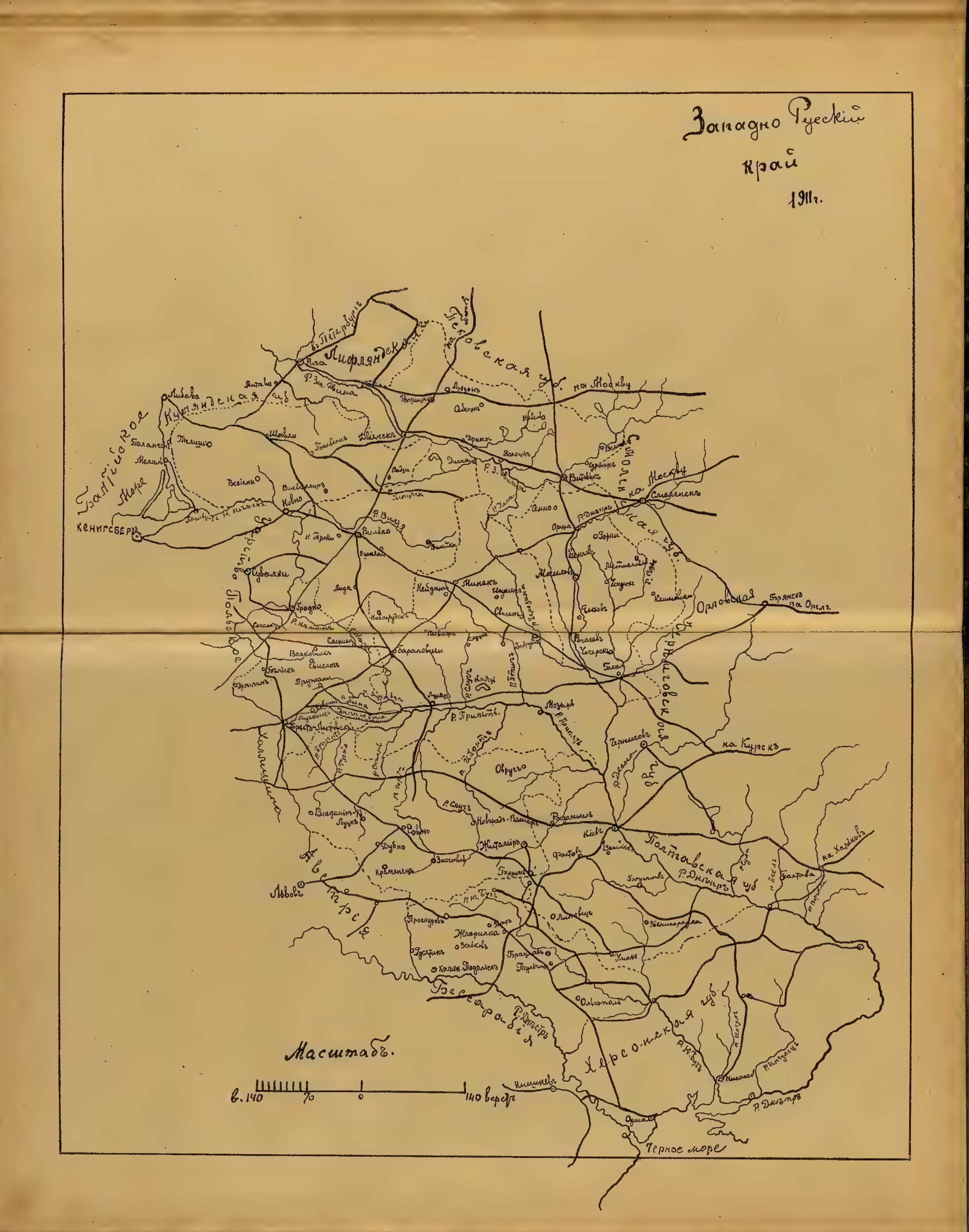
успѣхомъ, мало интересуясь русскимъ крестьянствомъ, со стороны заработковъ. Они же арендуютъ землю и сдаютъ ее по повышенной цѣнѣ. Они, занимаясь нѣкоторыми ремеслами, посредственной подѣлки, продаютъ свои произведенія и произведенія земли, всегда съ прибылью, безубыточно и, какъ особенно ретивый посредникъ, во всякой торговлѣ, кормится на счетъ народа. Онъ ему ссужаетъ за проценты, до 2% въ недѣлю, нужную сумму денегъ; насильственно покупаетъ, сбивая съ толку, простонародье, желающее продавать свои произведенія на базарѣ и доставляетъ ему контробандою и навязывая въ долгъ все, что нужно крестьянину, не въ лучшемъ видѣ и далеко не дешево. По субботамъ останавливается всякая торговля у еврея, а по воскресеньямъ соблазнъ отводитъ отъ церкви и продается безакцизное вино, дурного качества, изъ еврейскихъ тайниковъ, которыхъ вездѣ достаточно. Народная нравственность страдаетъ отъ еврея; не мало и воинская повинность, которую евреи исполняютъ плохо, и недостающее число заполняется христіанами. Не мало при этомъ изъ евреевъ нарочно себя калѣчутъ, другіе эмигрируютъ, подкупаютъ и во всѣхъ своихъ дѣлахъ, по преимуществу торговыхъ, прибѣгаютъ къ такимъ плутнямъ, которыя совершенно незнакомы народу.

Если взглянуть на евреевъ, со стороны той пользы, какую человѣкъ приноситъ ближнему, работая на себя, на общество и на государство, то для Западно-Русскаго края становится сомнительнымъ, чтобы евреи приносили хотя бы малѣйшую пользу порабощенному матеріально русскому народу. Торговля еврейская съ вѣчнымъ обманомъ, насиліемъ, всегда можетъ быть легко замѣнена чисто русскою торговлею, какъ и всякое подрядное, арендное дѣло; плохое еврейское мастерство вполнѣ доступно хорошему русскому мастерству.

Какъ бы тамъ ни было, но Западно-Русскій край, за время русскаго владычества, все-таки на очень многое выправился, сдѣлался сытѣе, и теперь едва-ли тамъ найдешь хлѣбъ съ корою, который мы видѣли и пробовали еще 1862 г. Со времени Императора Николая I и въ особенности съ освобожденія крестьянъ въ 1861 г., крестьянство Западно-Русскаго края дышетъ гораздо легче, а теперь и подавно. Экономическое положеніе также улучшилось значительно. Сначала канализація, потомъ шоссе и разныя дороги и наконецъ желѣзнодорожный путь, развили общеніе, передвиженіе народа и повысили значительно торговлю, а въ новѣйшее время подвинулась впередъ и грамотность, при общемъ повышенномъ благосостояніи. Теперь идетъ дѣло по землеустройству, съ хуторнымъ и отрубнымъ, фермерскимъ хозяйствомъ, съ неотъемлемою собственностью земли и со введеніемъ настоящаго самоуправленія—земства. Нельзя также

не упомянуть, что насажденіе картофелемъ съ его производствомъ въ 40-хъ годахъ и свеклосахарнаго дѣла, разросшагося до удивительныхъ предѣловъ и, наконецъ, съ осушеніемъ Пинскихъ болотъ, все это, въ совокупности, дало не мало продуктовъ работы и сытости, но даже содѣйствовало улучшенію здоровья простолюдина, который среди большихъ болотъ Минской и Волынской губерній, пересталъ страдать такими болѣзнями, какъ колтунъ на волосахъ, что нерѣдко было видѣть не только въ народѣ, но и среди духовенства! Пинчукъ, этотъ обитатель Пинскихъ болотъ, съ личностью не похожею на человѣка, съ ногами въ видѣ колеса и со своимъ непонятнымъ говоромъ, исчезаетъ окончательно. Канализація рѣкъ Припяти и Ясельцы, осушеніе болотъ и проведеніе чрезъ Геродотово озеро, знаменитыхъ Пинскихъ болотъ, желѣзныхъ полѣсскихъ дорогъ, отъ Кобрина на Рѣчицу и отъ Барановичи на Ровно, совсѣмъ измѣнили мѣстность и тамъ, гдѣ когда-то жили древляне съ ихъ княземъ Мала, гдѣ стоялъ городъ Искоростень, съ соломенными крышами, подожженными стаею воробьевъ, выпущенныхъ изъ русскаго стана, тамъ нерѣдкость увидѣть теперь желѣзныя и черепичныя крыши, а бугры, бывшіе капища Перуна, замѣнились обновленными церквами Св. Иліи, Параскевы Пятницы, памятники отдаленаго времени принятія Св. Владиміромъ — христіанства. Край начинаетъ становиться на свои собственныя ноги, и онъ того вполнѣ достоинъ, онъ много терпѣлъ и ему многое прощается...

Теперешняя, XX вѣка борьба съ польщизною, воюющимъ католицизмомъ и съ евреями заключается въ разрѣшеніи слѣдующихъ задачъ. Прежде всего слѣдуетъ поставить весь русскій народъ за такимъ прикрытіемъ, подъ такимъ бетоннымъ сводомъ, куда всѣ хитросплетенія мѣстныхъ враговъ, этого наслѣдія Рѣчи Посполитой, не могли бы проникнуть. Русскій народъ долженъ быть взятъ крѣпкою русскою властью подъ свою особую защиту, съ проведеніемъ широко національной идеи, какъ единственной, съ которою возможно еще долго прожить. Мѣстные дѣятели, близкіе къ народу, какъ мировые судьи, земскіе начальники, исправники, становые и все имъ подобное, должно быть непремѣнно изъ числа русскихъ, честныхъ, неподкупныхъ дѣятелей. Но такъ какъ каждый изъ нихъ имѣетъ свою службу и дѣло и вдаваться имъ въ спеціальное покровительство по всѣмъ мелочамъ жизни почти что невозможно, а многое совершается тайно, сокрыто со стороны враговъ русскаго народа, то быть можетъ было бы цѣлесообразно учредить въ каждомъ уѣздѣ такого рода попечительство изъ интеллигентныхъ и безкорыстныхъ крестьянъ, которыя могли бы раскрывать всѣ хитрости для совращенія изъ православія, по всякому обману и насилію, ка-

Западно Русскій
край
1911г.
Масштабъ.
в. 140
70
0
140 верстъ
Кенигсбергъ
Ковно
Вильно
Гродно
Двинскъ
Витебскъ
Смоленскъ
на Москву
Минскъ
Могилевъ
Мозырь
Черниговъ
на Курскъ
Брянскъ на Орелъ
Орловская
Кіевъ
Полтава
на Харьковъ
Житоміръ
Ровно
Дубно
Кременецъ
Львовъ
Умань
Ольгополь
Николаев
Кишиневъ
Одесса
Черное море
Херсонская губ.
Полтавская губ
Лифляндская
Курляндская губ
Балтійское море
Литва
Митава
Либава
Шавли
Лида
Барановичи
Брестъ-Литовскъ
Владиміръ-Волынскъ
Луцкъ
Овручъ
Проскуровъ
Каменец-Подольскъ
Бессарабія
Галиція
Австрія
Р. Днѣпръ
Р. Днѣстръ
Р. Припять
Р. Вилія

кое ежедневно встрѣчается и творится среди рабочихъ и на работахъ. Такіе попечители русскаго народа, до 90 числомъ, могутъ принести народу и власти большую пользу своимъ примирительнымъ образомъ дѣйствій, гдѣ это возможно, и привлеченіемъ власти къ дѣламъ, явно преступнымъ и порочнымъ. То, что можно устроить мирно, безъ шума, на переговорахъ и убѣжденіемъ, то можетъ совершаться на мѣстѣ. Въ противномъ случаѣ передается земскому начальнику, мировому судьѣ или исправнику для рѣшенія тѣмъ или другимъ способомъ. Допускать, чтобы управляющій какою-либо отраслью экономіи могъ самопроизвольно оставлять рабочаго съ семьею безъ куска хлѣба, выгнать съ работъ, недопустимо; и за что собственно? А зато, что не знаетъ или не хочетъ говорить по-польски; не желаетъ ходить въ костелъ, разговаривать съ ксендзомъ.

Вообще наемъ рабочихъ въ экономію долженъ быть упорядоченъ за исключеніемъ совсѣмъ изъ обычая наниматься по одиночкѣ. Въ городахъ и мѣстечкахъ могутъ дѣйствовать наемныя для рабочихъ конторы, гдѣ собирается артель подъ началомъ старшаго артельщика, непремѣнно изъ русскихъ. Съ нимъ разговариваетъ экономія или заводъ, чрезъ него выдаетъ заработную плату, съ него требуетъ, а не съ единичныхъ рабочихъ, до которыхъ не касаются штрафы, взысканія и всякія пререканія. Тогда будетъ порядокъ, законный отвѣтъ, и рабочій людъ не будетъ обиженъ.

Защиту, помощь народу, съ устраненіемъ всякаго обмана и насилія, могло бы одинаково оказать основаніе Бѣлорусскаго вспомогательнаго общества съ резиденціею въ Петербургѣ и съ отдѣлами въ Бѣлорусскихъ губерніяхъ. Программа помощи могла бы касаться до всѣхъ жизненныхъ потребностей и житейскихъ бѣдъ. Вѣдь странно сказать, что въ Минской губ. случалось наткнуться на такой приходъ, котораго обыватели, 7 лѣтъ сряду, не знали урожая, изъ-за градобитія ихъ полей на проклятой горѣ. Не случись нечаяннаго пріѣзда уполномоченнаго по постройкѣ церквей, такое разореніе продолжалось бы и впредь, но представленіе о такомъ положеніи жителей было уважено и отвели новое поле, а градобитное забросили.

Также полагаемъ, что объѣздъ волостей, приходовъ по губерніямъ, съ разспросомъ о нуждахъ жителей, особо командированными, образованными молодыми людьми, которые не устрашились бы проникнуть во всѣ захолустья, принесъ бы большую пользу, какъ населенію, такъ и правительству. Послѣднее бы узнало, что важно сдѣлать, въ какую сторону идти, и на что именно слѣдуетъ обра-

тить наибольшее вниманіе. Въ сельской жизни, столь не мудрой и несложной, мелочи играютъ въ жизни человѣка большую роль, и потому устраненіе вредныхъ, не скрытыхъ явленій, преступныхъ, вполнѣ доступно государству, да и стоитъ-то оно не Богъ вѣсть сколько, а пользы будетъ много: народъ крѣпко станетъ вѣрить правительству, что оно о немъ безпокоится, желаетъ ему добра.

Сѣверо-Западный край темнѣе, запуганнѣе, гораздо смирнѣе, чѣмъ Юго-Западный край, и потому тамъ необходимо обратить наибольшее вниманіе на школу, но не такую, гдѣ учатъ читать, писать и счетоводству съ 4 правилами ариѳметики; такая грамотность, или вѣрнѣе полуграмотность, производитъ дурныхъ писарей, говоруновъ на сходкахъ, полупьяныхъ ходатаевъ и, наконецъ, слишкомъ часто глупыхъ крикуновъ. Школа должна имѣть вполнѣ полезное направленіе, которое состоитъ въ томъ, чтобы развить простолюдина со стороны національной, въ любви къ отечеству и престолу, а это достигается нѣкоторымъ понятіемъ по исторіи Россіи, ея географіи, которыя въ интересныхъ разсказахъ и съ разумными руководствами, легко понимаются и слушаются дѣтьми, да и взрослыми съ восторгомъ. Школа эта обязана учить сельскому хозяйству практически и теоретически. Она должна имѣть свой ремесленный отдѣлъ въ родѣ обученія портняжному, сапожному, столярному, токарному, кузнечному, слесарному и другимъ мастерствамъ. Одному изъ этихъ мастерствъ слѣдуетъ учить, чтобы доставить мозолистымъ рукамъ заработать кой-что зимою, какъ подспорье сельскому хозяйству. Если одно изъ такихъ мастерствъ насадить въ волостной школѣ, то этимъ не мало будетъ вырвано, чрезъ короткій срокъ, изъ рукъ евреевъ, и народъ не будетъ нуждаться исключительно, въ ихъ плохой работѣ. Онъ скоро станетъ конкуррировать съ ними, а это нужно; нужно, чтобы русскій народъ былъ самостоятеленъ и независимъ во всемъ томъ, что ему нужно, въ обыденной жизни. На такія школы съ ремесломъ примѣрно на 270 волостей въ краѣ и съ отпускомъ такой школѣ по 1.000 р., придется расходовать въ годъ 270.000 руб. Полагаемъ, что % обученія съ этого капитала будетъ значительно больше, чѣмъ % съ этого капитала, что теперь получается, такъ какъ каждый мастеръ своего дѣла, занимаясь имъ спеціально, зарабатываетъ въ годъ отъ 360—720 р., а то и больше. И земство въ этомъ случаѣ можетъ оказать населенію громадную пользу, а теперешнее землеустройство съ хуторами и отрубами поставитъ человѣка въ полную независимость отъ экономіи и евреевъ, сдѣлавъ изъ бѣлорусса самостоятельнаго

хозяина, знающаго, что у него имѣется неотъемлемая, собственная земля, свой голосъ и цензъ.

Помимо изложеннаго, для независимаго существованія бѣлорусса, необходимъ мелкій кредитъ, хотя бы съ разсчетомъ по выдачѣ не болѣе 50 р. на руки, подъ ручательстомъ на три года. Имѣя этотъ кредитъ, крестьянинъ освободится отъ ростовщичества и вмѣсто 104% въ годъ, по 2% въ недѣлю, будетъ, не разоряясь, платить казнѣ отъ 3—4%. Такое благодѣяніе быстро подниметъ приниженное крестьянство. Если предположить, что каждой волости выдать для мелкаго кредита по 3.000 р., то всего потребуется изъ фонда сберегательныхъ кассъ 800 т. руб. Это такъ мало, что отказать въ такой помощи было бы очень грѣшно. Вѣдь купить павшій скотъ, лошадь, завести свинью, исправить избу, выдать замужъ дочь и т. п. житейскія потребности, это все ежедневныя, повсюду въ крестьянствѣ появляющіяся нужды, но на нихъ нѣтъ отклика, и по неволѣ они прибѣгаютъ къ еврею.

Ссудосберегательныя кассы, съ застраховкою отъ эпизоотій, убійства человѣка, отъ градобитія, недорода, это все такіе жгучіе вопросы, на которые вѣроятно отвѣтитъ земство, если предсѣдатели управъ будутъ русскіе люди.

Юго-Западно-Русскій край находится въ лучшемъ положеніи по климату и почвѣ. Вѣдь не понапрасно говорятъ, что Подолъ течетъ млекомъ и медомъ. Тамъ уже начали появляться артели рабочихъ и потребительныя общества съ товаромъ для простолюдина, хорошаго качества, а не еврейской фальсификаціи и обмана. Да и на поляковъ тамъ обращаютъ кой-какое вниманіе и вотъ — польское коло встревожилось и внесло въ Государственную Думу запросъ предсѣдателю Совѣта Министровъ, правда ли что въ краѣ, а также въ Царствѣ Польскомъ, въ Минской и Ковенской губерніяхъ установлено губернаторами взысканіе за содѣйствіе недозволенному обученію? Значитъ, оно признаетъ недозволенное и дерзаетъ еще спрашивать, правда ли это!

Къ особенностямъ Юго-Западнаго края слѣдуетъ отнести появленіе тамъ съ 60-хъ годовъ XIX ст. украйнофильства, сильно теперь подогрѣваемаго австрійскими агентами. Это дѣло, съ обществомъ Шевченки во главѣ, какою-то оперою Наталки-Полтавки и ограниченнымъ числомъ фантазеровъ, полагающихъ, что Малороссія, малороссы, составляетъ что-то особенное, со своимъ неразработаннымъ нарѣчіемъ и своими чумаками, можетъ самостоятельно существовать, не нуждаясь въ общемъ отечествѣ—Россіи! Никогда они самостоятельно существовать не могутъ, и это доказано удѣльными

князьями временъ Андрея Боголюбскаго и потомъ татарщиною, а далѣе Литвою и Польшею, которые всѣ ее громили, покоряли и уродовали вплоть до присоединенія Малороссіи въ 1654 г., а затѣмъ и Украйны при Екатеринѣ II. Даже эти 60 т. реэстровыхъ казаковъ съ Хмельницкимъ во главѣ, чуть-чуть что не признали своимъ повелителемъ турецкаго султана, а вѣдь они боролись съ поляками не на жизнь, а на смерть, и не мало били Польшу, но и тогда рѣшили наконецъ на радѣ, въ Переяславѣ, что лучшаго покоя, какъ подъ покровомъ восточнаго, православнаго Царя, они не найдутъ и, разумѣется, нашли. Случился еще измѣнникъ Мазепа со своими 6 т. казаковъ, но неслыханная еще побѣда подъ Полтавою отняла у всѣхъ надежду возвратиться къ какимъ бы то ни было старымъ отжившимъ порядкамъ. И вотъ изъ числа милліонныхъ людей, нашлись какіе-то 100,—хотя бы даже 1.000 человѣкъ, не особенно культурныхъ, которые, опираясь на Австрію и поляковъ, затѣваютъ теперь совратить Украйну, Малороссію и далѣе до Кубани, и все это отнять отъ Россіи и эту благодатную страну, добытую русскою кровью отъ Польши и Турціи, образовавъ здѣсь какое-то славянское государство, съ апостолическимъ Величествомъ во главѣ и съ передачею за это Германіи 15 м. австрійскихъ нѣмцевъ западной Австріи.

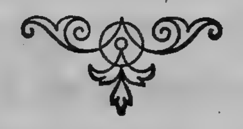
Напротивъ того, не пора ли бы войти въ соглашеніе съ Германіею и окончательно присоединить къ себѣ русскую Галицію по Санъ: знай, ляше, что Санъ наше, и занявъ Карпаты съ ихъ Бойками и Лемками, притянуть къ себѣ угро-руссовъ, весь комитетъ Мормарашъ, до береговъ Тиссы. Мы увѣрены, что, случись война у насъ, а она будто и надвигается, то даже всѣ наши лѣвые встанутъ подъ ружье и будутъ защищать свое отечество. Аннексія Босніи и Герцоговины, это еще послѣдній вздохъ несчастной Японской войны, которая проиграна благодаря также долготерпѣнію и преобладанію ничтожныхъ личностей! Теперь все это прошло, и наше дѣло, какъ національное, далеко не проиграно. Съ каждою минутою, что мы живемъ, мы чувствуемъ нашу возвращающуюся къ намъ силу и вовсе не удивляемся конфликту съ нашими палатами...

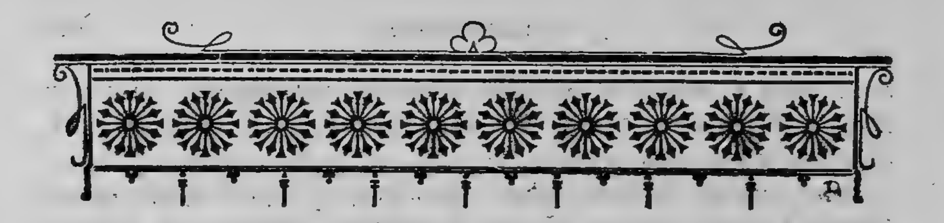
Какъ у нѣмцевъ, Германія превыше всего, такъ у насъ нашъ русскій Государь превыше всего. Это удостовѣряетъ исторія, народное избраніе и пышно расцвѣтшая Россія, съ ея богатствами и 160 м. народомъ, изъ которыхъ $^3/_5$ русскаго народа. И вотъ къ Царю обратилась русская депутація Юго-Западнаго края, прося о земствѣ. Она была принята благожелательно и какъ закрытіе па-

латъ, такъ и статьи 87, вопреки протеста, произведены законно и по волѣ и царскому желанію. Что были чрезвычайныя обстоятельства, это такъ ясно, какъ день.

Мы имѣемъ полное право воскликнуть: руки прочь, и да будетъ Русскій народъ съ его Государемъ рѣшителемъ нашихъ судебъ.

А. Ф. Риттихъ.

Матеріалы для исторіи русской литературы 20-хъ и 30-хъ годовъ XIX в. [1]).

Письма П. А. Катенина къ Н. И. Бахтину.

59.

27 января 1830 г.—Шаево.

Увѣрять ли мнѣ Васъ, любезнѣйшій Николай Ивановичъ, что письмо Ваше отъ 4-го Генваря, полученное въ Костромѣ передъ отъѣздомъ, меня столько же обрадовало и утѣшило, сколько прежнее отъ 6-го Декабря смутило и опечалило? По отправленіи моихъ двухъ отвѣтовъ страхъ на меня напалъ; хотя убѣжденный въ правотѣ моей, я опасался, что, давъ лишнюю волю чувству и перу, могъ самъ, въ свою очередь, еще болѣе провиниться, своей горячностью столько же обижая Вашу дружбу, сколько моя Вашей холодностью огорчалась: слава Богу, все прошло; Вы точно меня любите, и я вѣрно въ этомъ Вамъ не уступлю; постараемся только охранить нашу пріязнь, на взаимномъ (кажется) уваженьи основанную, отъ всѣхъ подобныхъ недоразумѣній. Письма я отъ Сомова еще не получалъ, ни Сѣверныхъ Цвѣтовъ, а только два первые № Литературной Газеты. Истиннаго ея достоинства по самому началу опредѣлить невозможно, но, безъ сомнѣнія, ожидать отмѣннаго тутъ не почему. *Магнетизеръ* [2]) не хуже и не лучше многихъ ныньче появляющихся повѣстей съ замашками Вальтеръ Скотта; Вяземскаго отрывокъ изъ біографіи

---

[1]) См. „Русскую Старину", іюль 1911 г.

[2]) „Магнетизеръ", отрывокъ изъ новаго романа Антонія Погорѣльскаго. (Литер. Газета. 1830 г. т. I, № 1 и 2).

Фонъ-Визина[1]), по обыкновенію его, съ большими претензіями враньe и болтовня; изъ Пушкина стиховъ есть хорошіе, но все бездѣлка[2]); остальное отчасти любопытно на первый разъ, отчасти (напримѣръ анекдоты о Французкомъ театрѣ)[3]) гиль да и только. Обращаюсь къ размышленіямъ и разборамъ: объ Аретинѣ[4]) не упомянулъ я во первыхъ, потому что не читалъ его самъ, во вторыхъ, потому что il ne vaut pas l'honneur d'être nommé[5]). Въ доказательство, какъ иныя репутаціи неосновательны, довольно было мнѣ гораздо знаменитѣйшихъ Петрарки и Маринія, тѣмъ еще пригоднѣйшихъ, что одинъ понынѣ пользуется не по праву нажитымъ добромъ, а другого давно по суду пустили въ міръ: стало les deux cas s'y trouvent[6]). Я намѣренъ, однако, въ отдѣленіи италіанскомъ выкинуть, при напечатаніи, выходку на Руслана и Людмилу; съ чего мнѣ нападать на Пушкина и еще на юношеское его произведеніе? Пусть параграфъ кончается такъ: „безъ большой картины привлекающей вниманіе, безъ лицъ читателю отъ колыбели знакомыхъ, тутъ спасенія нѣтъ“ [7]). Слѣдующій начнется, какъ теперь, словами, „Боярдъ [8]) тщательно сохранилъ и пр.“. Потрудитесь, почтеннѣйшій, это исправить; для умныхъ, мнѣ кажется, и того довольно, а дураковъ безъ нужды не надобно дразнить: они опасны числомъ; Гнѣдичева Иліада вышла въ свѣтъ[9]): купите ее для меня, отдайте переплесть, также какъ прочія книги мои, къ Вамъ для образца от-

---

[1]) Введеніе къ жизнеописанію Фонъ-Визина (кн. П. А. Вяземскаго). Литер. Газета № 2 и 3.

[2]) Въ 1 и 2 №№ Литер. Газеты напечатаны слѣд. стихотв. Пушкина: Отрывокъ изъ VIII гл. Евг. Онѣгина (№ 1) и Стансы (Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ—№ 2).

[3]) Лит. Газета № 2.

[4]) Pietro Aretino. Итальянскій сатирикъ и драматическій поэтъ, род. въ 1492 г., ум. въ 1557 г.

[5]) „Онъ не достоинъ быть упомянутымъ“.

[6]) „Оба случая тутъ на лицо“.

[7]) Желаніе Катенина не исполнилось: „выходка“ противъ „Руслана“ напечатана въ № 42 Литер. Газеты 1830 г. Послѣ приведенныхъ выше въ письмѣ Катенина словъ (въ кавычкахъ), мы читамъ: „и (будь сказано мимоходомъ) сей-то недостатокъ и холодитъ *Руслана и Людмилу* вопреки обольщенію стиховъ: читателю хочется того времени, того быта, тѣхъ повѣрій и лицъ; вокругъ ласковаго князя Владиміра собираетъ онъ мысленно Илью Муромца, Алешу Поповича, Чурилу, Добрыню, мужиковъ залѣшанъ, видитъ ихъ сражающихся съ Соловьемъ-разбойникомъ, съ Ягой-Бабой, съ Кащеемъ безсмертнымъ и Змѣемъ Горынычемъ, а встрѣтя вмѣсто ихъ незнакомцевъ не знаетъ, гдѣ онъ и ничему не вѣритъ“.

[8]) Matteo-Maria conte Boiardo, итальянскій поэтъ, авторъ „Orlando innamorato“, р. въ 1430 г., ум. въ 1494 г.

[9]) Переводъ Иліады появился въ 1829 г.

правленныя, и вмѣстѣ пришлите; я очень желаю съ ней познакомиться. Еще любопытенъ я увидѣть, какъ Дельвигъ вывелъ въ русской Идилліи отставнаго солдата[1]); NB. что я самъ замышлялъ стихотворенье, въ коемъ главнымъ лицомъ явился бы отставной солдатъ, только не Идиллія изъ того выходила[2]). Коли въ мысли Дельвига не встрѣтится съ моей ни малѣйшаго сходства, онъ мнѣ не помѣха; если же хоть что-нибудь въ обѣ головы разомъ влѣзло, кто первый всталъ, тотъ капралъ, а другому неволя идти въ отставку. Предисловій Вашихъ жду не дождусь, а кажется пора бы. Пора даже en avoir le coeur net[3]) и приступить къ напечатанію моихъ стиховъ: пожалуйста, не пропускайте времени, чтобы послѣ опять не тужить о невозвратномъ: что готово, то хлѣба не проситъ, хотя бы обстоятельства требовали и отсрочки, а чего нѣтъ, гдѣ возьмешь, коли оно на тотъ часъ понадобится? Знаю, что у Васъ много бумагъ по службѣ, но не льзя ли службу съ дружбой какъ нибудь сдружить? Вы были и есте мой литературный адвокатъ; Вы первый отважились замолвить на мой счетъ доброе слово и, замѣтьте, какъ оно въ пользу послужило; съ той поры, если не пользуюсь еще фаворомъ, по крайней мѣрѣ не терплю нелѣпыхъ обидъ: я стою въ томъ, что и одинъ голосъ дѣльный имѣетъ вѣсъ. Теперь выгоднѣйшее время для появленія моего въ свѣтъ: журналистъ Сомовъ нѣсколько съ руки, размышленія и разборы должны приготовить вниманье, и подтвержденье Вами сказаннаго прежде и почти не опровергнутаго никѣмъ приложить печать къ атестату: поспѣшите исполненіемъ, почтеннѣйшій, и одолжите меня совсѣмъ. Поясненіе вышеписаннаго: отзывы Ваши о моемъ дарованіи возбудили споры въ Парижѣ отъ Гагарина, въ Москвѣ отъ Полевого, споры, явно пристрастіемъ и враждою внушенные; но Вы ихъ вездѣ переспорили, они съѣли грибъ, и большее число постороннихъ несомнѣнно склонилось съ точки недоумѣнія на похвалу Вашу, а не на ихъ пустую брань: лучше этого не льзя было и ожидать. Жалѣю душевно объ упадкѣ Петербургскаго театра, но предвидѣлъ его, отъѣзжая: чего ждать, коли ни одного человѣка нѣтъ способнаго дать дѣлу надлежащій ходъ; я предлагалъ тогда Долгорукову изданіе листка драматическаго; онъ бы могъ беспрестанно научать читающихъ и направлять на путь истинны ихъ вкусъ; а теперь невѣжи большіе, они всѣмъ разпоряжаютъ, а дирекція и актеры

---

[1]) „Отставной солдатъ“, русская идиллія барона А. А. Дельвига (Сѣверные цвѣты на 1830 г.).

[2]) Катенину принадлежитъ быль „Инвалидъ Горевъ“, напеч. въ „Библіотекѣ для чтенія“ 1836 г., т. 17, стр. 3—16.

[3]) „Съ этимъ окончить“.

стараются только какъ бы на ихъ вкусъ угодить; за сими слѣдуютъ естественно игроки, палачи, разбойники и всѣ театральные уроды, и съ каждымъ днемъ уродливѣе, и нѣтъ избавляющаго отъ нихъ. Доходы денежные au bout du compte выйдутъ тѣже, дурное приглядится также, какъ и хорошее; но вкусъ и желудокъ покуда такъ изпортятся, что ничему складному и дѣльному понравиться не будетъ средства. Я за это въ каждомъ письмѣ ссорюсь съ Каратыгинымъ; онъ согласенъ, только говоритъ: ce n'est pas ma faute. Очень радъ, батюшка Николай Ивановичъ, что успѣлъ снабдить Васъ деньгами Голицына. Зовутъ его Николай Сергѣевичъ, а пишите къ нему: въ Ростовъ. Что жъ до времени уплаты, то я покуда ничего Вамъ сказать не могу; коли справитесь, ясно, что чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, коли нѣтъ, подождемъ. Я постараюсь ему здѣсь заплатить и, если смогу, то Вамъ легче будетъ даже частями вносить въ Опекунскій совѣтъ, куда я долженъ, либо употребить на напечатанье моихъ стихотвореній, въ случаѣ недостатка сборовъ съ подписчиковъ. Обо всемъ отпишу подробнѣе, когда самъ узнаю по болѣе, а теперь остается мнѣ только Голицына поблагодарить, что, безъ сомнѣнія, и Вы сдѣлаете; онъ человѣкъ истинно прекрасный. Сулился было онъ въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ изъ Москвы пріѣхать ко мнѣ въ Кострому, гдѣ я около мѣсяца прожилъ (сверьхъ мѣсяца въ Чухломѣ), но я не дождался, такъ хотѣлось домой. Здоровье мое слабо, и квартира костромская, хоть весьма заблаговременно нанятая, была такъ дурна, благодаря безпечности моихъ комиссіонеровъ, что умно я сдѣлалъ. Писать во все это время, разумѣется, не могъ и скоро ли примусь за работу, не знаю; до того усталъ отъ зимнихъ поѣздокъ, что оправиться не легко будетъ. Прежде приступа къ французамъ, намѣренъ я большое отдѣленіе посвятить театру, а это не шутки; предметъ такъ обширенъ и, даромъ что много о немъ писали, такъ новъ, что не вдругъ округлить его въ головѣ, время и терпѣніе все могутъ обдѣлать. Прощайте, почтеннѣйшій, будьте здоровы, пишите ради Бога и не переставайте меня любить; лишь бы это навсегда оставалось, все прочее пустяки, все перемѣлется и будетъ мука. Надѣюсь на Васъ вполнѣ и ожидаю извѣстій и присылокъ.

Весь Вашъ

Павелъ Катенинъ.

P.S. Къ Сомову буду писать, какъ отъ него получу.

NB. Я въ *Кологривъ*. Прибавьте въ *разм.* и *разб.* имя—Маугисъ къ числу тѣхъ, которые, по моему мнѣнію, имѣютъ болѣе жизни у Боярда, чѣмъ у Аріоста [1]).

[1]) См. Литер. Газету 1830 г., № 42.

60.

8-го февраля 1830 г. Шаево.

Благословясь, принялся я опять на досугѣ размышлять и разбирать, пишу о театрѣ, но медленно, ибо тутъ надо съ аза учить букварю. Начало до Грековъ я читалъ въ литературной газетѣ [1]) и ужаснулся отъ одной бѣдственной опечатки; та рѣчь, которая всему краеугольный камень, изкажена злой перестановкой двоеточія. Вмѣсто: „одинъ предметъ высокій: это человѣкъ", напечатано: „одинъ предметъ: высокій это человѣкъ". Я писалъ объ этомъ къ Сомову и просилъ объявленіемъ пояснительнымъ отъ нихъ избавить меня отъ разныхъ глупостей; вмѣстѣ съ симъ просилъ я его помочь Вамъ, любезнѣйшій Николай Ивановичъ, въ изданіи моихъ стиховъ, за что Вы, конечно, меня одобрите. Предисловій Вашихъ очень жду, и, ей ей, пора; также книгъ, отселѣ посланныхъ и Гнѣдичевыхъ Иліадъ, сирѣчь всей экзаметромъ и четырехъ пѣсней александринами. Буде сихъ нѣтъ у книгопродавцевъ, попросите у самаго переводчика отъ моего имени; онъ вѣрно не откажетъ, и не для чего. Извѣстите пожалуйста, отъ чего печатаніе *разм. и разб.* пріостановилось? Не цензура ли кое-чего въ слѣдующихъ статьяхъ не пропускаетъ? тогда нужно будетъ похлопотать, а то бѣда: сочиненіе такого рода должно непремѣнно выйти все, ибо части связаны межъ собой неразрывно, а съ пропусками выйдетъ, коли не безсмыслица, по крайней мѣрѣ не вполнѣ логическая рѣчь; многое, не бывъ ничѣмъ приготовленно, не такъ покажется, и враги мои посмѣются надо мною: grands dieux! *Разговоръ у княгини Халдиной* творенье умнаго человѣка, но драматической натуры въ немъ нѣтъ [2]); *Магнетизеръ* и *Мелекъ* Эль-Моды [3]) романтизмъ; Вяземскій вретъ до того, что самъ признался болтуномъ, и все ни къ селу, ни къ городу [4]); *письмо изъ Варны* совсѣмъ пустое [5]); стихи Шаховскаго дурны [6]), а Щастнаго [7]) изъ рукъ вонъ. И какъ Вамъ покажется

---

[1]) „Объ изящныхъ искусствахъ и о поэзіи вообще" (Литер. Газета 1830 г., № 4; № 5—о поэзіи Еврейской).

[2]) Фонъ-Визина (Литер. Газета № 3).

[3]) Соч. Абеля Гюго (Литер. Газета № 4 и 5).

[4]) Введеніе къ жизнеописанію Фонъ-Визина (Лит. Газ. № 3). Кн. Вяземскій, между прочимъ, замѣчаетъ: „я не боюсь протяженія и плодовитости, можетъ быть отъ того, что не умѣю быть краткимъ".

[5]) „Письмо русскаго путешественника изъ Варны". В. Г. Теплякова (Литер. Газ. № 6).

[6]) Отрывокъ изъ драматической хроники „Смольяне въ 1611 г.". Кн. А. А. Шаховского (Лит. Газ. № 4).

[7]) Отрывокъ изъ драматической поэмы „Ангелика" Іосифа Корженевскаго, пер. съ польскаго В. Щастный (Лит. Газ. № 6).

рѣзкій его въ замѣчаніи приговоръ риѳмѣ: „дѣлающей разговоръ неестественнымъ, и слѣдственно уничтожающей очарованье". Съ чего онъ это взялъ? размѣръ также не естественъ (въ глупомъ значеніи слова), какъ и риѳма; писатель хорошій владѣетъ тѣмъ и другимъ такъ, что не уничтожается, а творится ими очарованье; у Корженевскихъ [1]) и Щастныхъ или нещастныхъ напротивъ въ легкихъ (въ рабочемъ смыслѣ) бѣлыхъ стихахъ на волосъ нѣтъ натуры: о лисицы безхвостыя! Какими мыслями плѣняется *лит. газ.* въ письмахъ изъ Рима Мицкевича [2]), въ томъ, что они для образчика выписали, нѣтъ ни единой мысли, а Бестужевскій вздоръ. Спросите у Сомова при свиданіи: послали ли ко мнѣ Сѣв. Цвѣты? я еще не получалъ. Сдѣлайте одолженье, отдайте процензировать и вторую тетрадь *разм.* и *разб.* Я все побаиваюсь, хотя съ удовольствіемъ замѣчаю, что Красовскаго уже не стало [3]). Прощайте, почтеннѣйшій, будьте здоровы; при наступленіи великаго поста, простите, по христіански, въ чемъ передъ Вами провинился, яко же и азъ оставляю и проч. да пишите по чаще: Ваши письма мнѣ первая отрада. Весь Вашъ. Павелъ Катенинъ.

NB. Мицкевичъ видѣлъ въ Римѣ *гладіатора*, который остался въ Парижѣ [4]): скажите-ко объ этомъ Сомову.

Эпиграмма.

Нашъ барельефами [5]) прославленный писатель,
Нашъ остроумнѣйшій и критикъ и поэтъ,
Печально кается и говоритъ: „читатель"!
Ты удивишься: всѣхъ во мнѣ достоинствъ нѣтъ,

---

[1]) Iôsef Korzeniovski, р. въ 1797 г., ум. 1863 г., драматическій писатель, преподавалъ польскую словесность въ Кременецкомъ лицеѣ (съ 1823 г.), съ 1833 по 1837 г. занималъ каѳедру польской словесности въ Кіевскомъ унив., затѣмъ былъ нѣкоторое время директоромъ гимназіи въ Харьковѣ и въ Варшавѣ.

[2]) „Извлеченія изъ писемъ Адама Мицкевича, писанныхъ изъ Рима въ исходѣ ноября и половины декабря 1829 г.". (Литер. Газета № 6).

[3]) А. И. Красовскій (1776—1857) занималъ должность цензора съ 26-го ноября 1821 г., а съ 11-го марта 1833 г. до кончины былъ предсѣдателемъ комитета иностранной цензуры.

[4]) Вотъ что писалъ Мицкевичъ въ своемъ письмѣ: „По Музеуму я еще только прошелся скорымъ шагомъ; у меня разбѣгались глаза и я едва успѣвалъ останавливать ихъ на Аполлона, Лаокоона и Гладіатора". Рѣчь идетъ объ извѣстномъ „Умирающемъ гладіаторѣ", воспѣтомъ Байрономъ въ его „Child-Harold" и кот. въ настоящее время находится въ Римѣ. Одно время эта статуя находилась въ Парижскомъ музеѣ, куда она была взята по волѣ Наполеона. Послѣ его паденія, статуя была возвращена Риму.

[5]) Катенинъ намекаетъ на статью кн. П. А. Вяземскаго: „О жизни и сочиненіяхъ В. А. Озерова", напечатанную въ I-й части сочиненій послѣд-

И какъ-то краткимъ быть не достаетъ умѣнья:
Другой бы написалъ двѣ строчки, я тетрадь;
Ужъ дѣлать нечего, дай Богъ тебѣ терпѣнья;
За то...—Помилуйте, къ чему тутъ извиненья?
Чернильный вздоръ давно умѣютъ сокращать —
Вотъ что, такъ вы меня хотите? — Не читать.

Разомъ вылилась, и немедленно хочу, чтобъ она была напечатана: отдайте редактору *лит. газ.* и, если станетъ отговариваться, скажите, что на это нѣтъ права; я подписываю свое имя; личности (до чести касающейся) нѣтъ, на меня могутъ въ тѣхъ же предѣлахъ напечатать сто, словомъ: je le veux, а коли моего прошенія въ судѣ не примутъ, пойду на апеляцію съ прописаніемъ. Прощайте. *Sur le champ* [1]). Павелъ Катенинъ.

61.

18-го февраля 1830 г. Шаево.

Отъ чего Вы такъ рѣдко пишите ко мнѣ, любезнѣйшій Николай Ивановичъ? Когда же пришлете ко мнѣ свои предисловія? Вотъ уже

няго изд. 1816 г. Говоря о достоинствахъ трагедій Озерова, кн. Вяземскій, между прочимъ, замѣчаетъ: „Въ *Поликсенѣ* взята обильная дань съ Иліады, и въ этомъ смыслѣ можно, по выраженію Эсхила, назвать ее *барельефомъ* пиршествъ Гомера“ (стр. 37). Катенинъ отмѣтилъ ошибку кн. Вяземскаго въ одной изъ своихъ статей, вызванной полемикою, возникшею въ „Сынѣ Отечества“ 1819 г., по случаю возобновленія французскаго театра въ Петербургѣ. („Замѣчанія на замѣчанія Г. Р. З.,“, т. е. Р. М. Зотова. С. О. 1820 г., ч. LIX, № 5, стр. 227—228 подп. N. N). См. также „Письмо къ издателю“ (Катенина) въ С. О. 1822 г., ч. 76, № 13, стр. 249—261 и ст. Булгарина въ „Литературныхъ Листкахъ“ 1824 г., ч. II, № VIII, стр. 318—319. По признанію самого кн. Вяземскаго, въ письмѣ къ Пушкину (отъ 19 и 20 февраля 1820 г.), онъ былъ „введенъ въ соблазнъ“ аббатомъ Брюмуа, въ „Discours“ котораго „Sur l'origine de la tragédie“ („Théâtre des Grecs“ t. I, 1730 г., p. XXXVIII) онъ нашелъ слѣдующее мѣсто: „c'est une justice que lui rendoit Eschyle lui-même, qui avait coutume de dire que ses pièces n'étoient que des reliefs des festins étalés dans l'Iiade et l'Odissée“. „Увлеченный поэтическимъ смысломъ уподобленія (а на повѣрку выходитъ: вымысла моего), писалъ кн. Вяземскій“, я позабылъ справиться съ другимъ источникомъ, или по крайней мѣрѣ съ французскимъ словаремъ, который, сказавши мнѣ, что *relief* на языкѣ старинномъ значитъ: *restes de viande*, меня избавилъ отъ преступленія противъ Эсхила, а желудокъ Г-на NN“ (т. е. Катенина) „отъ *барельефовъ*, которые, легко сознаюсь съ нимъ, не такъ скоро переварить, какъ мясные объѣдки“. (Соч. Пушкина. Изд. Имп. Акад. Наукъ. Переписка подъ редакціею и съ примѣч. В. И. Саитова, т. I, 1906 г., стр. 12, 13, 14, 15, 17). Въ полномъ собр. соч. кн. Вяземскаго ошибка исправлена. При составленіи оного примѣчанія, я воспользовался матеріалами, любезно предоставленными мнѣ В. И. Саитовымъ.

[1]) „Немедленно“.

великій постъ, стало еще зима миновалась, а моего изданія нѣтъ какъ нѣтъ. Отъ чего также прекратилось въ литературной газетѣ печатаніе моихъ *размышленій и разборовъ?* если-бъ вмѣсто ихъ выходило что-нибудь любопытнѣйшее, я бы, ни слова не говоря, ожидалъ спокойно своей очереди; но оставя уже первое отдѣленіе газеты, la belle prose, критическое отдѣленіе ничуть не забавно: un quidam, читая *Макбета*, нашелъ было въ немъ три глупости, передумалъ и догадался, что онъ самъ глупъ, а Шекспиръ уменъ, и сообщаетъ объ этомъ вселенной [1])! и это печатаютъ! для кого и для чего? Опять, какое сношеніе между литературою и Нидерландскими колоніями нищихъ и негодяевъ [2]). Повидайтесь-ко, почтеннѣйшій, съ Сомовымъ и поговорите на счетъ моей статьи; я хочу, чтобъ она шла. Теперь пишу о *театрѣ*, и едва ли это отдѣленіе будетъ не всѣхъ любопытнѣе, важнѣе и успѣшнѣе. Еще повторяю просьбу о посланной къ Вамъ на прошедшей почтѣ *эпиграммѣ*: чтобъ была напечатана и presto, presto [3]); буде Сомовъ по какимъ личностямъ, вопреки всякой справедливости, откажется, отдайте Гречу, Булгарину, чорту, но чтобъ она явилась въ печати какъ разъ. Еще слово о *Макбетѣ*: Г-нъ anonyme и не знаетъ, для чего тамъ ни къ селу, ни къ городу толкуютъ о Св. Едуардѣ и о томъ, какъ онъ чудеснымъ прикосновеньемъ лѣчилъ отъ золотухи. Оно, вотъ видите, съ его времени осталось Богомъ дарованнымъ преимуществомъ его законныхъ наслѣдниковъ ихъ Британскихъ величествъ, и король Яковъ І-й былъ увѣренъ самъ и другихъ желалъ увѣрить, что онъ славный *золотушный* магнетизеръ; въ угожденье ему Шекспиръ и разпространился на этотъ счетъ въ трагедіи, вѣроятно, при королѣ игранной, ибо и содержаніе Шотландское выбрано для сего Стуарта, и объ немъ въ пьэсѣ пророчествуютъ, когда вѣдьмы показываютъ Макбету потомковъ его непріятеля Банко, отъ коего якобы Стуарты произошли. *Сѣверныхъ Цвѣтовъ* по сію пору нѣтъ, а хотѣлось бы просмотрѣть свою Елегію; но прозаическая статья еще важнѣе, и вѣрно я не для того ее писалъ, чтобы она пряталась, или выходила такъ медленно, что одно успѣютъ забыть прежде, чѣмъ другое покажется. Оживитесь, милый Николай Ивановичъ, согрѣйтесь, дѣйствуйте, творите, а паче всего не молчите такъ подолгу и не оставляйте меня въ безвѣстности совершенной о всемъ, что на свѣтѣ происходитъ. Живи я въ столицѣ, а Вы въ глуши, я бы Вамъ все сообщалъ; но вотъ погодите:

---

[1]) „Мысли о Макбетѣ“ (Литер. Газ. № 7). Не Плетнева ли? (Ср. соч. Плетнева, III, 353).

[2]) „Колоніи бѣдныхъ въ Нидерландахъ“ (Литер. Газ. № 7).

[3]) Скоро, скоро.

слухъ носится, что за письма будутъ платить получающіе ихъ, я Васъ какъ введу въ убытокъ, Вы на зло мнѣ и пуститесь меня раззорять наоборотъ. Не увидите ли Польнера? поклонитесь отъ меня и скажите, что я отъ него давно жду разныхъ извѣстій на счетъ денегъ, имъ получаемыхъ съ мужиковъ и вносимыхъ въ Опекунскій Совѣтъ и книгъ, о которыхъ я его просилъ. Будьте здоровы, батюшка, я довольно примѣтно начинаю поправляться; только климатъ здѣшній куда суровъ. Прощайте. Весь Вашъ.

Павелъ Катенинъ.

62.

23-го февраля 1830 г. Шаево.

Главная цѣль сегодняшняго писанія, любезнѣйшій Николай Ивановичъ, есть просьба о добромъ дѣлѣ. Нѣкто Францъ Ивановичъ Штиръ (Вы его видали у меня), человѣкъ лѣтъ уже за тридцать, когда молодъ былъ и начиналъ служить по инженерной (кажется) части, имѣлъ какое-то неудовольствіе съ начальникомъ и отставленъ былъ съ тѣмъ, чтобы никуда не опредѣлять. Долго доставалъ онъ себѣ пропитанье уроками по губерніямъ (такъ и я съ нимъ познакомился), теперь желаетъ опять въ службу и просилъ меня замолвить Вамъ слово, чтобы Вы его по части К. Менщикова опредѣлили. Онъ малой довольно хорошій, знаетъ порядочно русскій и нѣмецкій языки, отчасти французкій, имѣетъ свѣдѣнія математическія и пр. и пр. Я бы точно былъ Вамъ весьма благодаренъ за оказанное ему важное напредь пособіе. Если нужно узнать короче и подробнѣе начало его исторіи, онъ Вамъ самъ разкажетъ, когда, получивъ мой отвѣтъ, явится. Писали ли Вы къ Голицыну? Онъ дважды меня спрашивалъ о полученіи Вами денегъ, я отвѣчалъ, что да, и что Вы непремѣнно къ нему напишете, но не знаете его Московскаго адреса, который и мнѣ сообщенъ уже послѣ даннаго совѣта: надписывать въ Ростовъ, откуда могутъ къ нему переслать. На счетъ остановки въ печатаніи *размышленій и разборовъ*, повторяю прежніе вопросы: что это значитъ? не обманулись ли Вы, почтеннѣйшій, въ предположеніи, что теперь оно *не скоро, да здорово?* впрочемъ дѣло шло черезъ Ваши руки, и Вы болѣе даже меня имѣете причинъ хлопотать объ успѣшномъ его окончаніи; болѣе не скажу. Въ 8-мъ № лит. газ. несравненно лучше всего Пушкина itinéraire [1]); оно не великое дѣло, но все видно, что человѣкъ не безъ ума. Стишки хуже Хвостова [2]), а критика ниже по-

[1]) „Военная Грузинская дорога“ (извлечено изъ путевыхъ записокъ А. Пушкина).

[2]) „Душенька“, стих. Д. Д. (Давыдова).

средственнаго. Что за похвала юношеской статьѣ Кирѣевскаго [1])? вообще направленіе вкуса издателей лит. газеты почти непонятно, того гляди и имъ самимъ. Отъ чего Вы, Николай Ивановичъ, не только не присылаете такъ давно обѣщанныхъ предисловій, но даже ничего не пишите? эти молчанія меня всегда безпокоятъ и прерываются по большей части не совсѣмъ удовлетворительно: „не досугъ было, писать нечего, что до Васъ касается, Вы вѣрно сами давно знаете и т. п.“ Нѣтъ, батюшка, я ничего не знаю и ничего знать не могу, пока меня не увѣдомятъ, а это, кажется, по естеству вѣщей дѣло пріятелей. Въ Петербургѣ же у меня, кромѣ Васъ, нѣтъ человѣка, кого бы я вполнѣ могъ за такого считать: стало я жду всего отъ Васъ, а hélas! ничего не получаю. Умнѣйшій Николай Ивановичъ! разтолкуйте мнѣ, ради Бога, отъ чего Жуковскій, Батюшковъ, Козловъ, Веневитиновъ [2]) etc. всѣ имѣютъ des amis chauds, а я нѣтъ? развѣ что я родился 11-го числа, а оно изкони почитается кабалистиками за самое нещастное? напишите хоть объ этомъ, коли другого чего не найдете. Я дни четыре опять весьма нездоровъ и, вѣроятно, отъ неудовольствій нравственныхъ, которыя всегда на меня сильно дѣйствуютъ, et j'en ai de toutes les espèces [3]). Еще разъ кланяюсь Вамъ о Штирѣ и прошу за него, и остаюсь въ ожиданіи многихъ давно обѣщанныхъ вѣщей, все тотъ же весь Вашъ

Павелъ Катенинъ.

63.

3-го апрѣля 1830 г. Шаево.

Долго Вы молчали, любезнѣйшій Николай Ивановичъ, и весьма коротенькое письмо прислали наконецъ, вмѣстѣ съ запискою отъ Сомова. Онъ писалъ уже ко мнѣ, что Васъ не легко застать дома, столько заботъ надавалъ Вамъ Менщиковъ. Сей князь мнѣ преопасный соперникъ. Буду ждать съ терпѣніемъ, а между тѣмъ еще разъ прошу Васъ переговорить съ Сомовымъ, который весьма охотно и услужливо берется Вамъ помогать въ изданьи моихъ стиховъ и, согласно съ мыслію моей, утверждаетъ, что пора теперь печатать, дабы къ осени дѣло поспѣло. Отдайте же ему продолженіе размышленій и разборовъ о поэзіи новой и пр. Онъ къ Вамъ и Вы ко мнѣ пишете нѣчто о какой-то пожарной трубѣ: c'est de l'hébreu

---

[1]) Рѣчь идетъ объ „Обозрѣніи русской словесности 1829 г.“ Ивана Васильевича Кирѣевскаго (1806 — 1856) въ „Денницѣ“ 1830 г.

[2]) Дмитрій Владиміровичъ Веневитиновъ, род. въ 1805 г., ум. въ въ 1827 г.

[3]) „А у меня они всякаго рода“.

pour moi; я здѣсь ни о чемъ не свѣдомъ. Эпиграмму же мою, кажется, нѣтъ нужды заливать водою; она отнюдь не выходитъ за предѣлы шутки, вездѣ и всегда позволенной; и почему же на Вяземскаго нельзя слова молвить? Что онъ за святой? похлопочите. Статья Пушкина, о которой Вы говорите, не хороша, а лучше бы ему не печатать ее; вѣроятно, его изъ терпѣнія вывелъ Каченовскій [1], котораго (виноватъ) я тоже терпѣть не могу. Зато статья, вѣроятно, Пушкина же, въ литер. газ., гдѣ описывается Ассамблея при Петрѣ 1-мъ, прелюбезная [2]). Потрудитесь, почтеннѣйшій, заказать для меня у портного Петерса, имѣющаго мою мѣрку, пару платья синюю, а жилетъ какой-нибудь пестренькій, какіе носятъ; заплатите изъ денегъ, что Вы мнѣ должны; да увѣдомьте, вскорѣ ли Вы надѣетесь съ ними порядкомъ собраться, я по этому и самъ разпоряжусь. Меня потревожили изъ Опекунскаго Совѣта, и по одному займу я отселѣ на дняхъ отправилъ проценты по іюнь 1829 года, стало три мѣсяца меня тревожить не льзя; но по другому займу, коего срокъ въ октябрѣ, не знаю ничего. Полагаю, что хоть нѣсколько за 1829-й же годъ должно быть уплачено изъ оброчныхъ денегъ, собираемыхъ съ моихъ крестьянъ; но Польнеръ, кому онѣ теперь отдаются, давнымъ давно не пишетъ; я пишу къ нему сегодня и Васъ прошу, коли досужно, къ нему завернуть на минуту, спросить и попросить, чтобы онъ меня толкомъ извѣстилъ. Живетъ онъ на Владимирской, въ домѣ Коммерческаго училища. Какое срамное невѣжество въ нашихъ писателяхъ? представьте, что напечатано *въ Историч. Статист. и Географ. Журналѣ*, въ февралѣ 1830-го: „Пронесся слухъ, что островъ Кандія... присоединится къ Греціи. Также есть надежда на присоединеніе къ ней и острова Крита“ [3]). Десяти лѣтъ ребята всѣ знаютъ, что Критъ и Кандія одно и тоже, а журналъ, этимъ наукамъ посвященный, не знаетъ! Скажите Сомову. Это надобно обличить, оно изъ рукъ вонъ. Стран. 166. Дошло до меня стороной, что Полевой на меня нападаетъ, едва ли не за Елегію [4]); можетъ быть и другіе журналисты, извѣщая о Сѣверныхъ Цвѣтахъ, пустились на то же: сдѣлайте одолженье, пересмотрите и все до меня касающееся выпишите и пришлите; мнѣ необходимо нужно знать. Дивлюсь несправедливости

---

[1]) Катенинъ имѣетъ, вѣроятно, въ виду „Отрывокъ изъ Литературной Лѣтописи“ (1829 г.), напеч. въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“ на 1830 г.

[2]) Литер. Газ. № 13.

[3]) Историческій, Статистическій и Географическій журналъ или Современная исторія свѣта на 1830 г.. ч. I, кн. 2-ая, стр. 166.

[4]) „Московскій Телеграфъ“ 1830 г., № 1, стр. 63. (По поводу Сѣверныхъ Цвѣтовъ 1830 г.).

Аладьина: въ тѣ годы, какъ я ему ничего не давалъ, онъ присылалъ альманахъ свой раннимъ рано, а ныньче, какъ я его ссудилъ [1]), и не шлетъ; хоть бы Каратыгинъ его пожурилъ; да видаетесь ли Вы съ симъ? что играютъ они? на меня чуть ли не сердятся за правду. Прощайте, почтеннѣйшій. Весь Вашъ

Павелъ Катенинъ.

64.

5-го іюля 1830 г. Шаево.

Есть на почтѣ посылка ко мнѣ и, вѣроятно, съ платьемъ, только я не успѣлъ еще ее взять; главная же сила въ письмѣ, наконецъ полученномъ отъ Васъ, любезнѣйшій Николай Ивановичъ, послѣ ожиданья, столько продолжительнаго и для человѣка, съ моими чувствами и въ моемъ положеньи, столько мучительнаго, что я Вамъ этого и пересказать не могу. Вы, пожавъ плечьми, скажете: отъ чего? и выйдетъ по пословицѣ: сытый голоднаго не разумѣетъ. Житель столицы, въ дѣятельномъ кругу обращающійся, то дѣломъ, то бездѣльемъ занятый и развлеченный, не постигаетъ безпокойствъ, недоумѣній, страховъ всѣхъ родовъ, какіе терпитъ отшельникъ отъ міра, неполучающій по долгу вѣсти отъ тѣхъ, къ кому онъ душевно привязанъ и надѣется и ожидаетъ того же. Правда, двѣ недѣли тому, увѣдомилъ меня Сомовъ, что Вы сбираетесь съ К. Менщиковымъ въ морское путешествіе, но сколько мѣсяцевъ отъ Васъ самихъ не имѣлъ я ни строки, наконецъ, въ отчаяньи, и самъ писать пересталъ. Теперь снова принимаюсь, какъ изъ гроба воскресшій. Сперва дѣла: За вычетомъ 234-хъ р. 40 коп. остается 1215 р. 60 к., изъ оныхъ отдайте Каратыгину 40, будетъ 1175. Вы не пишете о книгахъ, посланныхъ мною къ Вамъ для переплета: что съ ними творится? еще просилъ я Васъ купить Иліаду Гнѣдича, всю экзаметромъ и четыре пѣсни александринами, и жду. Объ изданьи узналъ я во первыхъ изъ объявленія въ лит. газ., гдѣ вкралась ошибка; сказано о переводѣ *всѣхъ* романсовъ о Сидѣ, но я всѣхъ не перевелъ, а только первую часть, числомъ 22, въ четырехъ же частяхъ до 70 [2]). Статью изъ Revue encyclopédique объ Андромахѣ и пр.

---

[1]) Отрывокъ изъ комедіи Катенина „Вражда и любовь“, напеч. въ „Невскомъ Альманахѣ“ 1830 г.

[2]) Объявленіе о предстоящемъ выходѣ въ свѣтъ Стихотвореній Катенина напечатано въ № 30 Литер. Газеты. Романсы о Сидѣ (22) были переведены Катенинымъ еще въ 1822 г.

мнѣ видѣть крайне любопытно [1]); Сѣверная Пчела [2]) хвалила (кажется) не отрывокъ изъ *Недовѣрчиваго,* какъ Вы пишите, а изъ начатой и потомъ оставленной (ибо что я могу писать здѣсь?) комедіи: *Вражда и Любовь,* отрывокъ, помѣщенный въ Невскомъ Альманахѣ, котораго издатель Аладьинъ изъ благодарности мнѣ по сію пору еще не прислалъ; отзывъ же Сѣв. Пч. выписалъ и доставилъ мнѣ Каратыгинъ. Гр. Хвостовъ прислалъ мнѣ пять томовъ своихъ сочиненій [3]) послѣдняго изданья и два письма, изъ коихъ первое на большомъ листѣ кругомъ, съ кое-какими разсужденіями объ одѣ, по случаю трехъ строчекъ моихъ *разм. и разб.*, о коихъ онъ вообще относится въ великимъ уваженьемъ и похвалой; также хвалитъ и Сомова отъ себя, и Дельвига, и Пушкина. Постарайтесь, почтеннѣйшій, и сами собой, и черезъ нихъ объ успѣшномъ ходѣ подписки на изданье. Какія средства лучше, я здѣсь знать не могу, но ищите и обрящете. Эпиграмма не стоитъ хлопотъ, это служитъ только новымъ доказательствомъ несвободы нашего литературнаго міра, господства въ немъ личностей и шаекъ; Богъ съ ними. Изъ *разм. и разб.* статья о *Театрѣ* у меня готова, я посылаю ее на прочтеніе къ Каратыгину, ибо объ немъ и о тещѣ его въ двухъ мѣстахъ упомянуто, и напишу, чтобы послѣ отдалъ онъ ее Вамъ, а Вы уже Сомову. Но сперва желалъ бы выслушать замѣчаніи, нѣтъ ли чего прибавить, или убавить, или переставить, или усилить, или смягчить; самому никакъ всего замѣтить невозможно, а со стороны видно все. Та и бѣда моя, что живу я слишкомъ далеко отъ всѣхъ, съ кѣмъ бы могъ совѣтоваться, разсуждать и проч., о поѣздкѣ же въ Петербургъ думать не смѣю, покуда хозяйственныя обстоятельства въ такомъ жалкомъ положеньи отъ общаго внутри государства безденежья; послѣднія, такъ сказать, деньги, съ неимовѣрною поспѣшностью стараются всячески вытянуть, и съ каждою почтой обязанъ казначей, не оставляя въ уѣздномъ городѣ ни бумажки синей, все отправлять въ губернскій, и такъ далѣе: ясно, что вскорѣ отсылать нечего будетъ. Доходовъ нѣтъ вовсе, процентовъ платить

---

[1]) Revue Encyclopédique 1829 г., t. 43, p. 411 и сл. — Рецензія Edm. Héreau. Французскій критикъ удивляется молчанію русскихъ журналовъ о трагедіи Катенина и находитъ, что она не лишена достоинствъ.

[2]) Сѣверная Пчела 1830 г. № 24. Припомнимъ отзывъ Кюхельбекера объ этой комедіи. „Прочелъ я еще Катенина сцены изъ комедіи: „Вражда и любовь", писалъ онъ въ своемъ дневникѣ (14-го сентября 1834 г.); тутъ подраженіе Шекспирову: г. Much ado (Много шума изъ ничего); но подражаніе геніяльное, а стихи превосходны" (Русская Старина 1881 г., январь).

[3]) Полное собраніе стихотвореній гр. Хвостова. 5 т. (1828—1830); VI т. (1830) и VII (1834).

въ Опекунскій совѣтъ не изъ чего: жалость да и только. Но оставимъ этотъ тошный разговоръ. Я хотѣлъ Васъ спросить: что Вы хорошаго и любопытнаго замѣтили по берегамъ Бальтики? дайте послушать и намъ грѣшнымъ. А предисловія? пора, пора, но авось теперь, послѣ возвращенія изъ за морей, Вы позайметесь этимъ дѣломъ опять со свѣжей охотой. Моя стихотворная жила изсякла, умъ обремененъ не тѣмъ, сердце огорчено, душа не спокойна, и, такъ сказать, все опротивѣло. Опять надо сказать: оставимъ это. Не видаете ли Вы когда моего брата двоюроднаго Александра Андреевича? что онъ дѣлаетъ? гдѣ Чебышовъ? видѣли ли Вы представленье 3-го дѣйствія Горя отъ Ума? [1]) знаете ли, что Семенова б., нынче кн. Гагарина, играла въ Москвѣ въ благородномъ собраньи *Ненависть къ людямъ и Разкаянье* [2]) съ Кокошкинымъ и очень плохо, какъ пишутъ? Что Вы думаете о междоусобіи романтиковъ, о войнѣ Полевого противъ Карамзинистовъ? долго ли будутъ еще Карамзинисты? Читали ли Вы въ *лит.* газ. вранье Виктора Гюго [3]), въ похвалу новѣйшей поэзіи, коей главами признаетъ онъ Шатобріана и Бейрона? прежняя де умерла: ахъ! онъ шутъ нарядный. Какъ будто изящное подвержено смерти! какъ будто Гомеръ можетъ умереть! правда онъ имянуетъ Вольтера и Дората [4]), но объ нихъ что и говорить? и велика ли слава ихъ мертвыхъ побѣдить романтикамъ живымъ, чтобы, въ свою очередь, лѣтъ черезъ тридцать, за ними вслѣдъ скончаться? Было объявленье отъ Сленина, что онъ намѣренъ напечатать всѣ басни Крылова [5]) и продавать по 5 рублей экземпляръ; поелику сіе дешево, то и прошу Васъ оныя басни въ оную цѣну также для меня купить, переплесть и доставить. Правду сказать, новыя басни Крылова куда стары по всему; ослы судьи, лисица секретарь, и щука, по приговору ихъ брошенная въ воду, отзываются въ моихъ ушахъ языкомъ А. П. Сумарокова. Пора Крылову сдѣлать, что Жиль-Бласъ совѣтовалъ

---

[1]) Впервые отрывокъ изъ „Горя отъ ума“ (одна сцена I д.) былъ поставленъ въ Спб. на Большомъ театрѣ въ понедѣльникъ, 2-го декабря 1829 г., въ пользу Вальберховой б. III д. комедіи было исполнено въ первый разъ на Большомъ театрѣ въ среду, 5-го февраля 1830 г. въ бенефисъ Каратыгиной б. (Чацкій — Каратыгинъ б., Софья — Семенова, Нат. Дмитр. Горичева—Каратыгина б., Фамусовъ—Рязанцевъ). См. „Ежегодникъ Имп. Театровъ“, сезонъ 1893—1894. Приложенія кн. 3, стр. 44—47.

[2]) „Menschenhass und Reue“. (Berlin 1789 — 1790). Пьеса Коцебу.

[3]) Литер. Газ. № 34: „О Байронѣ и его отношеніяхъ къ новѣйшей литературѣ“. (Соч. Виктора Гюго) съ фр. В. Романовичъ.

[4]) Claude-Joseph Dorat, р. въ 1734 г., ум. въ 1780 г.

[5]) Изданіе басенъ Крылова (Смирдина) вышло въ 1830 г. (Цѣна 4 руб.). Объявл. о немъ въ Литер. Газетѣ № 56.

Гренадскому архіепископу[1]); а скажи-ко ему, разсердится, отмститъ притчею, но онѣ что-то не страшны стали. Видѣли Вы *Агамемнона?* [2]) Каковъ переводъ? Какъ съиграли? я ничего не вѣдаю. Прежде, чѣмъ кончу, еще возвращусь на часокъ à mes moutons, тоесть къ моимъ стихотвореніямъ, препоручаю Вамъ сихъ сиротокъ со всей родительской нѣжностью; постарайтесь ихъ пустить въ свѣтъ хорошенько и показать въ люди; а покуда, не оставьте меня увѣдомленьемъ о всѣхъ припасахъ къ ихъ дебюту. Нѣтъ ли еще въ словесности чего новаго? кажется, мало, сколько издали мнѣ позволено судить. Фонъ-Визина сочиненія я взялъ въ Москвѣ и два тома у меня; въ первомъ комедіи, во второмъ письма изъ чужихъ краевъ. Въ нихъ есть умъ и острота мѣстами, но гораздо больше пустяковъ и сужденій самыхъ поверхностныхъ, по одному примѣру заключенія о цѣломъ народѣ, скучныя подробности о блохахъ и клопахъ на постоялыхъ дворахъ и смѣшное пристрастіе къ Россіи, гдѣ будто уже въ 1784-мъ году все лучше, чѣмъ во Франціи, Германіи, Италіи etc., а въ ней и теперь еще во многихъ городахъ, и не малыхъ, проѣзжій ночлега не найдетъ: видно онъ не ѣзжалъ по ней, а зналъ Москву да Петербургъ...

Прощайте, почтеннѣйшій Николай Ивановичъ, будьте здоровы, да вспоминайте по чаще о старомъ пріятелѣ своемъ, а то эдакъ онъ бѣдный по долгу и не знаетъ: помните ли Вы полно или уже забыли. Весь Вашъ

Павелъ Катенинъ.

65.

20-го іюля 1830 г. Шаево.

Продолжая ожидать отъ Васъ, любезнѣйшій Николай Ивановичъ, обѣщанныхъ Вами предисловій, выписокъ и пр., также книгъ, въ переплетъ посланныхъ, либо вновь заказанныхъ, прошу извинить, коли еще кое-какими порученіями Васъ обременю. Я писалъ о сорока руб. Каратыгину, но вспомнилъ послѣ, что ему едва ли отданы еще 50, имъ молодому Макарову за меня выданные, коли они понынѣ въ долгу, потрудитесь сей долгъ уничтожить. Еще: зайдите къ оптику Мильзу и купите, съ укладкою и доставленіемъ сюда,

---

[1]) Совѣтъ—не писать. („Histoire de Gil Blas de Santillane", соч. Лесажа (1715—1735). Livre VII, ch. 3, 4.

[2]) „Смерть Агамемнона", траг. Лемерсье, перев. съ франц. В. А. Каратыгина. Пьеса была поставлена одновременно съ III д. „Горя отъ ума" въ бенефисъ Каратыгиной б. (5-го февраля 1830 г.) и, по свидѣтельству Вольфа (Хроника, I, 21) успѣха не имѣла. Неодобрительно отозвался о самой пьесѣ и рецензентъ „Сѣверной пчелы" (1830 г. № 19).

(ибо онъ за это всегда самъ берется) термометръ для большого гидрометра, употребляемаго на винокурняхъ, цѣна (помнится) 15 рублей, сія вѣщь мнѣ необходима нужна и въ скорости, низко о ней кланяюсь. Еще: Голицынъ желаетъ имѣть Литературную Газету; благоволите за него взять оную на весь 1830-й годъ, съ доставленіемъ къ нему, сирѣчь: Князю Никол. Серг. Гол. въ Ростовъ, и заплатите что слѣдуетъ въ тотъ же счетъ. Платье получено и весьма хорошо: покорнѣйше благодарю. Критику Трилуннаго [1]), въ Москов. Вѣст. напечатанную, я также получилъ отъ Голицына, c'est une pièce curieuse [2]), слова путнаго нѣтъ: „Музыка милліонеръ, музыка бѣлый лучъ изящнаго, музыка ангелъ", etc. [3]). Я хотѣлъ отвѣчать для того, что имѣлъ бы случай пополнить сказанное мною вкратцѣ [4]), а вопросъ любопытный; но послѣ за благо разсудилъ поберечь все для общаго отвѣта, когда понадобится, ибо, вѣроятно, на этомъ не остановятся, по выходѣ всѣхъ *разм. и разб.* Читали ли Вы драму Виктора Гюго: Hernani? судя по благосклонному изложенію ея въ Лит. Газ., это такая гиль, какой еще во Франціи не бывало [5]): любопытно бы прочесть ее и спросить: каково у Расина и Мольера? вотъ бы рты разинули. И что за стихи! образчикъ: Je t'ai crié: par où faut il que je commence? [6]) такъ и напоминаетъ фактуру Прадона [7]): Depuis que je vous vois je n'aime plus la chasse [8]). Поставьте стихъ Гюго съ Расиновымъ

---

[1]) Трилунный, псевдонимъ Дмитрія Юрьевича Струйскаго, р. 1806 г., ум. 1851 г. (въ 1830 г. вышли въ свѣтъ его стихотворенія въ 2-хъ частяхъ).

[2]) „Это любопытная статья".

[3]) „Замѣчанія на статью, помѣщенную въ 4 № Литер. Газ.". (Московскій Вѣстникъ 1830 г., № 5, стр. 88—92). См. также Сынъ Отечества и Сѣверный архивъ 1830 г., № 10, стр. 252—256.

[4]) Вотъ что, между прочимъ, писалъ Катенинъ въ своихъ „Размышленіяхъ и Разборахъ" о музыкѣ (Литер. Газета № 4): „Справедливо ли, наравнѣ съ сими искусствами (ваяніе, живопись и поэзія) называть изящными архитектуру и музыку? Что есть изящнаго въ какомъ-нибудь строеніи?.. Что можетъ быть высокаго въ музыкѣ отдѣльно отъ словъ? Рядъ стройныхъ звуковъ доставляетъ удовольствіе физическое: пріятно грѣться у огня, качаться на качеляхъ, кружиться въ пляскѣ, скакать на лошади, слушать соловья въ лѣсу или Фильди въ концертѣ; но благороднѣйшимъ чувствамъ человѣка до всего этого дѣла нѣтъ".

[5]) Литер. Газета, II, № 37 и 38.

[6]) Hernani, A. IV, sc. 5.

[7]) Nicolas Pradon, бездарный писатель, противникъ Расина, р. въ 1632 г., ум. въ 1698 г.

[8]) У Прадона нѣсколько иначе:

Depuis que je Vous vois j'abandonne la chasse.

(Phèdre et Hippolyte, tragédie en 5 actes. A. I, sc. 2. Oeuvres de Pradon 2 vols. 1679).

изъ Федры, гдѣ нѣчто такое же: Ciel! que vais-je lui dire et par où commencer? [1]) одно топорная работа, а другое на чистоту; но, по чести, нынче никто не разумѣетъ просто, что хорошій стихъ и что дурной, живемъ послѣдніе годы. Извѣстите меня пожалуйста, какъ у Васъ подписка устроится? просто ли въ книжныхъ лавкахъ, или на особыхъ листахъ, которые можно всюду разносить и разсылать? я какъ невѣжа спрашиваю, но и Вы чай не больше моего въ этой штукѣ знаете: спросите-ка у знающихъ, вѣдь есть же; только скажутъ ли всю правду? Сдѣлайте милость, займитесь этимъ дѣломъ; все суета, конечно, но мы и живемъ на свѣтѣ одной суетою. Дойдя до четвертой странички, съ удивленіемъ остановился было, не зная, что писать, то есть о чемъ бесѣдовать со старымъ и любезнымъ знакомцемъ; я ли виноватъ, или Вы, мой почтенный? Не отъ того ли полно не нахожу я словъ путныхъ къ разговору, что Вы мнѣ мало отвѣчаете? правда, Вы въ службѣ и въ столицѣ; но за то я обремененъ хлопотами скучнѣйшими и ежечасно возобновляющимися, я же хворъ сверьхъ того: кажется, одно другого стоитъ. Голицынъ обѣщается пріѣхать ко мнѣ погостить къ 10-му августа: жду; а послѣ въ изходѣ сентября поѣду его провожать, не знаю самъ доколѣ. Прощайте покуда, почтеннѣйшій, будьте здоровы, пишете, car je reviens toujours à mes moutons.

Весь Вашъ

Павелъ Катенинъ.

P. S. Гдѣ Шаховской, Чебышовъ, братъ мой Александръ? я на томъ свѣтѣ.

66.

27 сентября 1830 г. Шаево.

Молчанье Ваше, любезнѣйшій Николай Ивановичъ, отъ 20-го іюня по сію пору такъ совершенно непонятно, что я, долго имъ огорчавшись и нѣсколько разъ подосадовавъ, наконецъ отсталъ отъ того и другого и началъ безпокоиться. Естественной, обыкновенной, понятной причины на это нѣтъ, стало надо искать другой, за тысячу верстъ неизвѣстной и непостижимой. За самое короткое и надѣжное средство почелъ я еще разъ написать прямо къ Вамъ и спросить: вскую оставилъ мя еси? другихъ вопросовъ нужно бы мнѣ множество предложить Вамъ же, ибо я желаю знать о многомъ и не извѣщенъ ни о чемъ, но прежде перваго отвѣта, важнаго и капитальнаго, разпложать рѣчь о бездѣлкахъ и пустякахъ ни почему не годится: и смѣхъ, и грѣхъ. Не знаю даже: любопытствуете ли

---

[1]) Phèdre. A. I, sc. 3:
Ciel! que lui vais-je dire? et par où commencer?

Вы знать нѣчто обо мнѣ, и написавъ, что я въ здоровьи все ни то ни сіö, душою, къ горю моему, все живъ еще болѣе, чѣмъ тѣломъ и т. п. Все это, сказанное не во время и не у мѣста, не выйдетъ ли пустымъ болтаньемъ во вкусѣ Вяземскаго? Къ слову о князьяхъ, Голицынъ пріѣзжалъ ко мнѣ и прожилъ три недѣли, я рѣшительно воскресъ отъ его отраднаго мнѣ посѣщенья, силы мои обновились, и я опять, что называется, на ноги сталъ; но что я говорю? Кромѣ меня и, можетъ быть, его, есть ли кому до этого хоть малая нужда? Оно горько, но оно такъ, кажется мнѣ такъ, а если и ошибаюсь, то едва ли самъ виноватъ въ ошибкѣ, изъ которой бы радъ выйти, да не выводитъ никто. Прощайте покуда, Николай Ивановичъ, желаю Вамъ добраго здоровья, и вотъ уже подлинно желанье безкорыстное, ибо въ отношеньи ко мнѣ, можетъ быть, лучше бы было узнать, что Вы не пишите давно отъ недуга, чѣмъ то, что Вы (съ Вашимъ умомъ и солидностью и пр.) пріязнь нашу забыли, или она надоѣла Вамъ. Остаюсь въ недоумѣньи, почитающій

Павелъ Катенинъ.

P. S. Каратыгинъ тоже не пишетъ, отдалъ ли онъ Вамъ присланную къ нему тетрадь размышленій и разборовъ: о *театрѣ*?

67.

26 октября 1830 г. Шаево.

Слава Богу! Наконецъ я получилъ письмо отъ Васъ, любезнѣйшій Николай Ивановичъ, и хоть оно (съ позволенья Вашего) отнюдь не опровергаетъ моихъ душевныхъ жалобъ, однако большая разница, коли пріятель только простылъ къ отсутствующему, или когда онъ его знать не хочетъ. Можно возразить: кой чортъ велѣлъ ему за тридевять земель зарыться въ медвѣжьей глуши? Увы! злѣйшій изъ чертей: нужда, бѣдность, недостатокъ, необходимость, выбирайте названье. Когда къ этому присоединилась хворость, мудрено полагать этого человѣка на розахъ; но онъ одаренъ отъ природы душой крѣпкой и, quoiqu'on dit [1]), терпѣливой, онъ бы пренебрегъ всѣмъ, если бъ душа его не болѣла, если бъ за любовь жаркую ему платили такою же, если бъ ему не приходилось по полугоду выжидать отвѣтовъ и наконецъ услышать слово: недосугъ. Очень знаю, что рѣдко кто властенъ собою располагать, а почти всѣми помыкаетъ своенравная судьба: и такъ Николай Ивановичъ Бахтинъ канцелярскій чиновникъ, но почему онъ приба-

---

[1]) „Чтобъ ни говорили“.

вляетъ къ этому отъ себя: да и только? Мнѣ кажется, никакая должность не можетъ всего человѣка заполнить, тѣмъ паче когда человѣкъ гораздо больше своей должности; и чѣмъ же Г-да холоднокровные и разсудительные люди, Вы станете тягаться съ нашей братьей, страстными и горячими, когда Вы не имѣете той твердости, постоянства, строгаго исполненья всѣхъ условій дружбы, которыя одни могутъ идти въ сравненье съ ея почти безпредѣльной полнотою и неугасающимъ огнемъ? но оставимъ это: письма не бесѣды Златоуста. Голицынъ давно ждетъ лит. газ. на 1830 годъ, ему хочется имѣть мои размышленія и разборы. За выписку изъ Héreau[1]) много благодаренъ, она мнѣ пріятна, но любопытно было бы прочесть все. Что значатъ слова Ваши, что Гнѣдичъ о *разм. и разб.* не можетъ говорить *равнодушно*? отъ него я могу ожидать двоякаго слову разтолкованія; если однако (какъ я надѣюсь) онъ въ мою пользу судитъ, поблагодарите его отъ моего имени, при свиданьи, и прибавьте, что я дорожу его похвалой. По сей почтѣ отправилъ я къ Сомову для помѣщенія въ „Сѣверныхъ цвѣтахъ" большое стихотвореніе: Геній и поэтъ; поспѣшите къ нему, если хотите видѣть, ибо (почемъ знать!) легко быть можетъ, что ужъ послѣ и не увидите. Я становлюсь смѣлъ въ своей глуши, и коли прочтете, увидите почему. Боюсь, чтобы и предисловія Ваши, по крайней мѣрѣ присылка ихъ, ко мнѣ не опоздали. Книгъ жду, а еще болѣе термометра, ибо покуда онъ не присланъ; но едва ли не почта виновата, ибо она теперь посылокъ вовсе не принимаетъ: потрудитесь справиться. Холера мнѣ надоѣла до смерти, всѣ толкуютъ объ ней, никто не лѣчитъ, и выдумали всю Россію по уголкамъ запереть! оставимъ это. Увѣдомьте, мнѣ очень нужно знать, на какой ногѣ наше правительство съ новымъ французкимъ, есть ли оттолѣ посланникъ, остался ли нашъ въ Парижѣ, словомъ все, что есть оффиціальнаго, а коли можно quelque chose de plus. Все ли тамъ утихло теперь? все ли здорово? Вы все можете знать, живучи въ столицѣ и, право, не имѣете состраданья къ несчастнымъ отшельникамъ, оставляя ихъ точь-въ-точь, какъ покойниковъ, въ могилахъ. Я осмѣлюсь повторить просьбу и о журнальныхъ отзывахъ на мой счетъ: читать ненужно, а пересмотрѣть, нѣтъ ли чего, получаса довольно на весь годъ. Прощайте покуда, почтеннѣйшій

---

[1]) Edme-Joachim Héreau, р. въ 1791 г., ум. въ 1836 г. Съ 1809 г. по 1819 г. проживалъ въ Россіи и занимался преподаваніемъ французскаго языка, сотрудникъ Revue Encyclopédique, въ кот. помѣщалъ много статей и по русской литературѣ.

и, буде можно, вспоминайте почаще, а коли нельзя, Ваша воля; только я еще надолго намѣренъ оставаться все тѣмъ же.

Павелъ Катенинъ.

68.

26 декабря 1830 г. Шаево.

Благодарю, любезнѣйшій Николай Ивановичъ, за присылку термометра и прозы отъ издателя; то и другое получено на сей почтѣ, то есть 25-го декабря. Спѣшу отвѣчать, любя изправность въ перепискѣ. Я замѣчанія свои написалъ карандашемъ: все, что въ скобкахъ (), по мому, должно быть выкинуто, что рядомъ написано на полѣ, предлагается въ замѣну, а что написано съ знакомъ NB, есть мое замѣчанье, или рѣчь къ Вамъ. Здѣсь еще кое-что поясню: похваляя вполнѣ Вашу мысль, чтобъ вѣщь была коротка и безъ постороннихъ имянъ, я старался и свои выкинуть, гдѣ можно, ибо оно рябило въ глазахъ. Важнѣйшія двѣ перемѣны на страницахъ 7-й и 13-й: потрудитесь со вниманіемъ перечитать написанное Вами; можетъ быть, Вы замѣтите, что выраженія: *болѣе или менѣе есть и у Кат.* и *трудно сказать что-либо общее, кромѣ развѣ того*, не въ языкѣ издателя, который, хоть не имѣетъ нужды разсыпаться въ похвалахъ, однако, обязанъ говорить твердо, а не запинаясь отъ какого-то замѣшательства, какъ будто ему совѣстно за автора. Въ цитатахъ я прибавилъ *Наташу*, *Убійцу*, *Лѣшаго*, *Елегію*, тамъ гдѣ рѣчь о созданіяхъ: они всѣ точно таковы, и опять повторяю, издатель обязанъ упомянуть обо всемъ, что не совсѣмъ мѣлко, иначе онъ даетъ палку врагамъ на друга; *Міръ поэта* я переношу далѣе, ибо онъ, также какъ *Софоклъ* [1]) и *Ахиллъ и Омиръ*, менѣе свой и краски въ немъ давно вѣдомыя, библейскія, греческія, рыцарскія, стало ему мѣсто тутъ, а не тамъ. Не говорите о размѣрахъ *новыхъ*: ихъ на свѣтѣ нѣтъ. Бестужева должно щадить по обстоятельствамъ и цитаты не въ изданьи Вашемъ; анекдотъ о французѣ смѣшонъ; M-le Duc, или Comte или Marquis отпустилъ эту штуку, толкуя съ Boileau и зная Mirmidons [2])

---

[1]) Это стихотвореніе напечатано первоначально въ Вѣстникѣ Европы 1818 г., № 14 и Сынѣ Отечества 1818 г., № 33.

[2]) Критики Катенина (упрекавшіе его въ употребленіи „обветшалыхъ словъ и выраженій“), по словамъ Бахтина (въ предисловіи къ соч. Катенина), были знакомы съ библейскими выраженіями столько, сколько тотъ знатный французъ съ греческимъ, который не могъ простить Омиру употребленія въ важной поэмѣ низкихъ словъ, напримѣръ: „les Mirmidons“ (названіе древняго народа въ Ѳессаліи).

только въ изпорченномъ употребленьи, въ смыслѣ милюзги. О пѣвцѣ изъ Гёте [1]) я предложилъ и требую прибавленья объ *Ольгѣ*: сдѣлайте милость, не робѣйте за меня, я не затѣмъ трудился, чтобъ стыдиться; имени моего соперника нѣтъ, а намековъ у Васъ много и гораздо сильнѣе; этотъ же ничуть не въ обиду. *Сонетъ* [2]) не стоитъ словъ, Октавы [3]) я переношу къ Etudes и прошу это мѣсто пояснить, сказавъ, что я Вамъ партикулярно сказалъ, а то могутъ подумать, что я публикѣ говорю о себѣ. О *Пирѣ* [4]) сказано въ рукописи, и оно точно такъ; еще нѣкоторыя мѣлочныя поправки позволилъ я себѣ единственно для сокращенья и округленья періодовъ: извините, почтеннѣйшій, и творите по своей волѣ, мой только совѣтъ. Жду отъ Васъ замѣчаній на статью о театрѣ; отдали ли Вы ее Сомову? онъ еще не отвѣчалъ мнѣ на письмо, при коемъ отправлено къ нему новое мое стихотвореніе: узнайте отъ чего, и что съ нимъ будетъ. Упадокъ нашего театра жалости достоенъ; но иначе быть не можетъ, пока нѣтъ при немъ живого человѣка. Сообщите, коли можно, новости петербургскія: что за стеклобитіе тамъ произходило? меня огорчаетъ, что тутъ въ бѣду попался родной племянникъ К. Николая Голицына; чѣмъ это все кончилось или кончится? сдѣлайте милость, не будьте такъ скупы на писаніе. Видѣли ли моего брата Александра, по возвращеніи его изъ отпуска, или онъ тотчасъ отправился въ походъ? право все для меня не въ пору дѣлается. Прощайте, любезнѣйшій, будьте здоровы, пишите.

Весь Вашъ
Павелъ Катенинъ.

69.

4-го мая 1831 года. Шаево.

Извините, почтеннѣйшій Николай Ивановичъ, если надоѣдаю Вамъ своимъ письмомъ. Послѣ чрезмѣрно долгаго молчанія Вашего, въ родѣ своемъ не перваго, я бы за трудный и прискорбный долгъ поставилъ себѣ самъ не приставать къ Вамъ съ разговоромъ, котораго Вы вести не хотите, но я чрезвычайно боленъ... Я страдаю

---

[1]) „Сынъ Отечества" 1815 г., ч. 21, № 16, стр. 138—9. (Соч. Катенина, II, 27).

[2]) Сонетъ изъ Филикайя („Сынъ Отечества" 1822 г., № 14; Соч. Кат., II, 116).

[3]) Октавы изъ „Бѣшенаго Роланда" (Аріоста) и изъ „Освобожденнаго Іерусалима" (Тасса) въ „Сынѣ Отечества" 1822 г., № 14. (Соч. Кат., II, 112—115).

[4]) „Пиръ Іоанна Безземельнаго". Соч. Кат., I, 123—162

жестоко и легко безъ помощи могу умереть; а какъ Вы уже объявили публикѣ объ изданіи моихъ стихотвореній, которое я надѣюсь, что, хоть по смерти моей, Вы начнете, то и попрошу Васъ покорнѣйше о поправкѣ нѣсколькихъ стиховъ въ романсахъ о Сидѣ, гдѣ есть ошибки противъ смысла, именно въ ром. 15-мъ, въ описаньи одѣжды Родрига. Послѣ стиховъ:

Хоть отцемъ онъ былъ поношенъ,
Да не много; на атласъ etc.

вмѣсто теперешнихъ двухъ, поставьте слѣдующіе:

Ловко падалъ съ плечъ лосинный
Мягкій продѣвной колетъ.

и нѣсколько ниже послѣ: плащъ доходитъ до колѣнъ, такъ:

На плечахъ опушка: бѣлый
Чернохвостый горностай [1]).

Только и всего; оно, конечно, бездѣлица, но, видя ошибку, надо, коли можно, изправляться, и я Васъ усердно прошу немедленно эти перемѣны внести на мѣста. Извините, что и въ письмѣ вычерки, хворому должно многое простить. Надѣюсь, что Вы здоровы и желаю Вамъ впредь того же; а что касается до сердечнаго обстоятельства, о коемъ въ началѣ упомянуто, то я ни словомъ, ни дѣломъ, ни мыслію не зная за собой въ отношеньи къ Вамъ ничего, въ чемъ бы могъ себя упрекнуть, на этотъ счетъ умру спокоенъ; изъясненій никакихъ не требую, а воля Ваша утѣшить меня возвращеньемъ на старое, или... правду сказать, въ такомъ случаѣ пошли Богъ скорѣе конецъ. Остаюсь исполненный прежнихъ чувствъ, во мнѣ неизмѣнныхъ, весь Вашъ

Павелъ Катенинъ.

70.

24-го мая 1831 г. Шаево.

Сперва письмо отъ 30-го апрѣля, а съ прошедшей почтой и посылку съ книгами получилъ. Ни за что, любезнѣйшій Николай Ивановичъ, ни сердиться, ни упрекать не стану, тѣмъ паче, что Вы сами признаетесь, что не правы; не сочтите ни за малый признакъ досады моего душевнаго сѣтованья только и лучше разсѣйте и то: все въ Вашей волѣ. Вы знаете, что безпечность и охлажденье отъ пріятелей всякому горьки; прибавьте къ общему мой жаркій нравъ, мое одинокое житье, мою мучительную болѣзнь (ибо я третій мѣсяцъ лежу), и разсудите. Объ изданьи я издали, такъ сказать, хлопочу; съ нимъ связано мое самолюбіе, оно нѣжно и щекотливо:

[1]) Соч. и перев. Катенина, II, 151.

попекитесь о немъ, не забрасывайте по многимъ мѣсяцамъ сразу дѣла, дружбѣ Вашей ввѣреннаго, не пускайте его кое-какъ на волю Божію. Повторяю: надо бы хлопотать о подписчикахъ, а напротивъ иные писали изъ губерній къ Слёнину [1]) и получили въ отвѣтъ, что еще ничего нѣтъ. Можетъ ли тутъ выйти что хорошее? *Камеръ юнкеръ Хитровъ* мнѣ далъ честное слово на отъѣздѣ хлопотать въ своемъ кругу о подписяхъ; повидайтесь съ нимъ, напомните, онъ не попятится, а о чужихъ выгодахъ по моему такъ легко со всѣми толковать. Можно бы и другихъ людей найти, но надо захотѣть; захотите, ради Бога. Охъ! на бумагѣ и сказать ничего путемъ не льзя, да я же такъ боленъ, что на силу могу перомъ по бумагѣ чертить. Воля—великое дѣло. Сомовъ очень давно пересталъ ко мнѣ писать, даже не отвѣчалъ на два письма; съ однимъ послалъ было „Геній и поэтъ", а черезъ другое я уже требовалъ отвѣта, но... не послѣдовало. Я Васъ, помнится, просилъ купить и александринами переложенныя четыре пѣсни Гнѣдича; поищите-ко ихъ у Смирдина, или гдѣ есть, и доставьте въ переплетѣ общемъ. Лесть его Жуковскому гадка, о Дельвигѣ же что-то не ясное [2]); впрочемъ ихъ экзаметры вообще дурны, стало хвалить въ охоту, сравненье не опасно. Не прибавите ли въ низу подъ—, что А. С. Пушкинъ, кажется, согласенъ съ П. А. Кат. въ фактурѣ пятистопнаго ямба, ибо тоже вездѣ ставитъ цезуру на 2-й стопѣ? а коли объ экзаметрахъ разсуждать, то не сказать ли, что многіе изъ русскихъ нѣсколько тѣмъ не нравились слуху, что сей размѣръ легко впадаетъ въ два порока разные, но равно непріятные: тяжесть, либо вялость прозаическая; одна происходитъ отъ неумѣнья стихи разнообразить искуснымъ смѣшеньемъ дактилей и хореевъ въ первыхъ четырехъ стопахъ; другое отъ переноса или перехода со смысломъ изъ стиха въ стихъ, такъ что ни одинъ не конченъ и не круглъ, и отъ невѣрнаго, или, такъ сказать, своевольнаго употребленія короткихъ за долгія и долгихъ за короткія слоги. Тутъ много правды, но не длинно ли выйдетъ? Вы лучше рѣшите. Геній и поэтъ въ мѣсяцъ безпрерывнаго вдохновенья излился, но поляки меня зарѣзали: кто

---

[1]) Книгопродавецъ-издатель Иванъ Васильевичъ Сленинъ р. 1789 г., ум. 1836 г. Ост. Арх. I, 627—628 „Сочиненія и переводы" Катенина печатались въ типографіи вдовы Плюшара.

[2]) „Не считаю также нужнымъ защищать гекзаметръ, какъ бы мою собственность; онъ самъ себя защищаетъ въ стихахъ Жуковскаго, и такъ же краснорѣчиво, какъ нѣкогда отвергаемое движеніе защитилъ тотъ Грекъ, который вмѣсто возраженія, всталъ и началъ ходить.... Кого не плѣняетъ и лира Дельвига счастливыми вдохновеніями и стихомъ, столько Музѣ любезнымъ". (Изъ предисловія Гнѣдича къ первому изданію Иліады).

тогда думалъ объ нихъ? Какъ они у Васъ? Что говоритъ Сомовъ, и почему онъ мнѣ не отвѣчалъ? вышелъ ли послѣдній 72-й № Лит. газ. прошлаго года, я не получалъ, а въ немъ должно было находиться окончанье моей статьи о театрѣ? Нельзя ли прислать? Прощайте.

Весь Вашъ

Павелъ Катенинъ.

71.

1-го іюня 1831 г. Шаево.

Какъ я ни боленъ, какъ ни слабъ, но, увѣрясь изъ послѣдняго письма Вашего, что вы еще не совсѣмъ меня оставили, рѣшаюсь черезъ силу писать къ Вамъ, любезнѣйшій Николай Ивановичъ, все о томъ же дѣлѣ, которое у Васъ въ рукахъ, которое важно для меня живого и мертваго, объ изданіи моихъ (съ прибавкою Голицынскихъ) стихотвореній. Написанное мною недѣля тому разсужденье о экзаметрахъ длинно и покажется не у мѣста: не ставьте его; Ваша рѣчь весьма хороша, развѣ, вмѣсто: тяжелости и неловкости (что одно и тоже), поставить: „тяжелаго однообразія и прозаической вялой разтяжки“ etc. ибо это два порока разные, и, коли въ первомъ виноваты Тредьяковскій, Воейковъ и Гнѣдичъ самъ (теперь менѣе, ибо онъ многое выправилъ, а прежде очень), то другое еще по мнѣ хуже въ Жуковскомъ и Дельвигѣ. Впрочемъ все сіе на Вашу волю отдается. Получили ли Вы уже давно разныя переправки въ стихахъ изъ переводовъ Данте? во 2-й пѣсни были очень важныя на счетъ Cielo, ch'ha minor i cerchi sui; также Пилата я выкинулъ и замѣнилъ другимъ Евангельскимъ лицемъ въ 3-й пѣсни; были еще мѣлочныя перемѣны и, сколько помню, все давно къ Вамъ послано, и въ романсахъ о Сидѣ, и прибавленья небольшія къ части переводовъ и подражаній, только Вы ни о чемъ меня не увѣдомили. Теперь перехожу къ главнѣйшему, къ самому изданію. Ему необходимо нужно, мой почтенный, дать заблаговременно извѣстность и ходъ. Объявленье въ Литературной Газетѣ слишкомъ недостаточно; должно быть подобное въ болѣе всѣми получаемыхъ журналахъ, напримѣръ въ *Сѣверной пчелѣ* и въ которомъ-нибудь изъ Московскихъ. Я слышалъ съ похвалою о *Телескопѣ*; постарайтесь, чтобы въ немъ вышло извѣстіе и какъ должно; сблизьтесь, ради меня, съ кругомъ литературнымъ, поинтригуйте такъ сказать; самому за себя совѣстно, но за пріятеля честно, похвально и, коли справедливо судить, даже долгъ. Видѣлъ ли Васъ братъ мой Ал. Андр., возвратясь изъ отпуска передъ походомъ? жаль, что онъ тотчасъ долженъ былъ уйти, а то онъ очень намѣ-

рялся хлопотать о подпискахъ: онѣ необходимы, я бы (за другого NB.) никому не далъ покоя, пока онъ руки не приложитъ. Шести стихотворцамъ надобно будетъ отъ меня доставить по экземпляру: К. Шихматову, К. Шаховскому, Крылову, Гнѣдичу, Жуковскому и Пушкину; также одинъ отправить въ Смоленскъ къ Хмѣльницкому, не для него, а, по его ко мнѣ письменной просьбѣ, для заводимой тамъ Публичной библіотеки. Но это все еще не близко, а покуда извѣщайте меня почаще и приложите хоть половину того усердія, какое бы въ подобномъ случаѣ оказалъ Вамъ Вашъ преданный

Павелъ Катенинъ.

P. S. Нарочно разпечатываю, чтобы кое-что прибавить къ сказанному: помнится мнѣ, я давно совѣтовалъ для удобства подписки *наготовить печатныхъ листковъ*, съ которыми бы можно было тому другому ходить собирать; я и теперь нахожу это полезнымъ и удобнымъ. Если бъ такихъ листковъ Вы ко мнѣ прислали пять, либо шесть, я бы разослалъ кое-кому изъ знакомыхъ въ разные города, и вездѣ бы несомнѣнно подписей по десятку набралось, а можетъ и болѣе; въ столицѣ же оно и подавно должно быть споро: всякій самъ подпишетъ, обозначитъ, что деньги отданы, и потомъ гуртомъ все вручится книгопродавцу, у кого подписка открыта. *Не въ Петербургѣ ли Ал. Пушкинъ?* [1]) если да, не забудьте отъ имени моего настоятельно его склонить къ содѣйствію, а *онъ можетъ быть очень полезенъ.* Охъ! Николай Ивановичъ, не мнѣ бы все это придумывать и разказывать; но что же мнѣ дѣлать, если Вы за недосугами можетъ быть не довольно занимаетесь мною? доброе дѣло будетъ, тѣмъ паче, что вѣроятно, въ послѣдній разъ, и, по болѣзни моей судя, скоро я перестану собой пріятелей моихъ тяготить. Будьте здоровы и, Христа ради, пишите.

72.

16-го іюня 1831 г. Шаево.

На одно письмо Ваше вотъ уже третье пишу къ Вамъ, любезнѣйшій Николай Ивановичъ, чувствую отчасти, что оно можетъ показаться Вамъ скучнымъ, чувствую очень, что при тяжкой болѣзни моей оно для меня утомительно; но дѣлать нечего, задоръ взялъ на счетъ изданія; самая опасность, въ которой нахожусь, самая неувѣренность въ выздоровленіи удвояетъ мое попеченье о томъ, что должно остаться послѣ меня, и хотѣлось бы удѣлить Вамъ часть

[1]) Пушкинъ въ серединѣ мая прибылъ изъ Москвы въ Петербургъ и 25 мая переѣхалъ въ Царское Село. Н. О. Лернеръ. Труды и дни Пушкина, 2-е изд., стр. 239, 240, 241.

этого сильнаго, неодолимаго чувства. Подумайте, что послѣ словъ Вашихъ въ предисловіи, послѣ объявленнаго мнѣнія Вашего, что изданіе должно подѣйствовать въ пользу мою, открыть глаза читателямъ, оказать многимъ доселѣ мало оцѣненное достоинство, собственное Ваше самолюбіе находится en jeu; эту игру проиграть стыдно, надо выиграть ее во что бы ни стало и не пренебрегать ничѣмъ, дабы съ честью выйти изъ нея. Тутъ необходимо стараніе ревностное, отзывы вслухъ рѣшительные и часто повторяемые, надобно искать помощниковъ, надобно черезъ кого-нибудь сблизиться съ журналистами, глашатаями литературы, главное: надобно набирать подписчиковъ. Вы знаете довольно, какъ еще наше общество ко всему книжному равнодушно, не отъ того не подписываются, чтобы не хотѣли, нѣтъ, а не знали, не слыхали, не приняли участія, такъ просидѣли; повторяю, хоть бы въ сотый разъ: должно разносить подписку, предпочтительно по людямъ съ имянемъ, ни одинъ не откажется, хоть изъ приличія, а составитъ оно и казистый списокъ, и денежный сборъ. Понимаю, что сей разносъ иной разъ покажется непріятнымъ, по своему чувству судя, полагаю, что не для себя, а для другого, и тѣмъ паче для пріятеля, самая непріятность эта имѣетъ нѣчто утѣшительное, а что послѣ останется собой довольнымъ, исполнивъ долгъ дружбы слишкомъ ясно, и чѣмъ труднѣе было—тѣмъ слаще потомъ покажется. Отъ чего Вы такъ рѣдко пишете? много ли времени уходитъ на письмо? Не слыша ничего отъ Васъ, и я затрудняюсь въ словахъ, боюсь, не имѣя понятія о ходѣ или положеніи дѣла, врать безъ пути. Голицынъ проситъ меня напомнить Вамъ, что Вы весьма давно спрашивали: котораго года „Литературную Газету" онъ хочетъ имѣть? Онъ отвѣчалъ имянно 1830-го года, чтобы имѣть Размышленья и Разборы мои; но Вы замолкли и не прислали; онъ и теперь проситъ о томъ же, NB коли всѣ номера до послѣдняго вышли, а то 72-го, въ коемъ слѣдовало быть окончанію статьи: о театрѣ, я по сію пору не получалъ и, существуетъ ли оный въ печати, не вѣдаю, если да, скажите Сомову, чтобъ онъ мнѣ его прислалъ, какъ нужный для меня, а для Голицына купите весь 1830-й годъ Газеты. При семъ случаѣ попрошу Васъ сосчитать: сколько изъ занятыхъ денегъ Вы уже уплатили, дѣлая на меня покупки и проч. Я, право, хорошенько не знаю, а знать все же надо и мнѣ, и Вамъ. О болѣзни, о страданьяхъ моихъ не стану разказывать, и какъ ихъ разказать? Какія слова могутъ ясное дать понятіе о настоящей степени муки человѣка? довольно, что я почти три мѣсяца лежу, вставая только чтобъ перейти на кресла для перевязки ранъ два раза въ сутки; не ѣмъ даже ничего мяснаго, а только хлѣбное и молочное, изху-

далъ такъ, что узнать не льзя и слабъ до того, что, едва стану на ноги, меня шатаетъ. Немощна плоть моя, почтенный Николай Ивановичъ, но духъ еще бодръ; онъ, вѣроятно, поддерживаетъ остатки моего полуразрушеннаго состава; еслибъ къ этой врожденной бодрости придать ему спокойства, радости и тому подобнаго, я не сомнѣваюсь, что онъ бы одержалъ побѣду надо всѣми недугами, меня теперь терзающими. Много можете Вы сотворить для него, въ Вашихъ рукахъ то, чѣмъ онъ наиболѣе занятъ, къ чему устремлены всѣ его помыслы и заботы: не пренебрегите, ради Бога, размыслите основательно и, если увидите сами, что необходимо дѣйствовать *такъ*, дѣйствуйте такъ, хотя бы оно нелюбо было и тяжко казалось и непріятно; принесите эту жертву дружбѣ. Весь Вашъ

Павелъ Катенинъ.

73.

4-го іюля 1831 г. Шаево.

Болѣзнь моя, коли Вы хотите, почтеннѣйшій Николай Ивановичъ, знать о ней подробно, была самая опасная, мучительная и гадкая, я говорю: была, потому что хотя опа далеко не прошла, но уже какъ будто слабѣетъ и менѣе мучитъ . . . .
. . . . [1]
теперь съ душевнымъ прискорбіемъ и страхомъ перехожу къ петербургской холерѣ; точно, любезнѣйшій, Вы здоровы, а стоите ближе къ смерти внезапной, чѣмъ я, хворый почти четыре мѣсяца, слабый, разбитый, неподвижный въ постели, изнуренный болью, и долго опасавшійся въ несказанныхъ страданьяхъ издохнуть: сохрани Васъ Богъ! (comme on dit), а Вы слишкомъ умны, чтобъ не сохранять себя сами сколько можно и умереть, такъ сказать, безъ пути. Между тѣмъ я и за Васъ, и за другихъ моихъ знакомыхъ буду въ безпокойствѣ и потому весьма усердно прошу Васъ, любезнѣйшій, писать ко мнѣ чаще и увѣдомлять о себѣ и другихъ, въ комъ я принимаю участіе. Наконецъ отвѣчаю и на вопросъ Вашъ объ отсрочкѣ изданія; сей вопросъ (извините, Николай Ивановичъ), хоть очень основательный, грозитъ безполезною тратою времени и, чтобы ее отнюдь не было, постараюсь разрѣшить его съ ясностью и подробностью. Что Вы разумѣете подъ словомъ изданіе? буде напечатанье и раздачу экземпляровъ по лавкамъ, то безъ сомнѣнья теперь всѣ постороннія обстоятельства такъ неблагопріятны, что это дѣло совсѣмъ не въ пору, и его отложить необходимо, но важнѣйшее, главнѣйшее для меня живого и мертваго (какъ уже сказано) не то, чтобъ стихи мои тиснули, а чтобы на собранье ихъ

[1]) Выпущено подробное описаніе болѣзни Катенина.

подписалось болѣе людей; кто же и что же мѣшаетъ. Вамъ безъ всякихъ ко мнѣ вопросовъ нынѣ же, не тратя дня, съ помощью всѣхъ, кого знаете, набирать подписчиковъ, копить имена и деньги (эти можно прямо отдать въ ту лавку, которая изберется Вами конторой подписокъ), словомъ запасаться тѣмъ, что нужно и запасаться какъ можно болѣе, какъ можно скорѣе, ибо что взято то свято. Въ исполненьи обѣщаннаго отъ Васъ, сирѣчь въ выходѣ книги, вѣрно не усомнится ни одинъ подписчикъ, а ждутъ изданій часто и болѣе года: тутъ совѣститься вовсе нечего. Если Вы теперь хоть сотню сберете, c'est autant de pris, а когда возвратится гвардія и братья мои, когда кончатъ съ поляками, когда пресѣчется холера, тогда набирайте еще и, какъ покажется, что уже не стыдно книгу выпускать, тогда и отправляйтесь въ типографію. До тѣхъ же поръ повторяю и паки повторяю: времени и случая отнюдь тратить и терять не должно, надо дѣйствовать, не пренебрегать ни одной подпиской, весь итогъ составляется изъ единицъ; и такъ: повидайтесь съ Пушкинымъ, съ Хитровымъ, съ Каратыгинымъ, со всѣми, кого сами придумаете, не полѣнитесь сами, разносите подписки и набирайте болѣе, въ чемъ да поможетъ Вамъ Всевышній, только не забывайте пословицъ: aide toi, Dieu t'aidera, либо, на Бога надѣйся, самъ не плошай, тоесть начинайте главнѣйшее для изданья, сборъ, aussitôt la présente reçue [1]). Паче всего будьте живы и здоровы и чаще пишите ко мнѣ; увѣрять Васъ въ неизмѣнности моихъ чувствъ, кажется, лишнее. Вы слишкомъ коротко меня знаете и знаете, что я никогда ни отъ кого не отставалъ. Ужели начну съ Васъ, мой почтенный? и на Васъ надѣюсь, только прошу: бросьте въ этомъ случаѣ, столько для меня важномъ, всю лѣнь и безпечность, одолжите меня на вѣкъ. Весь Вашъ,

Павелъ Катенинъ.

74.

12 іюля 1831 года (Шаево).

Дурные слухи носятся о Вашей петербургской холерѣ, любезнѣйшій Николай Ивановичъ, и потому еще болѣе хотѣлось бы мнѣ, чтобы вы удовлетворили мою просьбу, въ прошедшемъ письмѣ изъясненную, и извѣщали меня почаще о себѣ и другихъ, въ комъ Вы знаете, что я принимаю участіе. Впрочемъ, я полагаю, что эта болѣзнь у Васъ, какъ и вездѣ, гдѣ она была, дѣйствуетъ почти исключительно на черный рабочій народъ, а что называется общество, ей едва ли подвержено. Охъ! издали часто недоумѣваешь, на чемъ мысль остановить, все боишься обмануться и, какъ по большей

---

[1]) „Тотчасъ по полученіи этого письма".

части водится на бѣломъ свѣтѣ, обмануться самымъ непріятнымъ образомъ. Моя болѣзнь стоитъ въ одномъ положеніи, кое-гдѣ похоже на хорошее, а индѣ на худое, и страхъ все борется съ надеждой; іюльскія жары до конца меня ослабляютъ, а ни пищи, ни питья подкрѣпительнаго, то-есть ни бульону, ни вина не смѣю употреблять; изхожу потомъ и шатаюсь, какъ угорѣлый, когда нужда велитъ встать, или одолѣетъ тоска безпрестаннаго лежанья. Книжныхъ порученій моихъ теперь, я чаю, Вамъ вполнѣ нѣтъ возможности сдѣлать, то есть переслать по почтѣ не льзя; все же постарайтесь добыть александринами переведенныя четыре пѣсни Иліады Гнѣдичемъ и хоть у себя ихъ покуда поберегите; что же до прошлогодней Литературной Газеты, бросьте ее совсѣмъ: я Голицыну свою пошлю, а справтесь только объ № 72: вышелъ ли онъ въ печать, или нѣтъ? На счетъ изданія моихъ стиховъ остаюсь все въ тѣхъ же мысляхъ: не отлагать подписки до Генваря, а пользоваться каждымъ днемъ и каждымъ мигомъ, разумѣется, если это дѣло сколько-нибудь возможное, если холера не мѣшаетъ всему; подумайте также о листкахъ бланкетныхъ для подписки: они (я думаю) весьма могутъ быть полезны и для столицы, и для губерній; я увѣренъ, что будь нѣсколько такихъ листковъ въ рукахъ человѣка усерднаго, въ одномъ Нижнемъ Новгородѣ, во время ярмонки, накопилось бы на тысячу рублей (NB наличныхъ) подписчиковъ. Прилагаю при семъ на особой бумажкѣ поправки для Октавъ изъ Тасса; въ трехъ первыхъ онѣ весьма значительны, и (кажется), кромѣ написаннаго, еще бы не худо въ третьей строфѣ, вмѣсто воздуха предѣлы, написать горніе предѣлы, оно и для звукоподражанія лучше и ближе къ Superne regioni подлинника: не хочется марать, перемѣните сами вмѣстѣ съ остальнымъ въ общей рукописи; сверьхъ того, прилѣжно сравните новое со старымъ и напишите ко мнѣ свое объ нихъ сужденіе. Прощайте, почтенный Николай Ивановичъ, будьте здоровы, ныньче это выходитъ не façon de parler, а, къ горю, серіозное и съ боязнью смѣшанное желанье, не лѣнитесь писать: теперь почти должно. Весь Вашъ

Павелъ Катенинъ.

P. S. Не утерпѣлъ: поправилъ.

75.

29 августа 1831 года (Шаево).

Какъ ни коротко и ни сухо письмо Ваше отъ 12-го Августа, все я обрадовался ему, узнавъ, что Вы, любезнѣйшій Николай Ивановичъ, живы и здоровы, и сверьхъ того, мнѣ тужить не о комъ; и такъ, я надѣюсь первый приказать другимъ долго жить. Болѣзнь моя взяла опять дурной оборотъ, (раны увеличились и загнили),

боль доводитъ даже до крика, вопреки всѣмъ усиліямъ; чѣмъ кончится и скоро ли, самъ не знаю. Что до холеры, мнѣ всегда казалось, что она почти исключительно нападаетъ на людей невоздержныхъ, или на бѣдныхъ, по неволѣ подверженныхъ холоду и голоду, а другимъ, особенно тѣмъ, кого еще не хватаютъ насильно на улицахъ и не морятъ въ больницахъ, не опасна. Знаю еще, что кромѣ ея многое было около Васъ нездорово, и что теперь житье-бытье равно весело въ столицѣ и въ глуши. По всѣмъ симъ причинамъ скажу, какъ Вы: обо всемъ другомъ послѣ; даже не хочу болѣе первый ни о чемъ заговаривать, что касается хлопотъ и заботъ, а вотъ Вамъ рѣчь невинная: Голицынъ прислалъ мнѣ недавно чей-то переводъ все той же Леноры Бюргера [1]) и подъ названіемъ нѣмецкимъ; переводъ дрянь, и развѣ одно въ немъ достоинство, что размѣръ подлинника сохраненъ въ точности; но онъ заставилъ меня пересмотрѣть мое подражанье и кое-что изправить: сообщаю Вамъ сіи передѣлки для помѣщенія на мѣста. Конецъ 3-го и начало 4-го куплета такъ:

Всѣ на встрѣчу, на дорогу,
Кличутъ: „здравствуй! слава Богу!"
Ахъ! на Ольгинъ лишь привѣтъ
Ни отколь отвѣта нѣтъ.

Ищетъ, спрашиваетъ; худо:
Слухъ пропалъ о немъ давно;
Живъ ли, мертвъ, не знаютъ; чудо!
Словно канулъ онъ на дно [2]).

Конецъ 17-го куплета такъ:

Встань, ступай, садись за мной;
Гости ждутъ меня съ женой [3]).

---

[1]) Переводъ Жуковскаго („Баллады и повѣсти В. А. Жуковскаго". 1831 г. 2 ч.).

[2]) Соч. Катенина, II, 31. Первоначально (въ С. О. 1816 г. ч. 30 № 27) было такъ:

Жены, дѣти имъ въ дорогу
Кличутъ: „здравствуй! слава Богу!"
Ахъ! знать Ольгѣ жить одной
Быть на вѣкъ свой сиротой.

* * *

Тщетно ищетъ, вопрошаетъ,
Слухъ пропалъ о немъ давно;
Живъ ли, нѣтъ, никто не знаетъ
Будто канулъ онъ на дно.

[3]) Соч. Катенина, II, 35. Прежде:

Встань, ступай садись за мной
Гости ждутъ, готовъ покой.

Конецъ 21-го такъ:

Что-жъ вы, пѣвчіе! Не стойте,
Пѣснь на свадьбу мнѣ пропойте;
Службу, попъ!.. и ты яви,
Насъ ко сну благослови [1]).

Покуда больше нѣтъ, потрудитесь выскоблить старое и новымъ замѣнить. Есть ли что новое не по бѣдственной части, или никому уже не до стиховъ и прочаго тому подобнаго? Насъ вода одолѣла, рѣка разлилась пуще вешняго, луга потоплены, овесъ на корню по низкимъ мѣстамъ заметенъ пескомъ, и сѣно стогами волны уносятъ, лошади будутъ безъ корму: дай Богъ, чтобъ люди прокормились!

Весь Вашъ

Павелъ Катенинъ.

76.

28-го сентября 1831 г. Шаево.

Новыя поправки для Ольги:

Куплетъ 7-й.

Слушай, дочь! въ Украйнѣ дальной,
Можетъ быть, женихъ ужъ твой
Обошелъ налой вѣнчальной
Съ красной дѣвицей иной:
Что измѣнника утрата?
Рано-ль, поздно-ль, будетъ плата,
И отъ Божьяго суда
Не уйдетъ онъ никогда [2]).

---

[1]) Соч. Катенина, II, 37:

У моей кровати спальной
Клиръ! пропой мнѣ стихъ вѣнчальной:
Службу, попъ! и ты яви,
Насъ ко сну благослови.

Первоначально:

Что жъ вы, пѣвчіе! не стойте,
Пѣснь на свадьбу мнѣ пропойте,
Попъ! и ты бѣги сейчасъ,
Обвѣнчай на вѣки насъ.

[2]) Соч. Катенина, II, 32. Въ С. О. 1816 г. такъ:

Слушай, дочь: въ Украйнѣ дальной
Есть-ли клятвъ не чтя своихъ,
Обошелъ алтарь вѣнчальной,
Ужъ съ другою твой женихъ?

Куплетъ 9-й, стихи 6-й, 7-й и 8-й.

Бойся муки, вспомни вѣру:
Сыщетъ, чуждая грѣха,
Неземного жениха [1]).

Куплетъ 10-й, стихи 7-й и 8-й.

Съ милымъ врознь несносенъ свѣтъ,
Здѣсь, ни тамъ мнѣ щастья нѣтъ.

либо: блаженства нѣтъ: что лучше? [2]).

Куплетъ 20-й, стихи 1-й и 2-й.

Что за звуки? Что за пѣнье?
Что за врановъ крикъ во мглѣ? [3]).

Куплетъ 21-й, стихи 5-й и 6-й.

У моей кровати спальной,
Клиръ! Пропой мнѣ стихъ вѣнчальной [4]).

Куплетъ 24-й, стихи 7-й и 8-й.

Чтобъ подъ пляску вашу мнѣ
Веселѣй прилечь къ женѣ [5]).

Куплетъ 30-й, стихъ 4-й.

И невѣсть куда пропалъ [6]).

Вотъ сколько новой работы, любезнѣйшій Николай Ивановичъ, и сколько перечистки Вамъ въ книгѣ; дѣлать нечего, надо поправ-

---

Не крушися безнадѣжно:
Наказанье неизбѣжно;
Здѣсь придется кинуть свѣтъ
Тамъ онъ Богу дастъ отвѣтъ.

Тотъ же куплетъ, стихъ 4-ый:

„Къ покаянью приведи" (примѣч. Катенина). См. соч., II, 33. Въ С. О. 1816 г.: „Отъ грѣха ты отведи".

[1]) Соч., II, 33. Прежде:

Вспомни Бога, вспомни вѣру
Мукъ избавишься своихъ,
Райскій сыщется женихъ.

[2]) Соч., II, 33: „Здѣсь ни тамъ блаженства нѣтъ". Первоначально:

Мнѣ безъ милаго нѣтъ блага
На землѣ, ни въ небесахъ.

[3]) Соч., II, 36. Прежде:

„Что тамъ вдругъ за чудно пѣнье?
Что тамъ вранъ кричитъ во мглѣ?

[4]) Соч., II, 37.

[5]) Соч., II, 38. Прежде:

Было бъ тамъ кому плясать,
Какъ съ женой я лягу спать.

[6]) Соч., II, 40. Первоначально:

И на вѣки съ глазъ пропалъ.

лять. Я началъ нарочно съ этого, чтобы послѣ на свободѣ поговорить о томъ, что важнѣе. Отчего такъ давно нѣтъ отъ Васъ отвѣта, ни привѣта? ей-ей! эти долгія молчанья меня каждый разъ приводятъ въ несказанное безпокойство, тысяча различныхъ мыслей и вздорныхъ догадокъ родятся одна за другую, и нѣтъ возможности ихъ отогнать. О себѣ скажу Вамъ, что болѣзнь моя, повернувшая весьма къ худу, теперь болѣе недѣли, какъ опять пошла къ лучшему, но надолго-ли? Самъ не знаю и предугадывать не смѣю. Нѣтъ ли въ Петербургѣ слуховъ о возвращеніи гвардіи? Признаться, я бы очень желалъ, чтобъ ее воротили, а то она мотается въ походахъ да и только. Вообще, будетъ ли миръ? Или за грѣхи наши опять съ кѣмъ-нибудь война загорится? Скоро рекруты переведутся. Извѣстенъ ли Вамъ италіянскій романъ: „I promessi Sposi"? [1]) Коли нѣтъ, постарайтесь его съискать и прочесть; историческая часть, вся почерпнутая изъ офиціальныхъ извѣстій, чрезвычайно любопытна, особенно для насъ и теперь, по разительному сходству во многомъ. Пишите пожалуйста, почтенный, не забывайте меня такъ безжалостно; я же хворъ, одинокъ, ежедневно разстроенъ скучными хлопотишками, а вчастую и хлопотищами; дружескія письма лучшее лѣкарство, но Вы не хотите меня уврачевать. Весь Вашъ Павелъ Катенинъ.

Еще поправка въ началѣ:

Ольгу сонъ встревожилъ слезной,
Смутный рядъ мечтаній злыхъ [2]):

77.

15 ноября 1831 г. Шаево.

Сверхъ прилагаемаго стихотворенія, которое прошу съ дозволенія цензуры, помѣстить во вторую часть моихъ стиховъ, вслѣдъ за другими переводами съ нѣмецкаго, сообщаю еще *поправку для Ольги*; купл. 12-й:

И дѣвица горько плачетъ,
Слезы градомъ по лицу;
И вдругъ полемъ кто-то скачетъ;
Кто-то всадникъ слѣзъ къ крыльцу;

---

[1]) Романъ Manzoni (I promessi sposi, storia milanese del secolo XVII, Milano 1827 г. 3 vol), въ кот. описывается чума въ Ломбардіи въ 1630 г.

[2]) Сочиненія Катенина, II, 30. Въ „Сынѣ Отечества" такъ:

Ольгу сонъ встревожилъ слезный
Встала рано поутру:

Чу! за дверью зашумѣло;
Чу! кольцо въ ей зазвенѣло;
И знакомый голосъ вдругъ
Кличетъ Ольгу: „Встань, мой другъ! [1])

И еще выше: куплетъ 3-й, стихъ 5-й поставить:

Всѣ на встрѣчу, на дорогу и пр. [2])

для избѣжанья повторенья: *толпа* и *толпятся*.

Покуда, все тутъ; многое бы еще имѣлъ и хотѣлъ Вамъ сообщить, но по чести не знаю, любезнѣйшій Николай Ивановичъ, не въ тягость ли оно будетъ Вамъ; до полученья отъ Васъ какой-нибудь вѣсти не умѣю разгадать тайны Вашего молчанья по стольку мѣсяцевъ; по всему бы, кажется, слѣдовало ожидать писемъ, но Вы не пишете; безъ сомнѣнья Вы лучше знаете причину, но, ради Бога, откройте же ее и мнѣ. О томъ же, за что Вы однажды рѣшительно взялись, зная что Вы въ словѣ любите твердость, продолжаю безпокоить Васъ и спрашиваю: когда что будетъ? меня самого не разъ спрашивали и я не могу отвѣчать. Между тѣмъ увѣдомляютъ меня, что Жуковскій печатаетъ, въ числѣ новыхъ своихъ балладъ, романсовъ, etc., кромѣ *Леноры*, едва ли не той самой, о коей я я уже говорилъ Вамъ, и какіе-то романсы о Сидѣ [3]), вѣроятно тѣ же, что и у меня. По свойственному сочинителямъ самолюбію, я не слишкомъ боюсь этого соперничества на суду знатоковъ, но справедливо опасаюсь же того вреда, что мое переложенье, выпущенное въ свѣтъ позже, потеряетъ въ глазахъ читателей преимущество новости, а кривосуды, при малѣйшемъ сходствѣ, еще меня назовутъ вороной, украсившейся павлинными перьями. Живучи въ дали, въ глуши, нѣтъ легче какъ обманываться, тревожиться по напрасну, бояться тѣни, все такъ; но тутъ-то бы и отрадно имѣть добрыхъ пріятелей, выводящихъ изъ заблужденья, разгоняющихъ мракъ очей и мечты воображенья: будьте Виргиліемъ моего Ада. Многое было бы, что Вамъ довѣрить и прочесть, но (повторяю) мнѣ невѣдомо, угодно ли Вамъ слушать, а безъ того выйдетъ комедія:

---

[1]) Соч. Катенина, II, 34. Прежде стихи 4—8 этого куплета напечатаны такъ:

Всадникъ слѣзъ съ коня къ крыльцу:
Что-то въ сѣняхъ зашумѣло,
Что-то въ двери зазвенѣло:
И знакомый голосъ вдругъ
Кличетъ ей: „я здѣсь, мой другъ“.

[2]) См. исправл. въ письмѣ № 75 (отъ 28 авг. 1831 г.).

[3]) Отрывокъ изъ перев. Гердеровыхъ романсовъ о Сидѣ, Жуковскаго. Напеч. въ „Муравейникѣ“ 1831 г. №№ 1 и 2.

les Confidences importunes. Болѣзнь моя проходитъ, страданья уже кончились, но еще многое не совсѣмъ поправилось, надо съ терпѣніемъ ждать. Перенеся такую муку, видѣвъ такъ долго передъ собой такую опасность и не ослабѣвъ духомъ ни на мигъ, смѣю сказать, что я и терпѣливъ, и твердъ; а коли послѣ этого боли другого рода почти одолѣваютъ мои силы, то право стоитъ и пожалѣть и пособить. Не спрашиваю ни о чемъ новомъ; что захотите сообщить, сами найдете, а боюсь, что политика, или попросту война со всѣмъ приборомъ, губя родъ человѣческій, заглушаетъ все, чѣмъ онъ красится и цвѣтетъ: будетъ ли горю конецъ? паче всего, будетъ ли конецъ Вашему молчанью? будете ли писать? Остаюсь попрежнему весь Вашъ

Павелъ Катенинъ.

78.

14-го сентября (1833 г. Царское Село).

Милости просимъ, любезнѣйшій Николай Ивановичъ, въ Царское Село, въ Банную улицу, въ домъ Бера, гдѣ я со вторника [1]) нахожусь, какъ птица въ клѣткѣ, ибо квартира моя весьма похожа на клѣтку, или, правильнѣе сказать, на нѣсколько клѣтокъ, поставленныхъ на подобіе карточнаго дома. Полкъ еще въ воскресенье, сирѣчь только что за благо ума выступилъ изъ Красносельскаго лагеря въ Тосну и въ концѣ сего мѣсяца переберется въ здѣшнія все не готовыя казармы; я до тѣхъ поръ живу здѣсь, ожидая его съ отпускнымъ билетомъ; дѣлать теперь нечего, и послѣ почти тоже будетъ, и едва ли сыщется другая мѣра, менѣе ведущая къ предполагаемой цѣли, нежели сей скопъ полсотни штабъ-офицеровъ при полку имъ чуждомъ. Хотя разные переѣзды много лишнихъ издержекъ навели, однако я радъ, что явился еще въ лагерь, и тамъ могъ нѣсколько ознакомиться съ разными лицами и пр., чего бы здѣсь уже никакъ сдѣлать было невозможно, ибо, живучи въ двухъ верстахъ отъ казармъ, гдѣ изъ офицеровъ не живетъ почти никто, мнѣ тамъ и побывать не случится, развѣ однажды въ мѣсяцъ, когда очередь придетъ дежурить по казармамъ. Я предвижу на все время здѣшняго житья одиночество скучное и того ради прошу Васъ привезти съ собою ко мнѣ греческій словарь

[1]) По Высочайшему приказу отъ 8-го августа 1833 г., П. А. Катенинъ снова принятъ на службу, съ опредѣленіемъ въ Эриванскій Карабинерный полкъ (Формулярный списокъ за 1837 г.), но до отъѣзда на Кавказъ былъ прикомандированъ къ Образцовому полку, стоявшему въ Царскомъ Селѣ. Въ примѣчаніи къ письму № 58 ошибочно указанъ 1834 г.

и грамматику, и греческую Одиссею, и третій томъ Одиссеи фр. Г-жи Дасье [1]), безъ коей боюсь во тьмѣ заблудиться и, какъ гр. Трессанъ [2]), перевести biscia: biche [3]). Вамъ ничто нынче не нравится, почтеннѣйшій! послѣ Stello [4]) хаете Вы Paul et Virginie [5]). О первомъ мы говорили, а вотъ слово мое за послѣднее: сочинитель Bernardin de St. Pierre, конечно, не имѣлъ тѣхъ классическихъ познаній, коими вкусъ образуется и очищается; онъ былъ человѣкъ военный, математикъ и родъ бродяги, служилъ по части артиллерійской или инженерной въ Россіи; изящное зналъ онъ изъ Фенелона, Ж. Ж. Руссо и даже Геснера [6]), стало безъ патоки сельской картины написать не могъ; но основа ея, чистая любовь двухъ невинныхъ ребятъ съ колыбели неразлучныхъ, гибель ихъ отъ законовъ свѣта, свидѣтелю знакомому съ нимъ, кажущаяся естественною, а имъ несбыточною, ихъ разлука за тридевять морей и постоянство (очень понятное, ибо мысль занята однимъ), кораблекрушеніе и дѣвичья скромность Виргиніи, изнеможеніе и отчаяніе Павла, словомъ сказать, весь рисунокъ повѣсти отмѣнно привлекателенъ и даже простъ; краски же, я согласенъ съ Вами, не вѣрны и обличаютъ дурную школу. На словахъ подробнѣе разберемъ. Я припасъ ради Васъ и шахматы. Не увидитесь ли съ Каратыгинымъ? спросите въ такомъ случаѣ о возобновленіи Андромахи. Прощайте до свиданія. Весь Вашъ

Павелъ Катенинъ.

P. S. Пошлите сказать къ брату П. А. [7]) у Демута, что я въ Цар. Селѣ въ Банной ул. въ домѣ Бера: я его жду сюда.

---

1) Anne Lefèvre m-me Dacier (1654—1720) перев. „Иліаду“ (1699) и „Одиссею“ (1708 г.).

2) Louis—Elisabeth de la Vergne, comte de Tressan, франц. литераторъ, перевелъ „Rolando furioso“ Аріоста (р. 1705 г., ум. 1783 г.).

3) Biscia—ужъ, а biche—олень.

4) Les Cosultations du docteur noir. Stello, (1832 г.). соч. Alfred de Vigny.

5) Paul et Virginie. Paris 1787 г. Соч. Jacques—Henri Bernardin de Saint-Pierre.

6) Salomon Gessner, р. въ 1730 г., ум. въ 1787 г.

7) Петръ Александровичъ Катенинъ (ст. сов. ум. 1841 г.), по словамъ Павла Александровича (см. письмо № 111, отъ 14/26 февраля 1842 г.) „былъ застрѣленъ въ деревнѣ баронессы Кампенгаузенъ бѣглыми крестьянами, вѣроятно недовольными управленіемъ“.

Н. Макаровъ („Мои семидесятилѣтнія воспоминанія“, ч. I. 1881 г. стр. 28) называетъ его (своего крестнаго отца) человѣкомъ „замѣчательнымъ“ „не умомъ, не талантами, въ которыхъ онъ и до колѣна не доходилъ до своего брата, а своею эксцентричностью“.

79.

16-го сентября 1833 г. (Царское Село).

Сейчасъ получилъ письмо Ваше, любезнѣйшій Николай Ивановичъ, и тотчасъ отвѣчаю, ибо мѣшкать не для чего, а досуга у меня много черезъ край. Во-первыхъ прошу Васъ увидѣться съ Семеновымъ [1]) и за меня его поблагодарить. Одно слово куда не шло, и врядъ ли въ нашемъ порядкѣ вѣщей могъ цензоръ его въ шуточномъ разказѣ оставить. Я принимаю стихъ, имъ предложенный:

Моргудъ Мирза молитвы возсылалъ [2]).

Конечно: *возсылалъ* высоко и почти выходитъ изъ тона; но хорошей перемѣны я не придумаю, а изъ посредственныхъ чужая, по всѣмъ отношеніямъ, лучшая. Послѣ изполненія сей обязанности, сдѣлайте одолженіе, повидайтесь съ Крыловымъ, напомните ему обѣщаніе его и отдайте на время рукопись, чтобы онъ могъ тоже отдать ее на прочтеніе Смирдину [3]), который, со своей стороны, передастъ ее на страшный судъ Греча (какъ я думаю); сколько мытарствъ! менѣе блуждалъ Одиссей, домогаясь родимой Иѳаки. Когда бы ни пожаловалъ другой пловецъ, Менщиковъ, все Вамъ необходимо теперь его ждать, и потому я перестаю ждать Васъ, покуда и утѣшусь надѣждою, что Вы въ Питерѣ меня не забываете и даже стараетесь о пользахъ моихъ. Письма Г-жи Севинье надо сперва прочесть всѣ, тогда скопится достаточное количество пріятныхъ возпоминаній и можно будетъ ихъ положить на вѣски противъ многихъ осужденій; притомъ ошибка искать того, чего быть не можетъ, и требовать отъ свѣтской женщины стоическихъ правилъ или основательной критики. Еще слово о Bern. de St. Pierre: онъ самъ жилъ въ Ile de France [4]) и описательныя краски его вѣрны, почти что слишкомъ, но чувства выражены не съ дѣтской простотой тамошнихъ малограмотныхъ поселенцовъ, а съ плаксивой улыбкой новыхъ вуколиковъ. Забылъ намеднѣ сказать о моихъ поѣздкахъ въ столицу; въ приказѣ отдано, чтобы отпускные объявляли, гдѣ

---

1) Вас. Ник. Семеновъ, сторонній цензоръ Спб. Цензурнаго Комитета (съ 1830 г.), впосл. (въ 1846 г.) былъ попечителемъ Кавказскаго учебнаго округа.

2) „Княжна Милуша" сказка Катенина. Спб. — 1834 г. пѣсня II купл. 31.

3) Александръ Филипповичъ Смирдинъ, книгопродавецъ, издатель, ум. 1857 г.

4 Vogage à l'Jsle de France соч. Bernardin de St. Pierre. Paris 1773. 2 vol. in 8⁰.

они остановятся; затѣмъ я Васъ и просилъ, а на два дня вездѣ просторъ, и я всѣмъ доволенъ, лишь бы Вамъ не въ тягость. Прощайте. Весь Вашъ

Павелъ Катенинъ.

80.

19-го сентября 1833 г. (Царское Село).

Почта такъ спѣшно переноситъ наши письма, что можно безпрерывный разговоръ вести; мнѣ отъ бездѣлья оно весьма въ охоту, но Вамъ должно вскорѣ надоѣсть; до той поры вотъ, что Вамъ скажу: къ Семенову я написалъ и прошу Васъ, по крайней мѣрѣ, когда случай сведетъ, сказать ему quelque douceur, цензоръ въ Россіи-не бездѣльный человѣкъ, а цензоръ либералъ,—то, чѣмъ Г-жа Сталь назвала (NB въ глаза) самодержца Ал. Пав. un heureux accident [1]). Г-жу Севинье Вы уже отставили; вся Ваша воля, но не извольте же рѣзко осуждать, пока не прочтете на досугѣ всего. О пріѣздахъ я и самъ догадывался, что нужно заблаговременно Васъ предупреждать, но это еще не такъ близко; полкъ образцовый не пришелъ покуда изъ Тосны, я живу въ какомъ-то отпуску, которому по билету и срокъ уже минулъ, никого не вижу и не слышу, и ничего, что со мною дѣлается, не понимаю, впрочемъ, буде кто-нибудь отыщетъ во всемъ этомъ смысла на денежку, ему и книги въ руки. Книги греческія я сегодня получилъ и завтра же примусь за работу. Критика Ваша на счетъ ударенія въ словѣ *тупить* отчасти справедлива; чаще произносятъ его, упирая голосомъ на послѣдній слогъ; только я не полагаю этого непремѣннымъ закономъ; въ русскомъ языкѣ удареніе во многихъ словахъ переносится ad libitum, по разнымъ весьма тонкимъ соображеніямъ, такъ что если бъ стихъ сдѣланъ былъ такъ: *Рвать тетсву и стрѣлы жаль тупить* [2]), онъ бы не имѣлъ, имянно отъ этой перемѣны, той ловкой небрежности, которая его краситъ въ моихъ глазахъ; и то правда, что мои глаза могутъ быть тутъ пристрастные судьи. Подумайте, и я подумаю; и если понадобится перемѣна, то она не затруднительна: портить, тратить etc. удобно вставятся, но наскоро мнѣ стихъ мой портить жаль. Я пользуюсь празднымъ житьемъ для пересмотра и

---

[1]) „Счастливая случайность“. См. mémoires de madame de Staël (Dix années d'exil“). Paris 1821 г.: „Sire, lui-dis-je, Votre caractère est une constitution pour votre empire, et votre conscience en est la garantie“.—„Quand cela serait, me répondit-il, je ne serais jamais qu'un accident heureux“. Belles paroles, замѣчаетъ г-жа Сталь, les premières, je crois, de ce genre qu'un monarque absolu ait prononcées“.

[2]) Стихъ изъ „Милуши“.

перечистки всего мною прежде написаннаго; удивился чистотѣ Сплетней: при строгомъ осмотрѣ не болѣе двадцати, и то по большей части мѣлочныхъ, поправокъ потребовалось; въ Андромахѣ и Есѳири, недавно перебранныхъ, оказалось болѣе, и это утверждаетъ меня въ мысли, что комическій разговорный языкъ гораздо легче довести до нѣкотораго совершенства, нежели изящный и высокій. Даже въ послѣднемъ изданіи я кое-что перебѣлилъ: въ Наташѣ, Лѣшемъ, Софоклѣ и Мірѣ поэта; только Мстиславъ Мстиславовичъ, Ахиллъ и Омиръ, Старая быль, Елегія и Идиллія оказались на порядкахъ; и то въ первомъ, какъ и въ Убійцѣ, есть можетъ быть двѣ, три задоринки, но мудрено ихъ вынуть; послѣднія же четыре стихотворенія нахожу я безъ грѣха и постараюсь всѣ довести до того же. Однажды, въ красный день, гулялъ я въ здѣшнемъ саду; очень хорошъ; но одному и тутъ скучно. Хочется мнѣ имѣть *сочиненія латинскаго стихотворца Клавдіана* [1]), котораго Шишковъ называлъ Клодіенъ; видывалъ я когда-то изданье онаго съ французскимъ переводомъ въ двухъ частяхъ. Справьтесь-ко, любезнѣйшій, о немъ у Грефа или Белизара, а коли нѣтъ у нихъ (что не мудрено), нѣтъ ли у Васъ знакомаго, охотника шататься по лавочкамъ, гдѣ старыя книги продаются? тамъ и скорѣе найдешь и дешевле купишь: очень бы меня одолжили. Прощайте же, любезный Николай Ивановичъ.

Павелъ Катенинъ.

81.

23-го сентября 1833 г. Царское Село.

Не льзя ли, любезнѣйшій Николай Ивановичъ, прислать сюда на одинъ день книжку Телеграфа, въ которой моя статья помѣщена [2])? Если Полевой отъ себя къ ней не прибавилъ ни слова, надобно ожидать во-первыхъ отъ него пространнаго и обдуманнаго на нее отвѣта: увидимъ, но я все радъ, что мое слово въ люди пошло. Фраза о *Словѣ и дѣлѣ* естественно слилась съ пера, по случаю *сокрушенія* критика; вѣроятно, Вы въ ней видите родъ лишняго хвастовства, какъ бы я говорилъ, что Жуковскій (NB онъ здѣсь, и я его на дняхъ какъ-нибудь встрѣчу) перевелъ — хуже моего; но она заключаетъ въ себѣ и другой смыслъ, въ которомъ только надлежитъ признаваться передъ недоброжелателями, то-есть:

---

[1]) Claudius Claudianus, римскій поэтъ, р. ок. 365 г.

[2]) Отвѣтъ Катенина на статью К. Полеваго (о сочиненіяхъ Катенина, вышедшихъ въ 1832 г. Моск. телегр. 1833 № 8 стр. 562—572) напечатанъ въ Моск. телегр. № 11 стр. 449—459. Возраженія Полевого на этотъ отвѣтъ въ томъ же журналѣ № 12 стр. 594—611.

слово Грибоѣдова, въ спорѣ съ Гнѣдичемъ [1]) и *дѣло* Жуковскаго, вторымъ переводомъ признавшагося, что первый не достаточенъ, равно оправдали меня въ предпріятіи Ольги, не смотря уже на существованіе Людмилы [2]). Отклоненіе Смирдина досадно, но не удивительно; онъ руководимъ Гречемъ, но почти невѣжливо выходитъ противъ Крылова, котораго не худо бы на этотъ счетъ поджечь, и, какъ говорятъ французы, lui mettre le coeur au ventre, а мѣста тамъ будетъ хоть какому сердцу. Передъ отъѣздомъ былъ я у Белизара, хотѣлъ взять (заплативъ впередъ деньги) вторую часть бесѣдъ чернаго врача, продолженіе къ Stello, но у него еще не было, и потому я сказалъ молодому сидѣльцу, чтобъ онъ выдалъ ее первому порядочному человѣку, который имянемъ моимъ ее потребуетъ. Если бы Вы потрудились зайти, Вы бы за одинъ разъ провѣдали и о Клавдіанѣ, который нуженъ мнѣ для выполненія мысли не малой, родившейся въ моей головѣ, и могущей произвести стихотвореніе перваго разбора. Но я ныньче плохо надѣюсь на книгопродавцевъ; романтизмъ, сирѣчь пошлые романы, выжили изъ лавокъ все дѣльное и путное, и потому прошу Васъ поручить кому-нибудь шатуну-библіофилу, и я еще отъ себя кой-кому закажу: Не отыщется ли пѣвецъ Стиликона [3]) на Щукиномъ дворѣ? Прилѣжно занимаюсь Одиссеею, и теперь сто семнадцать стиховъ готовыхъ, такъ что почти ручаться можно, что вся пѣснь, гдѣ ихъ четыреста тридцать четыре, будетъ окончена во время моего Царскосельскаго пребыванія; если же не дадутъ кончить, ускоривъ отъѣздъ, тѣмъ лучше: скучно и стыдно быть въ службѣ совсѣмъ безполезнымъ. Третьяго дня былъ я въ гостяхъ у молодого Принца Ольденбургскаго, по приглашенію его черезъ Игнатьева [4]); очень

---

[1]) Споръ о Катенинской „Ольгѣ" въ 1816 г.

[2]) „Г. Катенинъ", писалъ К. Полевой въ своей статьѣ (Моск. телегр. № 12 стр. 603) „старается не понимать сокрушенія моего за споръ объ *Ольгѣ*, и объясняетъ его духомъ партій своего времени: просто мнѣ было скорбно видѣть человѣка съ такимъ дарованіемъ Грибоѣдова, до того ослѣпленнаго ученіемъ своей партіи, что онъ не видѣлъ красоты *Людмилы*, которая дѣйствительно выше *Леноры* Бюргеровой. Я увѣренъ, что Жуковскій перевелъ сію послѣднюю не для того, чтобы сознаться въ ошибкѣ своей, какъ говоритъ г. Катенинъ, а чтобы показать, сколь отлично это произведеніе отъ *Людмилы*. Иначе зачѣмъ сталъ бы онъ помѣщать въ новомъ изданіи своихъ сочиненій и *Людмилу* и *Ленору*?"

[3]) Стиликонъ, покровитель поэта Клавдіана, который прославилъ его въ своей поэмѣ „De laudibus Stilichonis".

[4]) Павелъ Николаевичъ Игнатьевъ, состоялъ при принцѣ Петрѣ Георгіевичѣ Ольденбургскомъ, полковникъ Преображенскаго полка, флигель-адъютантъ, впослѣдствіи предсѣдатель Комитета Министровъ.

учтивый, добрый и, кажется, толковый; но не смазливъ и нѣсколько еще не ловокъ: бѣда не большая. Не знаете ли чего о братьяхъ моихъ, особенно о родномъ? Ужъ не уѣхалъ ли онъ изъ Петербурга мимо меня? Пошлите спросить и мой поклонъ отдать: отъ Васъ до него близко. Микулину поклонитесь, какъ увидите. Самихъ Васъ я никакими приглашеніями не тороплю; увѣренъ, что когда будетъ можно, Вы безъ нихъ меня навѣстите, а когда не льзя, и съ ними не двинитесь: стало прощайте до свиданія. Весь Вашъ

Павелъ Катенинъ.

82.

29 сентября 1833 г. (Царское Село).

Вчера разсудилъ я за благо, любезнѣйшій Николай Ивановичъ, написать къ Крылову для нѣкотораго поощренія къ совершенію обѣщаннаго имъ на счетъ изданія Милуши. Клавдіана прошу Васъ купить и съ собой привезти, а дабы я безъ затрудненія могъ читать его, съ нимъ вмѣстѣ и одинъ томъ Ноэлева словаря, у Васъ находящагося, то есть Latin-français, а другой томъ безъ нужды таскать не надобно; я и двѣ первыя книжки Одиссеи французской по подобной причинѣ Вамъ здѣсь обратно отдамъ. Греческая Одиссея довольно быстро подается; теперь уже сто восемьдесятъ семь стиховъ готовыхъ; а за все спасибо праздности образцоваго полка, при которомъ ровно дѣлать нечего, такъ что, кажется, тутъ сбывается пословица: мѣтилъ въ ворону, а попалъ въ корову. Если бы не прежняя служба, за которую безъ грѣха можно пользоваться кое-какимъ возмездіемъ, совѣстно было бы даромъ пайки брать. Въ прошедшую субботу былъ я здѣсь въ театрѣ; играли нѣмцы, между ними нѣкая fr. von Hagen, какъ говорятъ, генеральская дочь, дѣвушка съ дарованьемъ и хорошенькая собой, которую и Вамъ совѣтую повидать. Она и завтра здѣсь играть будетъ, только не знаю: пришлютъ ли мнѣ билетъ; а хотѣлось бы, ибо она рѣшительно изо всѣхъ нѣмокъ отметный соболь. Дивлюсь, что Каратыгинъ спрашивалъ мой адресъ; я, кажись, послалъ уже къ нему черезъ Лобанова и, не получая отвѣтовъ, начинаю опасаться, что они не получили моихъ грамотъ; дивлюсь и долгому пребыванію брата въ Петербургѣ; спросилъ бы его, да писать нѣтъ охоты, и голова совсѣмъ пуста, впрочемъ я здоровъ и довольно веселъ: желаю Вамъ того же сугубо. Прощайте до свиданья, тоесть до Вашего пріѣзда.

Весь Вашъ

Павелъ Катенинъ.

Распечатываю, чтобы сообщить Вамъ мысль, которая вдругъ пришла и засѣла, и чтобъ съ Вами посовѣтоваться: не полезно ли мнѣ будетъ во всѣхъ отношеніяхъ какъ для денегъ, такъ и для славы, прочесть 23 октября въ академическомъ собраніи [1]) пѣснь изъ Милуши, и я думаю: вторую, приготовивъ слушателей короткимъ въ прозѣ изложеніемъ первой? Коли Вы съ этимъ согласны, переговорите съ Крыловымъ, и пусть онъ безъ меня ее предложитъ г-мъ академикамъ, такъ чтобы все уже было приготовлено и мнѣ бы осталось только пріѣхать къ сроку и прочитать; отселѣ я приготовительныхъ мѣръ лично и брать не могу, да и выгоднѣе будетъ, если предложеніе сдѣлаетъ другой, и человѣкъ съ вѣсомъ. Можетъ быть, я ошибаюсь, но при хорошемъ чтеніи ожидаю большаго успѣха, которому никакія журнальныя пакости ни тутъ помѣшать, ни послѣ повредить не могутъ.

(На оборотѣ:

Его Высокородію

Николаю Ивановичу

Бахтину.

1-й Адм. части на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Петилія въ Санктпетербургѣ).

83.

10 октября 1833 г. (Царское Село).

Жаль, любезнѣйшій Николай Ивановичъ, что служба мѣшаетъ намъ свидѣться, задерживая Васъ дѣлами въ Петербургѣ, а меня бездѣліемъ здѣсь; такъ и быть: станемъ письменно разговоръ продолжать. Милушу надобно издать непремѣнно, слѣдственно я соглашаюсь и на условіе, сообщенное мнѣ черезъ Васъ, то есть чтобы Глазуновъ напечаталъ ее на свой счетъ, въ числѣ, однако, отнюдь не болѣе тысячи двухъ сотъ экземпляровъ, и получилъ издержки свои экземплярами по цѣнѣ мною назначенной съ прибавкою 20 процентовъ. Цѣну назначаю я въ продажу по шести рублей за книжку и, разумѣется, убавлять въ накладъ Глазунову не стану. Сегодня же пишу къ Лобанову на счетъ четырехъ головокъ музъ къ четыремъ пѣснямъ, о коихъ я говорилъ съ гр. Ѳ. П. Толстымъ [2]), и которыя дорого стоить не могутъ; наборъ десяти съ половиною листовъ по 35 составитъ 367—50 коп.; бумаги петергофской

---

[1]) Катенинъ былъ избранъ въ члены Российской академіи 7 января 1833 г.

[2]) Графъ Ѳедоръ Петровичъ Толстой, тайн. сов., вице-президентъ Академіи художествъ, живописецъ, скульпторъ, медальеръ, р. въ 1783 г., ум. въ 1873 г.

27 стопъ по 20 выйдетъ 540, такъ что и съ головками, и съ брошюркою, трехъ сотъ экземпляровъ черезъ край достанетъ на покрытіе издержекъ; останется мнѣ девять сотъ, изъ коихъ половину надо въ Москву послать, о чемъ нынче все напишу туда къ Грудеву; прочіе раздадутся въ Петербургѣ: Смирдину, Сленину, Заикину etc. на комиссію по обыкновенному порядку, то есть изъ шести рублей имъ одинъ, а мнѣ пять: коли вѣщь пособится въ чтеніи, все хорошо. Удивляюсь отзыву Крылова объ академическомъ чтеніи; стало быть, Богдановича Душеньки не льзя бы было ему прочесть въ свое время ради цѣломудрія, par respect pour les moeurs, какъ въ пѣсни Беранжеровой поется!!! такъ и быть, настаивать мнѣ не хочется, а жаль, затѣмъ что право было бы оно и мнѣ, и слушателямъ, можетъ быть, пріятно. Оставя это, какъ безполезное, обращаюсь снова къ нужному, то есть къ изданію. Объявите Крылову о моемъ соизволеніи и приступайте съ Богомъ къ окончательному условію съ Глазуновымъ; довѣренность отъ меня себѣ напишите сами и пришлите на гербовой бумагѣ ко мнѣ, я ее въ здѣшнемъ судѣ засвидѣтельствую. На счетъ корректуры намѣренъ я тоже къ Лобанову обратиться, и если онъ согласится, то надобно Вамъ съ нимъ какъ-нибудь сойтись. Повторяю: приступайте рѣшительно къ дѣлу, ибо время не ждетъ, а упускать удобное значитъ себѣ быть злодѣемъ; зима на дворѣ, какъ бы не пролетѣла. Я уже испыталъ проволочки и боюсь ихъ паче смерти, а въ отсутствіи моемъ онѣ еще опаснѣе, стало, перекрестясь, велите печатать; о головкахъ и Лобановѣ вообще увѣдомлю Васъ, какъ скоро будетъ отвѣтъ. Къ слову, развѣ Вы не видали отвѣта мнѣ отъ Полеваго, что не упоминаете о немъ? я по случаю прочелъ его здѣсь въ 12-мъ № Телеграфа: прочитайте, и потолкуемъ, а напередъ не хочу своими разсужденіями сбивать Васъ; впрочемъ, увѣренъ, что Вы о немъ скажете почти то же, что я; но Катонъ ко всему приговаривалъ: и истребляйте Кареагенъ, а я: и печатайте Милушу. Посвященіе ея К. Павлу Голицыну, гдѣ рѣчь будетъ о покойномъ К. Николаѣ [1]), пришлю вмѣстѣ съ гербовой бумагой,

---

[1]) „Княжна Милуша“ сказка, соч. П. Катенина, Спб. 1834 г., посвящена князю Павлу Борисовичу Голицыну. „Сочиненіе веселое, посвящаю тебѣ, любезный другъ“, писалъ Катенинъ, „но съ горестнымъ чувствомъ, которое безъ сомнѣнія дѣлишь и ты, зная, что предпринялъ и готовилъ съ любовью трудъ сей въ подарокъ незабвенному нашему князю *Николаю Сергѣевичу*. Часть 1-й пѣсни написана въ его деревнѣ. Я тогда мучился опасной болѣзнью; онъ, по виду, здоровый, за мной ухаживалъ; и вдругъ нечаянно, невѣроятно, я полумертвый ожилъ, и не стало его“. Отзывъ объ этомъ соч. Катенина былъ напечатанъ въ „Молвѣ“ 1834 г.

за нимъ дѣло не станетъ; къ Крылову, къ Глазунову, къ Плюшару [1]), или въ академическую типографію, или въ другую, но хорошую [2]) et que cela finisse [3]). Одиссея кланяется Вамъ 244-ми стихами. Прощайте, почтеннѣйшій, до свиданія: полагаюсь на дружбу Вашу и прошу ее преодолѣть всякую разсѣянность и поспѣшить къ благому концу.

Весь Вашъ

Павелъ Катенинъ.

84.

16-го октября 1833 г. (Царское Село).

Въ четвергъ по утру пріѣду я въ Петербургъ, любезнѣйшій Николай Ивановичъ, съ позволенія Вашего къ Вамъ, и пробуду недѣлю, ибо есть кое-какія дѣла. Не послѣднее изъ нихъ: Милуша, и я нетерпѣливо желаю напечатать ее безъ всѣхъ отлагательствъ; отъ Лобанова получилъ отвѣтъ; онъ берется держать послѣднюю корректуру, а гр. Толстой нарисовать головки музъ; это все на порядкѣ; только кончайте со своей стороны съ Крыловымъ и Глазуновымъ. Еще просьба: пошлите сказать брату Петру Александровичу о моемъ пріѣздѣ, чтобъ онъ какъ-нибудь не уѣзжалъ въ тотъ день и часъ. Одиссея va grand train [4]); коли не въ дилижансѣ (зачѣмъ русскимъ словомъ не назовутъ?) пріѣду, то привезу. Прощайте, до свиданія.

Весь Вашъ

Павелъ Катенинъ.

P. S. Переверните.

(На оборотѣ): Читателю

вмѣсто Предисловія.

Почтеннѣйшій! Хотя бъ всего одинъ
Нашелся ты въ Россіи просвѣщенной
Какихъ ищу; во первыхъ, дворянинъ
И столбовой, служивой и военной,

---

[1]) Адольфъ Александровичъ Плюшаръ, извѣстный дѣятель на издательскомъ поприщѣ, р. 1801 г., ум. 1865 г.

[2]) „Милуша“ была напечатана въ типографіи Х. Гинце.

[3]) „И что бы это было кончено“.

[4]) „Въ полномъ ходу“.

Душой дитя съ начитаннымъ умомъ,
И Русскій всѣмъ, отцомъ и молодцомъ:
Коли прочтя въ досужный часъ Милушу
Полюбишь ты, я критики не струшу.

Хорошо ли?

85.

(Конецъ октября 1833 г. Царское Село) [1].

Возвратясь въ Царское Село, получилъ я письмо отъ Грудева, которое прилагаю, прося Васъ послѣ прислать его мнѣ обратно, но напередъ покажите его Глазунову. Коли ему не непріятно будетъ, то мнѣ выгоднѣе московскіе 500 экземпляровъ, о коихъ было сказано Ширяеву, отдать прямо ему на коммиссію по 20-ти, нежели черезъ третьи руки по 30-ти процентовъ, и въ такомъ случаѣ я попрошу, тотчасъ по напечатаніи книги, сіе число экз. ему доставить на мой счетъ; если же Глазуновъ найдетъ это несогласнымъ съ его выгодами, да будетъ какъ предположено, и я отпишу въ такомъ смыслѣ, прося, однако, чтобъ и мои выгоды забытыми не оставались, и старанье нѣкоторое было приложено о томъ, чтобъ въ Москвѣ и губерніяхъ книга пущена была успѣшно въ ходъ. Конечно, если бы С.-Петербургскій книгопродавецъ, имѣющій ее въ виду, просто купилъ, всего бы лучше для меня, ибо меньше хлопотъ; но они скупы на деньгу; что дѣлать? печатать скорѣе.

Весь Вашъ

Павелъ Катенинъ.

86.

30 октября 1833 г. (Царское Село).

Вы вѣрно забыли послать печатный листъ, ибо я, кромѣ письма Вашего, любезнѣйшій Николай Ивановичъ, ничего не получилъ, и стало мнѣ покуда надписывать нечего. Что касается до письма Грудева, то я остаюсь при прежнемъ мнѣніи: показать его Глазунову. Онъ легко можетъ согласиться на отправку въ Москву тотчасъ 500 экземпляровъ, ибо ему по разчету принадлежать будетъ не болѣе 200, а это количество, по всѣмъ вѣроятіямъ, и въ Петербургѣ вскорѣ разойдется. Здѣсь уже я дотолѣ ни одного въ продажу не пущу, и сомнѣваться не въ чемъ, ибо книги у него же въ лавкѣ останутся, а Москва сама по себѣ пойдетъ. Если же и этого Глазуновъ не захочетъ, все спросъ не бѣда; и надо спросить. Кто его

---

[1]) На письмѣ помѣта рукою Бахтина: „отв. 28-го октября 1833 г.“.

московскій комиссіонеръ? Ширяевъ или другой? или онъ самъ имѣетъ тамъ заведеніе? и у себя ли только, или у всѣхъ онъ книгу пуститъ въ продажу? и напишетъ ли о ней объявленіе? всѣ эти вопросы на словахъ весьма бы нужны и полезны, ибо, какъ говоритъ пословица: товаръ лицомъ продается, и на Бога надѣйся самъ не плошай. Мнѣ же надо Грудеву и черезъ него Ширяеву отвѣтъ дать, а не зная воли Глазунова, я не знаю, что отвѣчать. О печатаніи повторяю просьбу: не медлить; медленность вреднѣе всего, я это не разъ изпыталъ и, какъ огня, боюсь. Противурѣчіе октавъ новой съ началомъ сказки [1]) ничего не значитъ; я начавъ, имѣлъ въ виду красавицъ, кончивъ, обратилъ слова къ молодцамъ: разберутся между собою да и только; одна рѣчь въ самомъ стихотвореніи и должна почесться за нѣчто условное; другая, вмѣсто предисловія, и сущая правда, какъ бы въ прозѣ сказать слѣдовало; примѣровъ подобныхъ противурѣчій я бы могъ отъискать сто: въ поэмѣ обращеніе къ тому или тѣмъ, а передъ нею: A chi legge [2]) и совсѣмъ другое. Вельтманъ [3]), къ кому бы не обратился, кромѣ Полевого, всякъ ему скажетъ дурака; а тотъ, кумъ его, толкуетъ о сходствѣ Ивы съ Донъ-Кихотомъ и Лазаря съ Санча-Панса [4]); надо быть глупѣе самаго Ивы, что невозможно, чтобы думать такъ, и потому я

---

[1]) Дѣло идетъ объ октавѣ, посланной Катенинымъ Бахтину въ письмѣ № 84, отъ 16-го октября 1833 г. („Читателю, вмѣсто предисловія") и о первой октавѣ самой сказки „Милуша":

„Любезныя боярышни дѣвицы,
Красавицы прилука молодцовъ,
Угодно ли послушать вамъ цѣвницы
Неслыханной давно среди цѣвцовъ?" и т. д.

[2]) „Читателямъ".

[3]) Александръ Ѳомичъ Вельтманъ, романистъ, археологъ, р. 1800 г., ум. 1870 г. Л. Н. Майковъ характеризуетъ Вельтмана, какъ писателя, отличавшагося „живымъ воображеніемъ" и обладавшимъ „несомнѣннымъ крупнымъ поэтическимъ талантомъ, который при томъ былъ отмѣченъ печатью самобытности". Онъ, по словамъ Бѣлинскаго, „понялъ древнюю Русь своимъ поэтическимъ духомъ и, не давая намъ видѣть ее такъ, какъ она была, даетъ намъ чуять ее въ какомъ-то призракѣ неуловимомъ, но характеристическомъ, нелѣпомъ, но понятномъ". Къ числу недостатковъ произведеній Вельтмана слѣдуетъ отнести „распущенность воображенія", отдаваясь которой, онъ зачастую «изображалъ крайне неестественныя, невѣроятныя происшествія, какъ вполнѣ возможныя въ современной русской дѣйствительности". (Л. Н. Майковъ—Пушкинъ, СПБ. 1899 г. стр. 97—100).

[4]) Могучій богатырь Ива Олельковичъ и его вѣрный оруженосецъ Лазарь—дѣйствующія лица въ „Кощеѣ безсмертномъ" (былина стараго времени), соч. А. Вельтмана (3 ч. М. 1833). Разборъ этой „былины" напеч. въ „Московскомъ Телеграфѣ" 1833 г. № 12 стр. 612—617.

увѣренъ, что самъ Полевой такъ не думаетъ, и что, по Вашимъ словамъ: le cas est pendable [1]). Купите же Клавдіана и пришлите, тогда будетъ за мной $3 + 7 = 10$. Лактанція [2]): о Фениксѣ я прочелъ; его мысль: Завидная судьба не умираетъ. Для нѣкоторыхъ подробностей полезно. Прощайте Весь Вашъ

Павелъ Катенинъ.

P. S. Получивъ листъ, подписалъ корандашемъ, и сверьхъ того перомъ, чтобъ не сказали: мало. Жена Грудева—дочь князя Барятинскаго [3]). Сей князь былъ женатъ на нѣмецкой принцессѣ Гольштейнъ-Бекъ [4]), отъ которой имѣлъ одну дочь, вышедшую за мужъ за графа Николая Александровича Толстого [5]). Княгиня Гольштейнъ-Бекъ Барятинская съ мужемъ не ужилась и уѣхала во свояси; онъ свелъ сожитіе съ благородною дѣвушкой: Бибиковой, и она роди ему сына и дщери, кои назывались долгое время сложнымъ имянемъ: Бибитинскіе. По смерти законной жены, онъ объявилъ, яко бы давно вѣнчанъ съ сей второй женой, и просилъ покойнаго Государя дѣтей узаконить, на что послѣдовалъ Высочайшій отказъ. Но смерть всѣхъ трехъ братьевъ Бибитинскихъ, убитыхъ или такъ умершихъ въ Молдавіи на войнѣ, перемѣнила во благое судьбу ихъ двухъ сестеръ, которыхъ тогда переименовали княжнами Барятинскими. Одна изъ нихъ вышла за Бантыша-Каменскаго [6]), другая за Бориса Михайловича Загряжскаго [7]), а, по смерти его, вдовою за Грудева [8]), который такимъ побытомъ выхо-

---

[1]) „Дѣло подозрительное".

[2]) Lactantius, ум. ок. 332 г.

[3]) Князь Иванъ Сергѣевичъ Барятинскій, р. въ 1738 г., ум. въ 1811 г.

[4]) Княгиня Екатерина Петровна Барятинская, рожд. принцесса Гольштейнъ-Бекская, р. въ 1755 г., ум. въ 1811 г. („Взгляды на мою жизнь". Зап. И. И. Дмитріева. Изд. М. А. Дмитріева. М. 1866 стр. 280 (прим. М. Н. Лонгинова).

[5]) Княжна Анна Ивановна Барятинская (ум. въ 1825 г.) вышла замужъ за графа Николая Александровича Толстого (1761—1816 г.). (Ост. Арх. II, 428).

[6]) Елизавета Ивановна Бибитинская (ум. 16-го ноября 1834 г. на 36-мъ году отъ рожденія) была замужемъ за Дмитріемъ Николаевичемъ Бантышъ-Каменскимъ (авторъ словаря достопамятныхъ людей, р. въ 1788 г., ум. въ 1850 г.).

[7]) Борисъ Михайловичъ Загряжскій, кол. сов., камеръ-юнкеръ, р. въ 1785 г., ум. въ 1825 г., былъ женатъ на Анастасіи Ивановнѣ, рожд. Бибитинской (Ост. Арх. III. 368), р. въ 1797 г., ум. въ 1866 г. (Московскій Некрополь. СПБ. 1907 г., стр. 335).

[8]) Геннадій Владиміровичъ Грудевъ, р. въ 1796 г., ум. въ 1895 г. (Моск. Некроп. стр. 335).

дитъ свой Гольштейнскому дому: la peste! Кланяйтесь брату, коли увидите, да увѣдомьте о Чебышовѣ.

П. Катенинъ.

87.

5-го ноября 1833 г. (Царское Село).

Зная подлость купеческаго отродія, я мало удивленъ поступкомъ Глазунова, и, едва дѣло пошло въ проволочку, я сталъ ожидать чего-нибудь въ этомъ вкусѣ. О прошедшемъ нѣтъ пользы слова терять, а вотъ что начать слѣдуетъ: намеднѣ у Крылова встрѣчался я случайно съ Смирдинымъ, который, извиняясь, что не могъ купить рукописи, предлагалъ, однако, напечатать ее, на что я не могъ сказать ничего, полагая дѣло уже обдѣланнымъ съ другимъ. Потрудитесь, почтеннѣйшій Николай Ивановичъ, сказать Крылову объ этомъ, что онъ своими ушами слышалъ, и попросите его, чтобъ онъ послалъ за Смирдинымъ, такъ чтобъ и Вамъ тутъ же быть, и тогда условіе подобное заключите съ нимъ, вмѣсто Глазунова; а поелику его лавка болѣе въ модѣ, то въ иныхъ отношеніяхъ оно еще лучше будетъ. Но, ради Бога, поскорѣе; трата времени величайшее зло. Лучшаго я отселѣ совѣтовать не умѣю, и, кажется, эдакъ хорошо будетъ; но необходимо и Крылова, и Смирдина, обоихъ взять Вамъ такъ сказать за бороду и теребить, пока они все сотворятъ, что требуется. Тутъ удобно Вамъ и Грудева письмо показать и обо всѣхъ подробностяхъ продажи, объявленій, комиссіи etc. въ короткихъ, но ясныхъ словахъ спросить и условиться. Но еще разъ твержу: скорѣе. Переписки со мной о мѣлочахъ заводить не нужно, рѣшайте сами, и я прекословить не стану et que cela finisse. Чебышовъ, возвращаясь во свояси, гостилъ у меня сутки, отъ того я и не писалъ къ Вамъ въ четвергъ, ибо нынче съ 1-го ноября почта отселѣ не ежедневно въ Петербургъ ходитъ, а дважды въ недѣлю: по понедѣльникамъ и четвергамъ. Впрочемъ существеннаго мнѣ и писать было нечего; о знакомствѣ Вашемъ съ Лобановымъ я никогда слишкомъ не хлопоталъ и не думаю убѣждать Васъ, коли оно Вамъ кажется не по мысли, хотя, по моему мнѣнію, знакомства такого рода, если безполезны, то и не тяготительны, ибо не налагаютъ никакой обязанности, кромѣ взаимнаго поклона, при встрѣчѣ на улицѣ. Впрочемъ, не знакомясь съ нимъ, Вы можете назвать его Смирдину, какъ взявшаго на себя очистку изданія. Зная Ваше ко мнѣ дружеское расположеніе, мнѣ почти совѣстно Васъ понукать, но въ послѣдній разъ прошу: похлопочите и кончите; если же въ Петербургѣ всѣ откажутся, мнѣ придется писать въ Москву, а не хотѣлось бы печатать за семьсотъ верстъ. Прощайте пока, любез-

нѣйшій Николай Ивановичъ, будьте здоровы, и въ первомъ письмѣ постарайтесь прислать извѣстіе удовлетворительное. Весь Вашъ

Павелъ Катенинъ.

P. S. Если сверьхъ всякаго чаянія и пристойности, Крыловъ откажется отъ дальнѣйшихъ стараній и скажетъ, что онъ сдѣлалъ довольно, не сдѣлавъ ничего, скажите отъ меня Каратыгину, чтобъ онъ сходилъ къ Смирдину и, упираясь на сказанное имъ мнѣ, что купить онъ не могъ по обстоятельствамъ, но напечатать готовъ, взялъ съ него вторично въ томъ вѣрное слово и, зайдя опять съ Вами вмѣстѣ, кончилъ дѣло объ изданіи. Я увѣренъ, что Каратыгинъ не откажетъ мнѣ въ этомъ потрудиться; но въ сотый разъ: такъ, либо сякъ, только безъ отлагательствъ.

П. Кат.

88.

10-го ноября 1833 г. (Царское Село).

Я вовсе не думалъ ссориться и еще менѣе отмалчиваться; удивляюсь, отчего Вы въ среду 8-го ноября не получили уже моего письма, посланнаго отселѣ въ понедѣльникъ 6-го. Повторяю вкратцѣ содержаніе его: Смирдинъ встрѣтился со мной у Крылова, когда я въ послѣдній разъ пріѣзжалъ въ Петербургъ и, отговариваясь обстоятельствами въ томъ, что не купилъ Милуши, предлагалъ однако ее напечатать; слѣдственно теперь прошу обратиться къ нему и, напомнивъ его слово мнѣ, при Крыловѣ добровольно сказанное, съ нимъ заключить условіе объ изданіи. Если Крыловъ откажется въ содѣйствіи, можно попросить Каратыгина къ Смирдину сходить и съ нимъ сговориться; даже можете Вы сами прямо рѣчь къ нему обратить. Но такъ ли, сякъ ли, моя просьба: дѣломъ поспѣшить, ибо время дорого, и вотъ уже слишкомъ два мѣсяца, уплывшихъ послѣ пропуска цензурою рукописи. При семъ посылаю XXI-ю пѣснь Одиссеи: отдайте ее переписать, какъ прочтете. Что же до дружбы, любезнѣйшій Николай Ивановичъ, я дорожу ею не менѣе другого, и Вы напрасно подумали, чтобъ я могъ ее прошутить. Весь Вашъ

Павелъ Катенинъ.

89.

13-го ноября 1833 г. Царское Село.

Въ третій разъ принимаюсь писать къ Вамъ одно и тоже, любезнѣйшій Николай Ивановичъ, не для того что, по словамъ Вольтера: il faut répéter; а вотъ чего ради: первое письмо мое, черезъ почту отправленное въ прошедшій понедѣльникъ, либо поздно дошло къ Вамъ, либо вовсе пропало, ибо Вы въ своемъ письмѣ не

упомянули о немъ, а напротивъ жаловались, что я не пишу и не знали, чему приписать мое молчаніе; второе письмо мое и съ 21-й пѣснью Одиссеи послано съ чужимъ человѣкомъ и стало еще ненадѣжнѣе почты. И такъ вотъ третье, и третій разъ прошу: оставя Глазунова, обратиться съ печатаніемъ Милуши къ Смирдину, который, у Крылова со мною сойдясь, нынче недавно, самъ вызывался напечатать, коли я того хочу. Еще просилъ и прошу, взпомнивъ сколько уже времени даромъ пропало, поспѣшить этой сдѣлкой со Смирдинымъ, довольно легкой, ибо въ ней нѣтъ затрудненій, поспѣшить и печатаніемъ книги, ибо пора, а медленность и опаздываніе порча всѣхъ дѣлъ на свѣтѣ. Къ этому прибавляю только, что дивлюсь, какъ Вамъ могла въ голову войти мысль, что я хочу ссориться, j'en suis bien loin [1]); но Вы, коли получили хоть одно изъ моихъ писемъ, давно сами разсмѣялись надъ привидѣніемъ, которое какъ-то создалось вдругъ изъ ничего. Писалъ бы еще, да только что всталъ, а уже поздно, и боюсь опоздать посылкою на почту, которая, однако, какъ видно сама не всегда изправна, буде ma première lettre отъ 6-го ноября ни рано ни поздно къ Вамъ не дошло. Прощайте до свиданія и *печатайте Милушу.* Весь Вашъ

Павелъ Катенинъ.

90.

(Конецъ ноября [2]) 1833 г. Царское Село).

Очень радъ, любезнѣйшій Николай Ивнновичъ, что дѣло о Милушѣ идетъ на ладъ со Смирдинымъ, и благодарю Васъ и Каратыгина за дружеское стараніе, но (j'en reviens là) оканчивайте и печатайте. Въ какой же типографіи будетъ печататься книга? коли Смирдинъ отстраняется отъ сихъ хлопотъ, которыхъ, впрочемъ, онъ и тогда не зналъ, то я напишу еще разъ къ Лобанову, а сначала надобно Вамъ сказать типографчику: 1-е, чтобъ онъ велъ дѣло ходомъ; 2-е чтобъ сносился съ Лобановымъ. Я же повторяю одно: пора! Декабрь на дворѣ, ergo: пора! Еще прошу Васъ отправить одинъ экземпляръ моихъ сочиненій, вмѣстѣ съ приложеннымъ здѣсь письмомъ, по надписи черезъ почту. Письмо положить между книгами, чтобъ не платить вдвойнѣ; а книги я думаю есть у Васъ, коли не на тонкой, то хоть на толстой бумагѣ: все равно. Братъ Ал. Андр. былъ вчера у меня; онъ переведенъ въ первый баталіонъ, стоящій теперь за городомъ, и попалъ мнѣ въ сосѣдство. Извините, что сегодня письмо еще хуже обыкновеннаго, пишется наскоро, и

---

[1]) „Я очень далекъ отъ этого“.

[2]) Помѣтка рукою Бахтина: „пис. къ П. А. 2-го декабря 1833 г.“.

голова пуста. Главная мысль въ ней все таже: печатать скорѣе Милушу. Прощайте до свиданія. Весь Вашъ П. Катенинъ.

P. S. Жду подробнаго извѣстія о начатіи дѣла, съ означеніемъ типографіи, гдѣ оно будетъ производиться.

91.

4-го декабря 1833 г. (Царское Село).

Письмо Ваше подтвердило мнѣ слова брата; я почти радъ, что все дѣло въ проволочкѣ, а не въ разрывѣ, отъ чего бы большая проволочка послѣдовала; но усердно прошу Васъ и эту, какъ можно скорѣе, сжить долой, ибо изданію книги хорошо бы уже конченнымъ быть объ эту пору, а оно и не начато. Я прошу d'abondance, когда начнется оно, сговорить съ типографчикомъ, чтобы онъ отнюдь не мямлилъ, и Лобанову я напишу тогда въ томъ же смыслѣ. О бумагѣ, шрифтѣ, etc. молчу, полагаюсь во всемъ этомъ на Вашъ выборъ, но повторяю (il faut répeter, говоритъ Вольтеръ), что время не ждетъ, и каждый часъ въ подобномъ случаѣ дорогъ. О житьѣ моемъ говорить нечего: словъ не стоитъ. Книгъ нѣтъ, и изящнаго ничего въ голову не лѣзетъ, а занятій по службѣ тоже нѣтъ; изо всего вмѣстѣ выходитъ злая скука. Нашелся въ образцовомъ полку нѣкто Макаровъ, мнѣ съ родни, учившійся въ Московскомъ университетскомъ пенсіонѣ, и сверьхъ того играющій въ шахматы; я и тому радъ. Когда же Вы съ Каратыгинымъ пріѣдете? если не ранѣ, то постарайтесь хоть въ будущій понедѣльникъ, декабря 11-го: день моего бѣдственнаго на свѣтъ рожденія. Торопите печатаніе Милуши: нужно.

Прощайте до свиданія.

Весь Вашъ

Павелъ Катенинъ.

92.

21-го декабря 1833 г. (Царское Село).

Двукратное предложеніе Смирдина мнѣ и Вамъ, чтобъ я чѣмъ-нибудь снабдилъ его будущій журналъ [1]), за что онъ и платить не отказывается, заставило меня подумать объ этомъ, и вотъ что мнѣ, почтеннѣйшій Николай Ивановичъ, на мысль пришло: не напечатать ли тутъ продолженія Размышленій и Разборовъ, выходившихъ въ Литературной Газетѣ? двѣ статьи: о французкой поэзіи и о французкомъ театрѣ трагическомъ, еще читателямъ неизвѣстныхъ,

---

¹) „Библіотека для чтенія".

и чѣмъ ихъ подъ спудомъ держать, лучше на свѣтъ выпустить и въ одно время угодить книгопродавцу. Коли такъ, то надо только въ концѣ первой статьи прибавить P. S. въ трехъ строкахъ, а имянно: „Все сіе было написано уже нѣсколько годовъ тому назадъ, съ тѣхъ поръ явился во Франціи еще одинъ геніальный стихотворецъ Викторъ Гюго; но о немъ и вообще о романтической революціи Франціи надлежало бы написать особую и, можетъ быть, довольно пространную статью, которою заняться теперь мнѣ нѣтъ ни времени, ни охоты“. Относительно же платы, я за прозу денегъ со Смирдина брать не хочу, а возьму книгами, что для него сходнѣе; но за стихи, коли буду у него помѣщать [1]), прошу наличныхъ пѣнязей, car стихи великое дѣло, а проза n'est que de la vile prose [2]). Еще прошу Васъ, любезнѣйшій, увѣдомить меня на счетъ московскихъ экземпляровъ: что мнѣ написать Грудеву? если Смирдинъ этому не противится, то его же надо попросить о пересылкѣ книгъ къ Ширяеву, разумѣется на мой счетъ, но онъ перешлетъ за меньшую цѣну ибо у нихъ это уже заведено, а я не знаю, какъ и отправить. Новая рѣчь: Вздорная, но веселая мысль проскочила въ головѣ, и я написалъ эпиграмму. Вотъ она!

Охота спорить бѣлый свѣтъ
Подъ часъ до глупости доводитъ.
Вчера къ пріятелю вхожу я въ кабинетъ;
Споръ слышу у гостей: всякъ изъ себя выходитъ;
Шумъ, слово за словомъ, отвѣту вслѣдъ отвѣтъ;
Хозяинъ умный самъ съ другими колобродитъ.
Что жъ важный спора ихъ предметъ?
„Съ какого языка усердный де Шаплетъ [3])
Намъ Вальтеръ-Скотта переводитъ,
И сѣрый Тассъ, въ которомъ смысла нѣтъ,
На много-ль желтаго однакожъ превозходитъ?“

Прикажите списать двѣ копіи, рукою неизвѣстною, подписавъ буквою: П, и пошлите одну по городской почтѣ къ Гречу, а другую въ Москву къ Полевому, car je veux garder l'incognito. Я двухъ

---

[1]) Въ „Библ. для чтенія“ Катенинъ помѣстилъ въ 1835 г. (т. XII стр.15—16): стихотв. „Предложеніе“, а въ 1836 г.: „Гнѣздо голубки“ (т. XIV стр. 14—17) и быль „Инвалидъ Горевъ“ (т. XVII стр. 3—16).

[2]) „Презрѣнная проза“.

[3]) Самуилъ Самуиловичъ Де-Шаплетъ, ум. въ 1834 г., подполковникъ, членъ Общ. Любител. Росс. Словесн., сотрудничалъ въ Моск. Телегр., Сѣв. Пчелѣ и т. п., перевелъ „Жизнь Наполеона Бонапарта“ въ 14 ч. (1831 г., 2-ое изд. 1836 г.).

Тассовъ, Кукольника [1]) и Кирѣева [2]), обозначилъ по цвѣту обертки; но не лучше ли будетъ сказать о нихъ такъ:

И *Тассъ* неигранный, въ которомъ смысла нѣтъ,
На много-ль игранный однако-жъ превозходитъ?

Сіе предоставляю на Вашъ выборъ и вкусъ. Правда, что эдакъ рѣчь двусмысленна и едва ли правильна; la première manière лучше и безопаснѣе, ибо не касается дирекціи И. театровъ. Новая бѣда! я слышалъ, что Загоскинъ издалъ романъ: эпоха Владимира [3]) и герой называется *Всеславъ*. Прочтите, если можно, и увѣдомьте: нѣтъ ли еще какого сходства. Ждалъ я отъ Васъ писемъ, но почта ничего не привезла; и такъ, прощайте до будущихъ, а поспѣшите печатаніемъ Милуши; ничего такъ не боюсь, какъ проволочки.

Весь Вашъ

Павелъ Катенинъ.

93.

8 января 1834 г. (Царское Село).

Ни на записку, отправленую черезъ человѣка моего, вмѣстѣ съ письмомъ къ Лобанову, ни на другое письмо, гдѣ стихи были помѣщены, не имѣю я понынѣ отъ Васъ, любезнѣйшій Николай Ивановичъ, никакого отвѣта и, что также тяжело моему сердцу, не знаю навѣрно, печатается ли Милуша и сколько уже готово, и когда будетъ дѣло къ концу. Сдѣлайте милость, не оставляйте меня слишкомъ долго въ семъ горестномъ недоумѣніи, О себѣ скажу Вамъ вотъ что: срокъ отъѣзда на Кавказъ не далекъ [4]), и, по всѣмъ вѣроятіямъ, я по снѣгу укачу туда; я даже сегодня пишу въ деревню, чтобы люди, мною отпущенные, поспѣшили возвратиться ранѣе назначеннаго срока: 15-го февраля. Какъ это сдѣлалось, или дѣлается, разкажу Вамъ при свиданіи, ибо располагаю въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ, а можетъ быть и въ первой половинѣ онаго, побывать въ Петербургѣ. Отправили ли Вы еще прежде, по просьбѣ

---

[1]) „Драматическая фантазія въ стихахъ“ Нестора Васильевича Кукольника (1809—1868 г.): „Торквато Тассо“ напеч. въ 1833 г., не была представлена.

[2]) Торквато Тассо, драма Кирѣева (Александръ Дмитріевичъ, управл. конторой Имп. Театровъ въ 1847 г., перев. „Преступную мать“ Бомарше) представл. въ СПБ. 27 сентября 1833 г.

[3]) „Аскольдова могила“, романъ М. Н. Загоскина. М. 1833 г. (Герой Катенинской „Милуши“ именуется Всеславомъ Голицею).

[4]) Катенинъ выѣхалъ 13 марта 1834 г. (См. письмо Катенина къ Пушкину отъ 10 марта 1834 г. Бумаги А. С. Пушкина. Вып. I. Москва 1881 г.) и прибылъ къ своему полку (Эриванскому Карабинерному) 10-го мая 1834 г.

моей письмецо и экземпляръ къ Иванову въ Пучежъ? и по соображеніямъ и сдѣлкамъ Вашимъ, какъ мнѣ писать къ Грудеву о Ширяевѣ etc? но главное: скоро ли Милуша поспѣетъ? Прощайте, почтеннѣйшій, до отвѣта и до свиданія послѣ

Весь Вашъ

Павелъ Катенинъ.

94.

11 января 1834 г. (Царское Село).

Возвращаю при семъ корректурный листъ и съ надписью, а тотъ я оставилъ, почитая уже не нужнымъ, однако сохраню на всякъ случай. Съ Лобановымъ дѣлать нечего, и на счетъ дѣла я, судя потому что видѣлъ, мало сожалѣю о немъ, но бѣда въ томъ, что я здѣсь, а не тамъ, гдѣ печатаютъ, отъ чего можетъ произойти весьма вредная проволочка; я и такъ уже удивленъ и опечаленъ, видя, что понынѣ всего одинъ листъ набранъ и тотъ не тиснутъ: когда-жъ будетъ конецъ? Не уже ли нѣтъ человѣка, который бы, держась правилъ моей ороографіи, очевидныхъ, въ рукописи мною изправленной, могъ вычищать ошибки наборщиковъ? если нѣтъ, присылайте сюда, я самъ займусь, и за мной задержки не будетъ, лишь бы я успѣлъ до почтоваго дня, понедѣльника, либо пятницы, получить и хоть глазомъ окинуть. Нельзя ли Элькана [1]) попросить? онъ, я увѣренъ, не откажетъ; но бѣда, что я не знаю его жительства: развѣ справиться въ Департаментѣ Путей Сообщенія, гдѣ онъ служитъ, либо у самого, при встрѣчѣ на улицѣ. Ускореніе моего отъѣзда, давно желаемое мною, обдѣлывается черезъ Адлерберга [2]); кажется, этого достаточно, чтобы увѣриться въ томъ, что непріятнаго мнѣ ничего быть не можетъ. Еще сегодня намѣренъ я сходить къ генералу Люце и поторопить его ходатайство, уже мнѣ обѣщанное; коли онъ скажетъ что-нибудь дѣльное, сообщу ужо. Затрудненіе въ томъ, что я людей отпустилъ въ деревню до 15-го февраля, и сверьхъ того дорога полузимняя и полулѣтняя будетъ не безъ хлопотъ; но что дѣлать? мнѣ, какъ видно, на роду написано проживать вѣкъ свой въ безпокойствѣ. Люце, отъ котораго я сейчасъ пришелъ, сказалъ мнѣ, что онъ послалъ уже бумагу обо мнѣ, и что мнѣ остается готовиться къ отъѣзду: изъ сего усмотрите

---

[1]) Александръ Львовичъ Эльканъ перевелъ на нѣмецкій языкъ стихотв. Катенина „Пѣвецъ Усладъ“ (Der Sänger), напеч. въ I т. соч. Катенина стр. 180—181.

[2]) Графъ Влад. Ѳед. Адлербергъ (1791—1884 г.); въ то время начальникъ Военно-походной Е. И. В. Канцеляріи.

Вы, какъ нужно поспѣшить изданіемъ Милуши; Бога ради, поторопите; корректуру, пока другаго нѣтъ, я буду держать, и вѣрно не за мной выйдетъ остановка или замедлѣніе. Прощайте покуда, любезный Николай Ивановичъ, а вскорѣ скажется на долго: прости.

Весь Вашъ

Павелъ Катенинъ.

95.

15 января 1834 г. (Царское Село).

Вчера весь день я ждалъ и не дождался присылки второго листа печатной Милуши, о которомъ Вы писали, что онъ уже готовъ былъ прежде отправки перваго. Знаю, почтенный Николай Ивановичъ, что всѣ видятъ по своему, и сожалѣю объ этомъ; мнѣ хотѣлось бы хоть на мигъ одинъ ссудить Васъ моими глазами, которые въ проволочкѣ и опозданіи видятъ нѣчто отвратное, ужасное, гибельное. День за днемъ, мѣсяцъ за мѣсяцемъ проходятъ въ чудной тратѣ, и ничто съ рукъ нейдетъ; прошу Васъ, пособите. Толстую библіотеку для чтенія [1]) я досталъ и прочелъ. Стиховъ нѣтъ, такъ сказать; Пушкина Гусаръ пустячекъ, и его одного проглотить можно, прочіе на зубахъ вязнутъ [2]). Я удивился такой скудости запасовъ, но видно, что разочтено насколько легче бумагу марать безъ мѣры и риѳмы. Проза вся вообще надута, жеманна и неправильна до безграмотности. Статьи Греча [3]) однѣ писаны, какъ онъ всегда пишетъ, холодно и бездушно, съ примѣсью зла in petto [4]), но чисто и по русски. Статья Сенковскаго [5]) „Скандинавскія Саги" имѣетъ другое достоинство: существенное, но сколько въ ней вранья, пустословія и опять односторонности. Карамзинъ слѣпо вѣрилъ въ Нестора и Шлецера, а этотъ слѣпо же въ своего Эймунда; только замѣтьте, что persifflage надъ Карамзинымъ уже не считается за уголовное преступленіе. Критическія статьи двухъ родовъ: свои собственныя и переводныя. Что послѣднія умнѣе и толковѣе вѣщь естественная, но что онѣ направлены совсѣмъ не туда, куда первыя, а какъ бы противъ нихъ, что за моремъ осуждаютъ, какъ не-

---

[1]) Библіотека для чтенія 1834 г. т. I.

[2]) Стихи И. Козлова, В. Жуковскаго (Норманскій обычай), барона Розена, Г. Р. Державина (впервые напечатанные).

[3]) Письмо въ Парижъ къ Я. Н. Толстому (Н. Греча) отъ 6-го декабря 1833 г.

[4]) „Съ затаенною злобою".

[5]) „Скандинавскія Саги" (въ отношеніи къ русской исторіи) Осипа Ивановича Сенковскаго (1800—1850 г.) отд. III, стр. 1—77.

лѣпицу, заслуживающую забвенія, то самое, что здѣшнимъ судьямъ мерещится за геніальный sublime, это достойно вниманія всякаго мыслящаго человѣка, и кажется не замѣчено Г-ми издателями. Ненависть ихъ ко мнѣ и Каратыгину является въ ретиценціяхъ и обинякахъ: такъ слѣдуетъ; но я желаю знать, кто именно Тютюнджю-Оглу [1]), поклонникъ Кукольника, изволившій на 33 стр. излить свое негодованіе на весь комитетъ, у Гедеонова [2]) збиравшійся для слушанія и принятія пьесъ. Жду письма отъ Васъ и продолженія Милуши; ради Бога и Христа его, озаботьтесь, чтобъ дѣло шло, затяжка мучитъ меня. Весь Вашъ

Павелъ Катенинъ.

96.

19 января 1834 г. (Царское Село).

Несмотря на слезныя мои просьбы, я не получаю ни печатныхъ листовъ Милуши, ни извѣстія объ нихъ, и принужденъ, что далѣе, то болѣе, сокрушаться и опасаться. Сдѣлайте одолженье, любезнѣйшій Николай Ивановичъ, примите сколько-нибудь къ сердцу мое справедливое огорченіе и опасеніе. Довольно уже тѣхъ неудовольствій, которыхъ я отвратить ничѣмъ не могу; надо ли прилагать къ нимъ еще такія, отъ коихъ съ нѣкоторымъ стараніемъ можно бы было и предостеречься? Всякое запоздалое изданіе губитъ сочинителя, всякая книга, поступающая въ продажу, когда всѣ закупились, а нѣкоторыя и по деревнямъ разъѣхались, остается въ лавкѣ; недоброжелатели (а у меня ихъ вдоволь), пользуясь этимъ обстоятельствомъ, громче и рѣшительнѣе вредятъ; безпечные (а симъ числа нѣтъ) охотнѣе и безгрѣшнѣе вѣрятъ имъ на слово; книгопродавецъ, выручая мало денегъ, становится напредь холоднѣе и несговорчивѣе; трудъ, много стоившій и похвалу заслуживающій, презрѣнъ; стихотворецъ пьетъ желчь, вмѣсто меда, etc. etc. etc., а все произошло, можетъ быть, отъ того только, что не кому было въ свою пору сказать слово, или послать въ типографію, или на почту, или что-нибудь въ этомъ мѣлкомъ родѣ.

Повѣрьте, что мнѣ очень больно. Весь Вашъ

Павелъ Катенинъ.

---

[1]) Тютюнджю—Оглу, псевдонимъ Сенковскаго. (Разборъ драмы Кукольника „Торквато Тассо“).

[2]) Степанъ Александровичъ Гедеоновъ, директоръ Имп. театровъ, драматургъ, р. въ 1816 г., ум. въ 1878 г.

97.

22 января 1834 г. (Царское Село).

Еслибъ я уже нѣсколько разъ не изпыталъ, что значитъ Ваше молчаніе, я бы льстился надѣждой, что потому не пишите Вы, что все слава Богу хорошо; легко можетъ быть, почтеннѣйшій Николай Ивановичъ, что оно Вамъ такъ и кажется, только не мнѣ, ибо *все хорошо* не разъ объяснялось мнѣ совсѣмъ иной рѣчью: все ни съ мѣста, всего ничего. О вредѣ сей неподвижности я и говорилъ, и писалъ такъ часто и много, что не придумаю какимъ бы еще словомъ или разсужденіемъ убѣдить Васъ и доказать основательность моихъ безпокойствъ. Часто два человѣка, съ разныхъ точекъ смотря, судятъ на двое; но здѣсь дѣло мое, и потому еще разъ прошу Васъ сколько-нибудь уважить мою заботу, мою одурь днемъ и безсонницу ночью. Цѣлыхъ двѣ недѣли оставленъ я даже безъ увѣдомленія объ изданіи, и въ то самое время, какъ послѣ отклоненія Лобанова, я не вижу, какъ дѣлу печатанія производиться. Мнѣ въ этомъ мучительномъ невѣдѣніи оставаться не можно и не должно; такъ ли, сякъ ли, моя обязанность разпорядиться и устроить, тѣмъ паче что я збираюсь уѣхать такъ далеко, что оттолѣ почти возврата нѣтъ, и что эта книга есть, по всѣмъ вѣроятіямъ, послѣдняя, какую я выдамъ. Горько, если и этотъ блинъ выйдетъ комомъ, и поспѣетъ къ столу не прежде, какъ всѣ гости, по горло сытые, отъ него откажутся.

Больной тѣломъ и духомъ Весь Вашъ

Павелъ Катенинъ.

98.

25 января 1834 г. (Царское Село).

Сегодня былъ я въ должности, а тамъ былъ братъ Ал. Андр. у меня въ гостяхъ, и потому въ половинѣ второго пишу наскоро; корректуру второго листа успѣлъ я выправить и возвращаю съ надписью черезъ почту: цѣна не раззорительна. Благодарю, любезнѣйшій Николай Ивановичъ, за старанія Ваши и прошу болѣе и болѣе, пока будетъ все; съѣздите сами въ типографію и скажите, что дѣло нужно и къ спѣху: авось поспѣшатъ. Весь Вашъ

Павелъ Катенинъ.

99.

1 февраля 1834 г. (Царское Село).

Каждый день жду съ почты продолженія печатной Милуши, и всегда ожиданіе мое тщетно. Между тѣмъ до того дошло, что я на

дняхъ получу отселѣ отправленіе въ Грузію и, если даже выпрошу недѣли на двѣ отсрочку для сборовъ въ Петербургѣ къ отъѣзду, то все этого времени не достанетъ; я предвидѣлъ эту бѣду и скорбѣлъ, но увы! Предвидѣніе и скорбь не могутъ ничего изправить. Если всего сдѣлать не льзя, надо стараться хоть нѣсколько двинуть впередъ, и, того ради, повторяю въ сотый разъ: похлопочите въ типографіи. Она обыкновенно обязуется по два листа печатныхъ давать въ недѣлю, и съ Милушей оно тѣмъ легче, что набору на страницахъ весьма немного; отъ чего я всегда и во всемъ неудачнѣе, нещастнѣе всѣхъ? Прикажите, любезнѣйшій Николай Ивановичъ, отнесть къ брату при семъ приложенное письмецо и извините, что пишу и къ Вамъ на лоскуткѣ. Я не совсѣмъ здоровъ, не знаю отъ простуды ли, или отъ безпокойства и огорченія душевнаго. Ѣхать на край свѣта, не предвидя возврата, оставляя за собой всѣ дѣла въ разстроенномъ, жалкомъ, опасномъ положеніи, изъ тысячи мыслей, спутанныхъ въ головѣ не находишь ни одной утѣшной, не весьма здорово.

Прощайте покуда, будьте здоровы, да не льзя ли помочь Кн. Милушѣ въ ея fièvre lente [1])? Весь Вашъ

Павелъ Катенинъ.

100.

4-го февраля 1834 г. (Царское Село).

Вашъ знакомецъ принесъ мнѣ корректурныхъ листовъ пакетъ въ субботу, и потому я ранѣе понедѣльника ихъ не могу послать по почтѣ; радъ, что два вдругъ, и ожидаю слѣдующихъ. Теперь другая рѣчь, любезнѣйшій Николай Ивановичъ: безъ справки съ заемнымъ письмомъ зналъ я и знаю, что срокъ прошелъ и надобно заплатить; но что мнѣ дѣлать, коли до сей поры бумаги, по которымъ можно будетъ имѣніе перезаложить, еще не доставлены изъ губерніи. Со дня на день ожидаю и, живучи здѣсь, почти ничего не знаю о нихъ; братъ Петръ Александровичъ долженъ имѣть нѣсколько болѣе свѣдѣній на этотъ счетъ, и я бы попросилъ Васъ у него спросить, когда онъ надѣется получить ихъ и приступить къ перезакладкѣ, которой я желаю нетерпѣливо единственно для очистки сихъ долговъ, а не для себя, ибо я совершенно радъ отступиться ото всѣхъ такъ называемыхъ

---

[1]) „Затяжной лихорадкѣ".

имѣній и хлопотъ ихъ безплодныхъ. Добрая воля къ нещастію недостаточна безъ средствъ, средства будутъ непремѣнно и, кажется, что вскорѣ, судя по всѣмъ вѣроятіямъ, но покуда ихъ нѣтъ, надо подождать; мнѣ очень грустно, но другого сказать я не могу. Въ самомъ дѣлѣ, повидайте брата моего, пока я самъ еще отселѣ не переселился въ Питеръ, чего мнѣ и не слишкомъ хочется до возвращенія слугъ, отпущенныхъ въ деревню, и безъ коихъ въ Грузію пуститься нельзя. Прощайте

Весь Вашъ

Павелъ Катенинъ.

Сообщилъ А. Чебышевъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Редакторъ-издатель П. Вороновъ.

Труды слушательницъ Одесскихъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ. Т. I. Вып. I. Подъ ред. проф. И. А. Линниченко. Одесса 1910. Тип. Техникъ (Успенская, 56). 8° (17×27). II+157+1 стр. Вѣсъ 20 л. 300 экз.

Содержаніе: Атласъ, Д. I. Джемсъ Гаррисъ, его дипломатическая миссія и письма изъ Россіи. II. Дневникъ французскаго дипломата Мари-Даніэля де Корберона. Паппадато Л. Неизданная французская рукопись Наказа Императрицы Екатерины II.

Фальбская, Л. С. Къ исторіи 19-го февраля. Крестьянскій вопросъ въ наказахъ дворянства XVIII вѣка. М. 1911. Тип. И. Н. Кушнеревъ и К° (Пименовск., с. д.). 8° (15×22). 24 стр. Ц. 20 к. Вѣсъ 3 л. 500 экз.

Хомяковъ. Гдѣ была старая Казань. (Отд. от. изъ XXVI т. „Извѣстій об-ва археол., ист. и этногр.“ за 1910 г.). Казань. 1910. Тип. университета 8° (17×24). 15 стр. Вѣсъ 2 л. 50 экз.

Чернышевъ, В. Педагогическая дѣятельность Н. И. Пирогова. Спб. 1911. Отд. оттискъ изъ ж. „Русская Школа“. Тип. М. А. Александрова (Надеждинская, 43). 8° (16×25). 84 стр. Ц. 40 к. Вѣсъ 8 л. 400 экз.

404 засѣданіе (годичное) Императорскаго одесскаго общества исторіи и древностей. 14 ноября 1910. Тип. Е. Хрисогелоса (ул. Кондратенко, 8). 8° (20×28). 48 стр. Вѣсъ 7 л. 100 экз.

Шадровъ, С. О. Изъ моихъ воспоминаній. Тамбовъ. 1911. Изд. автора. Тип. Бердоносова и Пригорина. 8° (14×20). 52 стр. Вѣсъ 6 л. 3.500 экз.

Шахматовъ, А. Исторія русскаго языка. Лекціи. Спб. 1911. Тип. Богданова (Эртелевъ. 7) 8° (19×30)). 161—407 стр. Вѣса 1 ф. 9 л. 200 экз.

Шведская война 1808—1809 гг. Состав. Воен. ист. отдѣломъ Шведскаго генер. штаба. Часть III. Перев. Ниве, подполк. Пильсудскаго и Иванова. Спб. 1910. Изд. Упр. Генер. Штаба Тип. Бережливость (Невскій пр., 139). 8° (17×26). XI+274+67 стр. и въ прилож. 16 картъ. Вѣсъ 1 ф. 16 л. 500 экз.

Шлякинъ, И. А., проф. Литература Юго-Западной Руси XVI—XVII в. Спб. 1911. Тип. Богданова (Эртелевъ, 7). 8° (18×29) 161—445 стр. Вѣсъ 1 ф. 15 л. 500 экз.

Вѣстникъ Археологіи и Исторіи, издаваемый Имп. Археологическимъ Институтомъ. Вып. XX. Спб. 1911. Тип. Смирнова (Екатерин. кан., 45). 8° (18×27). XXXIII+96+160 стр. Вѣсъ 1 ф. 22 л. 300 экз.

Вѣтринскій, Ч. Крѣпостное право и освобожденіе помѣщичьихъ крестьянъ. Общедоступный историческій очеркъ. Н.-Новгородъ. 1911. Изд. об-ва распр. нач. образ. въ Нижегор. губ. Тип. Нижегор. Печ. Дѣло 16° (13×17). 51 стр.+6 портр. Ц. 5 к. Вѣсъ 2 л. 6.000 экз.

Г-ъ, Л. Великій праздникъ освобожденія. Къ 50 лѣтію освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Иллюстрированный сборникъ для школъ и народа. М. 1911. Изд. и тип. т-ва И. Д. Сытина. 16° (13×17). 96 стр. Съ рис. Ц. 10 к. Вѣсъ 4 л. 20.000 экз.

Галаховъ, Іаковъ, прот. Николай Ивановичъ Пироговъ и его религіозно-философскіе взгляды. Томскъ. 1911. Тип. Дома трудолюбія. 8° (16×24). 18 стр. Вѣсъ 1 л. 1.000 экз.

Галицкій, кап. Памятка Эстляндца. Ко дню празднованія 8-мъ пѣхотн. Эстляндскимъ полкомъ 200-лѣтія со дня формированія полка. Варшава 1910. Тип. Окр. Штаба (Саксонская пл., 7). 16° (11×17). 11 стр. Вѣсъ 1 л. 3.000 экз.

Гвоздевъ, С. Записки фабричнаго инспектора (Изъ наблюденій и практики въ періодъ 1894—1908 гг.). М. 1911. Изд. С. Дороватовскаго и А. Чарушникова. Тип. В. Рихтеръ (Мамоновск. пер., соб. д.). 8° (15×22). 263 стр. Ц. 1 р. Вѣсъ 23 л. 1.900 экз.

Грюнфельде-Танненбергъ. 15-го іюля 1410 г. (Грюнвальденскій бой). Юбилейный иллюстрированный сборникъ статей членовъ Императорскаго Русскаго Военно-Историческаго Общества. Кіевъ. 1910. Изд. Кіев. отд. Русск. воен.-истор. об-ва. Тип. Окр. Штаба (Банковая, 11). 8° (17×26). 75 стр.+16 лист. рис., картами и схем. Ц. 1 р. Вѣсъ 19 л. 1.000 экз.

Дмитріевъ, Н. 50-лѣтіе освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости (1861 г. 19 февраля 1911 г.). Для школъ, народа и арміи. Одесса. 1911. Тип. М. С. Гринберга (Ришельевск., 28). 8° (11×22). 50 стр.+2 портр. Ц. 20 к. Вѣсъ 5 л. 3.000 экз.

Дубенскій, Д. Исторія русскаго солдата отъ Петра Великаго до нашихъ дней, въ картинахъ и рисункахъ (Изъ 12 листовъ, въ видѣ стѣн. табл.). Спб. 1911. Изд. газеты „Русское чтеніе“. Тип. Голике и Вильборгъ (Звенигор. 11). f° (55×75). 12 листовъ. Съ рис. и текстомъ. Ц. 3 р. Вѣсъ 1 ф. 15 л. 5.000 экз.

Извѣстія отдѣленія русскаго языка и словесности Имп. Академіи Наукъ. 1910 г. Т. XV, кн. 3. Спб. 1910. Изд. и тип. Академіи Наукъ (В. О., 9 л., 12). 8° (17×25). 432 стр. Съ рис. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсъ 1 ф. 32 л. 813 экз.

Содержаніе. Айналовъ, Д. В.—Очерки и замѣтки по исторіи древнерусскаго искусства. Степановъ, Н. В.—Замѣтки о статьѣ Кирика. Шляковъ, Н. В.—Служба преп. Кириллу. Васильевъ, Л. Л.—Буква ѣ. Пиксановъ, Н. К.—Памяти А. Н. Пыпина. Варнеке, Б. В.—Комедія М. И. Веревкина „Точь въ точь“. Заболотскій, П. А.—Къ вопросу о русской струѣ въ литерат. сербскаго возрожденія. Мурзановъ, Н. А.—Къ біографіи В. А. Жуковскаго. Станкевичъ, А. И.—Нѣсколько варіантовъ къ стихотвореніямъ Кольцова.

Извѣстія отдѣленія русскаго языка и словесности Имп. Академіи Наукъ. Общее содержаніе I—XII тома (1896—1907 гг.). Спб. 1911. Изд. и тип. Академіи Наукъ. 8° (17×25). 103 стр. Ц. 85 к. Вѣсъ 13 л. 813 экз.

Каталогъ аукціона собранія русскихъ монетъ Имп. Екатерины I (1725—1727), принадлежащихъ нумизматической фирмѣ Б. Ф. Копылова. Ч. II. Спб. 1911. Изд. Имп. Общ. Поощренія художествъ. Тип. „Капиталъ“ (6. Рождеств., № 22). 8° (19×23). 16 стр. Вѣсъ 2 л. 300 экз.

Редакторъ-издатель **П. Н. Вороновъ.**

